
МСТИСЛАВА
ЧЁРНАЯ
Невеста
РЕШАЕТ
БУНТОВАТЬ

Невеста решает бунтовать (СИ)

Мстислава Чёрная

Аннотация

Аннотация

Любимый предал, отец обвинён в государственной измене, на шее затягивается петля. Но княжна Исидара Кокберг не привыкла сдаваться. Чтобы спасти семью, она повернёт время вспять и… похитит сердце посла вражеской империи.

Глава 1

Из окна второго этажа я смотрю, как мой муж обнимает другую женщину. Его ладони скользят по её спине, задерживаются на бёдрах, пальцы сжимаются, и женщина болезненно взвизгивает, но тотчас заливается смехом и игриво ударяет моего мужа по плечу. Её звонкий голос ввинчивается мне в уши.

Муж нехотя отпускает женщину и подаёт руку белобрысому карапузу, их сыну.

Я прижимаюсь лбом к стеклу, но холод не приносит облегчения.

— Рей…, — выдыхаю я.

Злости нет. Моя душа осыпалась пеплом восемь дней назад, и не осталось ничего, кроме горечи вины и сожаления.

Разве папа не говорил мне присмотреться к другим ухажёрам, подождать? Он говорил, что дворянин без титула, живущий на скромное жалованье мелкого чиновника для меня, дочери богатого княжеского рода, не пара, говорил, что выскакивать замуж в девятнадцать лет слишком рано, а Рей дарил стихи, улыбался и на балконе под луной признавался в чувствах, кружил голову тайными записками.

Я горела любовью и… сгорела дотла.

Горло сдавливает спазм.

Я вспоминаю, как папа отказал Рею, и Рей, ни капли не расстроившись, по-рыцарски встал перед парадным крыльцом на одно колено, прижал правую руку к груди, склонил голову. Всего-то… Как же дёшево я продалась. Помню, как сейчас — я выбежала из дома и там, на улице, под взглядами любопытных зевак тоже опустилась на мостовую, тем самым не оставив папе выбора: в “Светской хронике” обо мне вышла целая статья, полная злых насмешек, моя честь была бы опорочена, продолжай папа отказываться от брака. Свадьбу сыграли спешно…

Любовь… Рей клялся мне в верности мне, в уме планируя очередной визит к любовнице. На тот момент у них уже был сын, и тогда же, чуть больше года назад, Рей в храме Белой богини признал отцовство, дал сыну свою фамилию.

Теперь Рей привёл любовницу и бастарда в дом.

Обман?

Беды, одна чернее другой, обрушились на нас сразу после моего замужества.

Сперва брат, единственный наследник. Безупречный молодой князь, и вдруг найден мёртвым в одном из низкопробных заведений

столицы. Именно Рей посоветовал пригласить следователей из Тайной канцелярии. Я до последнего не верила, когда следователи нашли доказательства государственной измены и подготовки мятежа. Восемь дней назад… Восемь дней назад папу обезглавили.

Не выдержав потрясений, мама скончалась там, у позорного помоста…

Если бы я только не вышла замуж за Рея…

Внезапное осознание опаляет мой разум. Словно повязка с глаз падает. Череда несчастий?! Но именно Рей мог заманить брата в ловушку, именно Рей мог подбросить поддельные письма и всё то, что следователи представили на суде. Какой слепой дурой я была! Я сползаю вдоль стены на пол и захожусь в смехе пополам с рыданиями, бездарно трачу на истерику остатки сил.

Не знаю, сколько я просидела на полу под окном. Когда я прихожу в себя, я чувствую себя мёртвой. Я всех подвела, моя семья уничтожена, сердце разбито. Это конец.

— Ха…

Я зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, случайно взгляд цепляется за накрытый стол. Овощи давно увяли, хлеб зачерствел, а на мясе погребальным цветком расцветает плесень. Кажется,

я отказалась от еды неделю назад? Иногда я пью воду… И никто, ни муж, ни слуги не проявляют беспокойства. Слуги… Наверное, они больше не считают меня хозяйкой. Они даже не убирались семь дней. И камин не топлен.

Мне холодно.

Уйти следом так легко… Я впиваюсь отросшими ногтями в ладонь, раню тонкую кожу. Телесная боль слегка отрезвляет. Пусть я жалкая, но я всё ещё Исидара Кокберг. У меня ещё осталась гордость. Нет, я не уйду легко, я не доставлю врагам такого удовольствия. Я заставлю их сполна заплатить.

Сжав зубы, я кое-как встаю на четвереньки, затем — на ноги. Цепляясь за стенку и спинки кресел, я доползаю до дивана. От столь простого действия я задыхаюсь, сердце бешено стучит.

Чтобы сражаться, нужны силы.

Выровняв дыхание, я дотягиваюсь до колокольчика. Пальцы пачкаются в тонком налёте невесомой пыли. Я встряхиваю кистью, и раздаётся звон. Мне дважды приходится повторить, прежде чем дверь открывается и на пороге появляется Лали, моя горничная.

— Госпожа? Нас, слуг, представляли новой экономке, — оправдывает она задержку, словно

нарочно стараясь ковырнуть рану на сердце.

Но любовница мужа меня не заботит…

— Новая экономка заставила тебя несколько суток простоять в холле? — удивляюсь я.

— Госпожа?

Лали недоумённо хлопает ресницами.

Почему я чувствую фальшь?

Несколько раз ударив ногтем по подлокотнику, я задумчиво спрашиваю:

— Лали, что ты видишь на столе? Если новая экономка узнает, разве тебя не уволят?

— Госпожа, я боялась вас тревожить. Простите! Я сейчас же уберу.

Качнув головой, я останавливаю Лали:

— Сперва принеси мне чаю. Скажи на кухне, чтобы приготовили куриный бульон, — и, немного подумав, добавляю. — С яйцом.

Думаю, я осилю выпить.

Лали смотрит на меня странно, долгое мгновение она просто столбом стоит на пороге и уходит лишь после того, как я вопросительно приподнимаю бровь. Лали плотно закрывает за собой дверь.

А девочка изменилась…

На комоде мерно тикают часы.

У Лали на выполнение поручений уходит подо-

зрительно много времени, но в конце концов она действительно приносит чай, не забыв разместить на подносе сахарницу и тарелочку с сухим печеньем. Я приказываю поставить поднос рядом со мной прямо на диван. Да, это немыслимое нарушение этикета, но до стола я не доползу.

— Как скоро будет готов бульон? Принеси мне влажное полотенце, Лали, — я не в состоянии принять ванну, но хоть оботру лицо и руки.

— Бульон начнут готовить, — неопределённо отвечает Лали, не скрывая полнейшего безразличия.

Хах, она больше не на моей стороне.

Лали приносит полотенце и забирает со стола испорченные продукты. Она уходит… и больше не возвращается, ни через полчаса, ни через час, ни с бульоном, ни без него.

За окном сгущаются сумерки. Я хмурюсь. Что происходит? Какую бы власть в доме ни получила так называемая экономка, помешать мне выгнать личную горничную она не сможет. Я отправляю в рот последнюю печеньку и медленно рассасываю. После перекуса мне стало капельку легче. Вместе с печенье кончается и терпение, я поднимаю колокольчик, звоню.

Шагов не слышно, тишину тревожит только

звон.

Сколько бы усилий я ни прикладывала, никто не приходит на зов. Возможно, мне следует перебраться в будуар, взять украшения и… покинуть дом? Я думаю, я смогу добраться до врача, отдать драгоценности за лечение. Со всеми остальными проблемами я буду разбираться после того, как поправлюсь.

Я отбрасываю колокольчик. Стихает жалобный звяк.

Сейчас я встану… Нет, не встану — что-то слышу.

Шаги. Тяжёлые, дробные. Идущие, их двое или трое, будто гвозди заколачивают.

Предчувствия самые нехорошие — видимо, с побегом я опоздала. Дверь распахивается. Первым входит Рей, и за ним следуют два бородача неприглядной наружности. Оба заросшие, обрюзгшие и вносят в комнату вонь дешёвого курева. Тот, что повыше, обезображен рваным шрамом. Низкорослый крепыш сжимает в лопатообразных ручищах верёвку.

Сглотнув вязкую слюну, я стараюсь скрыть охвативший меня страх. Вид у бородачей откровенно бандитский. Думаю, я знаю, для чего им нужна верёвка, и знаю, что после стольких дней

отказа от еды я слишком слаба, чтобы сопротивляться троим. Отчаяние захлёстывает с головой, но мой голос звучит достаточно равнодушно, ровно:

— Рей?

— Твоя служанка сказала, что ты захотела бульон? — он спрашивает как будто дружелюбно.

— Хм?

Он качает головой:

— Я хотел позволить тебе уйти мирно.

Может быть, мне попросить прощения? Вынуждаю беднягу марать руки. Я усмехаюсь и жалею, что на подносе нет ножа, только чайная ложка — умереть в один день было бы сказочно, не так ли?

— Я хочу уйти… в монастырь, — надежды нет, но я цепляюсь за призрачный шанс.

— Нет, Дара. Пока я зять мятежного князя, пока ты жива, в каком бы монастыре ты ни пряталась, мне не подняться по карьерной лестнице.

Он делает шаг ко мне.

— Это причина? Ни малейшего желания платить жизнью за твои карьерные успехи.

— Ты меня больше не любишь? — притворно удивляется он. — Тогда как насчёт более весомой причины? Хотя в тебе не проснулся родовой

дар, ты всё ещё прямой потомок первого князя Кокберга. Твой ребёнок всё ещё может родиться одарённым.

Неужели Рей оправдывается? Хах, он тоже по-своему жалок.

В последнее время я почти не следила за новостями, но краем уха слышала, что и в других княжеских семьях начались некоторые проблемы. Так это звенья одной цепи?

— Я заставлю тебя ответить, даже если мне придётся стать призраком, — улыбаюсь я.

— Не вини меня, Дара. Если бы ты продолжала голодать, я бы тебе ничего не сделал.

Мне следовало бежать вовремя…

— Будь ты проклят, Рей.

— Действуйте.

Рей просто отворачивается и выходит из комнаты. Дверь остаётся приоткрытой, но он не оборачивается, так и стоит спиной, спокойно ждёт моего финала. Неужели он даже не дрогнет? Наивно, но я бы испытала что-то похожее на уважение, если бы он остался и смотрел мне в глаза.

О чём я вообще?

Крепыш накидывает мне на шею верёвку, затягивает петлю.

Перед глазами темнеет, но свои последние сло-

ва я произношу твёрдо:

— Не прощу.

Сердце колотится в груди, отдаётся в ушах набатом, кровь словно закипает. Забавно, но именно так брат описывал пробуждение родового дара. Брат получил власть над огнём. Ах, хотела бы я спалить дотла ставший мне ловушкой особняк, не оставить ничего, кроме пепелища! Только слуги и экономка с ребёнком пусть спасутся, они не виноваты. По крайней мере, любовница Рея не виновата в том, что он решил меня повесить.

Огонь бушует в крови, но ничего не происходит. Может быть, я настолько слаба, что даже с собственной магией совладать не могу?

Ха…

Я путаю мечту с действительностью, да? Я проваливаюсь в бескрайнюю пустоту, в которой нет ничего, кроме кипящей в душе огненной лавины. Бушующее пламя ревёт вокруг и подобно горному потоку утягивает за собой в неизвестность. Боли нет, как нет и ощущения падения. Наверное, это правильно — в безвременье боль просто не должна существовать.

Честно говоря, я представляла смерть иначе. Легенды описывают блестящую лунную тропу, ведущую в обитель Белой богини, но взгляд

упирается в светлую, украшенную лепниной преграду в десятке шагов впереди. Я не сразу осознаю, что вижу обычный потолок. Белый, без копоти — пожара, как я представляла, не случилось.

Но я жива?!

Я хватаюсь за шею — ни верёвки, ни рубца. Прежняя слабость тоже исчезла бесследно. Я сажусь, верчу головой и запоздало пугаюсь — если подельники Рея рядом, а я выдала себя… К счастью, я в одиночестве и почему-то… в моих девичьих комнатах. Кто-то спас меня и перенёс в родной дом, вылечил? Но почему неведомый благодетель бросил меня на пол, словно я потеряла сознание и соскользнула с кресла?

Под руку попадают страницы. Подняв журнал, я узнаю "Светскую хронику". Выпуску больше года, но журнал выглядит новеньким, будто только из типографии. Я бы не удивилась, если бы подброшенный выпуск касался меня, но, пролистнув, я не нахожу статьи о моей позорной выходке перед крыльцом.

Так…

Отложив журнал на сиденье кресла, я поднимаюсь и прислушиваюсь к ощущениям.

— Княжна!

Внезапный выкрик пугает, я вздрагиваю.

В комнату вбегает Лали, улыбчивая, задорная, совсем такая, какой я её знала. Я растерянно смотрю на неё. Она действительно посмела прийти ко мне как ни в чём не бывало после того, как доложила обо мне Рею? Она могла бы послушно принесла еду и помочь мне добраться до врача, но она предала, и Рей привёл убийц.

— Лали, — мой тон холоднее нетающих ледников севера.

Она хлопает глазами. Недоумение живо отражается на её миловидном личике, но быстро сменяется широкой улыбкой. Лали подбегает ко мне, хватает за руки, заглядывает в глаза:

— Госпожа, не расстраивайтесь! Я уверена, что князь поймёт ваши чувства.

Что она несёт? Папа мёртв…

Лали продолжает болтать, она хвалит Рея за доброту, ум, смекалку, восторгается нашими чувствами, обещает, что князь непременно уступит, уговаривает потерпеть. Она горячо заверяет, что мне достался самый лучший мужчина на свете, такой трепетный, нежный, честный. Я обязательно буду с ним счастлива. А она, Лали, так рада за меня!

— Лали, — я пытаюсь прервать хвалебную оду в адрес Рея. Меня воротит.

— Госпожа, вы ещё не знаете? Я как раз бежала, чтобы рассказать. Господин Рей Лотт прямо сейчас стоит у парадного крыльца.

— Что?

Я… не понимаю.

Лали вспыхивает и сверкает чистейшим восторгом будто праздничный фейерверк.

— Госпожа! Господин Лотт просил у князя вашей руки. Князь рассердился, и отказал господину Лотту от дома, но господин Лотт любит вас безмерно и никогда не сдастся. Он преклонил колено перед резиденцией, стоит на булыжниках мостовой перед парадным крыльцом. Госпожа, вы должны увидеть, что ради вас делает господин Лотт, честное слово!

Я сплю?

Лали нетерпеливо скачет вокруг меня точно игривый щенок. Я помню… Когда я услышала, что Рей встал на одно колено, я была вне себя. Именно Лали посоветовала мне выйти и встать рядом с Реем. Она уже тогда была не на моей стороне?

Пока я безуспешно собираю разбегающиеся мысли в кучу, Лали тянет меня в коридор. Я не сопротивляюсь, позволяю привести меня в Малую гостиную на втором этаже. Из окон как раз открывается вид на улицу. Лучась восторгом,

Лали сдвигает штору. Она не солгала. Я вижу Рея.

Слишком реалистичный сон. И сон ли? Пробудившись, родовая магия проявляется в каждом из потомков по-особенному: брат повелевает огнём, папа — тенями убитых предками чудовищ, а про прабабушку рассказывают, будто она была способна посылать свою душу в путешествие и, оставаясь невидимкой, подглядывать и подслушивать. Не удивительно, что прабабушка возглавляла Тайную канцелярию.

Но я ни разу не встречала упоминания о возможности отмотать время вспять. Я могу себе верить?

— Госпожа, это же шанс! Если вы сейчас попросите о браке вместе с господином Лоттом, князь точно не сможет отказать!

— Да, это шанс, — соглашаюсь я.

Шанс переписать судьбу, спасти родителей и брата.

Проблема в том, что не Рей мой главный враг. Рей лишь исполнитель, всего лишь проводник тайной воли правящей семьи. Мой настоящий враг сидит на троне.

Глава 2

— Госпожа? Я слышала, что господин Лотт обещал стоять до тех пор, пока князь не передумает!

Опираться коленом на острые булыжники… Господин Лотт так упрям, ради вас он будет стоять вечность, даже если в конце концов лишится ноги. Вы… не вмешаетесь?

Лишится ноги?! Я бы посмотрела.

Я касаюсь подушечками пальцев стекла, смотрю на мужчину, в которого была влюблена, которому верила. Впрочем, я верила не только ему. Я доверяла Лали. С каким энтузиазмом она подталкивает меня в спину! Лали, как давно ты продалась? Неужели я плохо с тобой обращалась? Неужели сиюминутная выгода значит больше служения княжеской семье?

Пожалуй, у меня нет желания искать ответы.

Я отворачиваюсь от окна.

— Лали, ты знаешь, где князь?

— Князь…, — она теряется.

Моё решение её явно не по вкусу. Если я выбегу на улицу как сумасшедшая и преклоню колени, ловушка захлопнется. Но я выбираю безопасный путь.

— Да, Лали, где князь?

— В кабинете, госпожа. Госпожа, но разве князь уже не отказал вам? Если вы выйдете…

Ха!

— Лали.

Я всегда была с Лали дружелюбна, и сейчас она впервые слышит от меня обвиняющий тон.

— Г-госпожа?

— Подумай снова, Лали. Ты советуешь мне стать посмешищем для всей столицы? Ты советуешь мне опозориться? Опозорить родителей, дом, род Кокберг? Может быть, ты забыла, что есть честь?

Лали отступает на шаг, качает головой, твердит что-то невнятное.

Я игнорирую.

Она сказала, что папа в рабочем кабинете. Я останавливаюсь в начале коридора, у эркера, и указываю на широкий подоконник. Под видом заботы, я не позволю ей стоять под кабинетом и подслушивать. Лали всё ещё достаточно ошарашена моим внезапным нападением и не осмеливается спорить.

Не хочу о ней думать…

Я думаю только о папе, и к кабинету иду нетвёрдой походкой. Меня качает от страха. Я боюсь открыть дверь и проснуться, проснуться в будущем, где папы уже нет. Сердце стучит, пульс грохочет в ушах. Я глубоко вдыхаю. Если я открою дверь и проснусь — это будет платой за мои ошибки.

Постучавшись, я не дожидаюсь ответа, у меня

не хватит воли, и врываюсь в кабинет, с грохотом захлопываю дверь. Щёлкает замок.

Пап сидит за столом, склонившись над бумагами.

Папа откладывает документ.

— Иси?

Я тяжело сглатываю. Комната расплывается в пелене слёз. Я по-настоящему задыхаюсь. Меня душит петля? Нет, я действительно вернулась. Я подбегаю к папе и, как в детстве, бросаюсь к нему на шею.

В детстве папа бы сразу обнял меня, подхватил на руки, подкинул к потолку, рассмешил до счастливого визга. Сейчас он неловко приобнимает меня. Кажется, он не знает, что со мной делать.

Я заставляю себя успокоиться. Мне нужно держать себя в руках, если я не собираюсь рассказывать правду о своём возвращении. Обрушить на папу всю свою боль так легко… И так бессмысленно. Разве папа, всей душой и всем сердцем преданный правящей династии, сможет принять мою правду? Прежде, чем открывать рот, я должна обдумать последствия. Не стоит рассчитывать, что я смогу исправлять ошибки бесконечно.

— Па…

— Иси, ты плачешь? Дочка, не надо.

Как приятно слышать своё домашнее имя. Рей называл меня Дарой, будто хотел отобрать мою связь с семьёй, с родом.

— Нет.

— Вот и не надо. Я сдаюсь.

— Что?

— Иси, я много раз говорил тебе, не считаю Рея Лотта хорошим вариантом, но… Твои слёзы разбивают мне сердце. Я не буду больше возражать. Прикажи проводить его сюда.

Что?!

Я вскакиваю:

— Нет необходимости!

— Иси?

— Просто… Я думаю — а вдруг ты прав? Пап, ты ведь знаешь, что господи Лотт сейчас перед парадным крыльцом? Если бы он приходил и добивался меня или даже встал на колено в холле… Сейчас он не смирение и любовь показывает, а устраивает шумиху. На улице толпа собралась. Зачем он нас позорит? Он бросает тень на мою репутацию, а это неправильно. Он не должен был так поступать. Давай подождём? Лучше расскажи, чем занят? Мы, кажется, давно не проводили время вместо просто так.

Я присаживаюсь на подлокотник и беру первый

попавшийся документ. Папа не возражает моей бесцеремонности. Смотрит на меня с улыбкой, в глазах — родительское тепло. На миг ощущение дома захватывает меня, но быстро тает. Родные стены не защитят, когда правящая семья возьмётся за нас всерьёз.

Папа выкладывает передо мной четыре письма:

— После возвращения “Солёной каракатицы” многие заинтересовались северным маршрутом. Я собираюсь вложиться в экспедицию.

Да, было такое.

Капитан, которого папа выберет, потеряет все корабли. Была ли неудача случайной или звеном цепи рукотворных несчастий? Насколько я помню, наши потери не были особо велики. По крайней мере, вкладывая, папа учитывал малую вероятность успеха.

— Вот, — указываю я. — Почему бы не выбрать капитана Шайса?

Парнишке двадцать лет, его корабль легковесная манёвренная скорлупка, доверия совершенно не заслуживает, но именно капитан Шайс будет единственным, кто добьётся успеха. Его скорлупка проскользнёт там, где крупные суда-грузовозы застрянут. Северный маршрут — это, прежде

всего. лабиринт из скал и айсбергов.

— Его предложение…

— Безумно? Пап, а давай поспорим, что он победит? Раз я предлагаю, то как насчёт того, чтобы использовать моё приданое? Будет справедливо, не так ли?

Я беру из стопки чистый лист и принимаюсь писать ответ.

В будущем, если я не смогу защитить свою семью здесь, будет достаточно, если мы покинем Вадор, и свой капитан в бегстве морем нам пригодится.

Папа наблюдает за мной с улыбкой. Кажется, в его глазах я ничем не отличаюсь от девочки, играющей в куклы, только вместо деревянных марионеток живые моряки.

Я завершаю письмо капитану и пишу приказ управляющему.

— Хорошо, Иси, — папа смотрит на меня с гордостью. Как на пятилетку, рассказавшую наизусть детский стишок.

Учитывая моё поведение, ничего удивительного, что папа не считает меня взрослой. Чего уж там, я себя прошлую тоже взрослой не считаю.

— Пап, ты на сегодня закончил с делами? Или нет? Тогда я помогу!

“Помогу” — достаточная угроза, чтобы папа не только торопливо покачал головой, но и спрятал документы в сейф.

Я подхватываю папу под руку и тяну прочь от двери, уговариваю подышать свежим воздухом. Папа, естественно, не возражает, и мы выходим на открытую галерею, тянущуюся вдоль второго этажа до бокового крыла. Через галерею можно спуститься в сад или попасть в гостиную.

Прятаться от собственной горничной глупость несусветная, но я хочу скрыть, что разговор окончен. Главное, я не хочу, чтобы Лали догадалась, что это я отказалась от Рея, не хочу, чтобы она передала мой отказ ему и спровоцировала новые неприятности.

Пусть сидит в эркере и терпеливо ждёт.

Рей, а насколько хватит твоего терпения? Я чувствую, как на губах расцветает несвойственная мне злодейская ухмылка. Будет ли Рей стоять до глубокой ночи или до самого утра?

Какие шаги он предпримет теперь?

Устроившись на диване рядом с папой, я пью вечерний чай, болтаю о пустяковых модных шляпках, слушаю о карьерных успехах брата и перебираю в уме факты.

Правящая династия не менялась с момента

создания княжества.

Легенда гласит, что несколько веков назад Дарен Вадор прибыл на захваченный чудовищами полуостров. За ним следовали его рыцари: капитан Лайз Фитан, Аарон Кокберг, Тамиран Ярес, Бион Арден и Вий Шерс. Бесстрашным героям удалось очистить храм Белой богини, и в благодарность богиня не только даровала героям магию, но и благословила на основание княжества. Дарен Вадор стал правителем, Великим князем, рыцари получили титулы князей и стали надёжной опорой новорожденного государства.

Правда в том, что дар богини действительно передаётся из поколения в поколение в старшей ветви рода. Папа способен призывать тени убитых предками чудовищ, брат повелевает огнём. Я считаюсь редким исключением, как моя прапрабабушка. Когда мне исполнилось шестнадцать, родовой артефакт показал, что я пуста. Дар проснулся позже или чудо было одноразовы? Сейчас не имеет значения.

Прошлый Великий князь умер бездетным, у него не было ни братьев, ни сестёр.

Ходили слухи, что власть должны получить потомки капитана Лайза Фитана, как второго в легендарной команде. Однако Великий князь

завещал корону своему кровному родственнику из боковой ветви. Надеялся ли Великий князь, что магия проснётся хотя бы в детях преемника? Мой папа безоговорочно принял волю Великого князя и присягнул неодарённому преемнику. На самом деле, чтобы править, по мнению папы, нужны честь, доброе сердце и ясный ум. Уж точно не магия.

А вот Фитаны с завещанием не согласились, объявили документ подделкой, противоречащей воле Белой богини, попытались совершить государственный переворот. Никто из оставшихся княжеских семей Фитанов не поддержал, бунт был подавлен, бунтовщики… казнены.

Теперь, когда я думаю обо всём этом, я совершенно не удивлена, что нынешний Великий князь хочет уничтожить четвёрку оставшихся князей. Он… боится. Боится за себя, за свою власть, боится следующего мятежа, ведь ни принц, ни принцесса так и не смогли получить благословение Белой богини.

Как по мне, решение глупейшее. У княжества нет армии. Холёные гвардейцы, умеющие только дворцовые стены подпирать, не в счёт. Если избавиться от князей, то кто защитит границы от вечно голодных, жадных до земель соседей?

Если задумка Великого князя удастся, если нас, магов, не станет, то Вадор неизбежно лишится независимости.

Но это мне очевидно, а Великий князь думает по-своему.

Столкновения… не избежать.

Так хочется рассказать, но беда в том, что мои предупреждения для родителей прозвучат блажью маленькой капризули, детскими страшилками, чепухой. Папа слишком предан короне, чтобы поверить мне без доказательств. К тому же он сам по себе слишком честный и прямой, подковёрные интриги для него не более, чем шелуха и абсурд.

Мне придётся справляться самостоятельно, по крайней мере, пока я не получу достаточно весомых доказательств. И начать следует с родового артефакта.

Постепенно в моей голове рождается план.

— Мы засиделись, — мама откладывает вышивку и первой поднимается.

За окном ночь, стрелки на часах показывают приближение полуночи.

— Доброй ночи, — улыбаюсь я и целую сначала родителей, а потом и брата в щёку.

Брат ошарашенно хватается за лицо.

Разве можно, глядя на него, не рассмеяться?

В комнаты я возвращаюсь в приподнятом настроении. Я чувствую себя по-настоящему счастливой, как никогда в обеих жизнях. И натыкаюсь на Лали.

Догадавшись, что сидеть в эркере бесполезно, она вернулась и обиженно дует щёки. На самом деле Лали умеет себя вести подобающе, но раньше мне казалось, что искренние эмоции, когда мы наедине, это мило.

Я прохожу, не обращая внимания на притворную обиду. Лали бросается следом:

— Господин Лотт так долго ждал! Он так предан вам, госпожа.

— Я должна верить, что он справится, не так ли? Поскольку он сам принял решение, я не должна унижать его жалостью.

Лали помогает мне переодеться ко сну. Моя отповедь ей как об стенку горох, Лали продолжает ворчать и жаловаться, намекая на моё жестокосердие. Конечно, я могу приказать ей замолчать, но я не хочу — я хочу получить повод её уволить. Моего желания достаточно, чтобы сместить Лали с позиции моей личной горничной, но я опасаюсь, что мама пожалеет девочку и оставит в доме. Именно поэтому мне нужен весомый повод.

— Спокойной ночи, госпожа.

Лали, наконец, уходит.

Её пожелание будто проклятье. Я ворочаюсь, снова и снова возвращаюсь в кошмары будущего, воспоминания мешаются со сновидениями, и я просыпаюсь в холодном поту, чтобы снова провалиться в кошмар.

Утром я встаю совершенно разбитая.

За окном дождливая серость. Я поворачиваюсь на бок. И тотчас слышу голос, который скоро начну ненавидеть.

— Госпожа, вы проснулись? Доброе утро! — от вчерашней обиды не осталось и следа, Лали сияет.

— Принеси мне кофе, — приказываю я.

Заморский напиток популярен у наших соседей, в Вадоре традиционно предпочитают чай, но мне нужно взбодриться.

— Да, госпожа! Её высочество прислала приглашение, — Лали подаёт мне конверт.

Я резко сажусь.

Послание принцессы бодрит, как никакому кофе не снилось. Я точно помню, что в прошлой жизни не получала никакого приглашения. Её высочество ограничилась горячим поздравлением, когда дата моей с Реем свадьбы была

назначена официально. Поскольку я была опозорена, в предварительной помолвке не было смысла.

В прошлом я считала принцессу подругой и не заботилась о том, что мы сблизились подозрительно быстро. Хах, её высочество Габриэль была той, кто свела меня с Реем, и именно она подогревала мою влюблённость. Фрейлины на чайных посиделках только и вздыхали, какая я счастливая, как мне в этой жизни повезло. Я верила…

Я вскрываю конверт. Принцесса приглашает меня на полуденный чай в саду, и это связано с тем, что вчера я избежала ловушки.

Видимо, Рей сообщил о провале наследному принцу, тот в свою очередь передал новость сестре, и она собирается принять меры. Она готовит новую ловушку?

Я бы предпочла сказаться больной, чтобы избежать ненужного мне неприятного визита, однако с Лали под боком нечего и думать о том, чтобы соврать.

Ехать придётся.

— Кофе, Лали, кофе.

Горничная опрометью выбегает из комнаты, и я невольно задумываюсь, готова ли Лали только шпионить за мной, всем домом ради Рея или не

погнушается подать яд? В любом случае начинать устранение семьи Кокберг с меня короне не выгодно, ведь я считаюсь бездарной дочерью, но горячо любимой.

— Ваш кофе, госпожа.

— “Светская хроника”?

— Одну минуту.

Кофе Лали подала идеально — на постельном столике. Я подхватываю молочник, разбавляю чёрную горечь молоком и сахаром. Лали пристально наблюдает за мной, хмурится. Я же спокойно делаю первый глоток и открываю журнал.

— Госпожа, а как же приглашение принцессы?

— Лали.

После устроенного Реем представления я должна знать, насколько сильно пострадала моя репутация на этот раз. Что пишет обозреватель? Лучше бы, ничего не писал, но это невозможно. Первый разворот всегда посвящён официальным и полуофициальным новостям дворца. Я просматриваю лишь мельком: ни званый ужин с участием имперского посла, ни рождение первенца в боковой ветви мне не интересны.

Второй разворот — светские новости: официальные сообщения о помолвках, благотвори-

тельность, встречи в салонах, скачки. Выходка Рея упомянута. “Господин Рей Лотт, чьи заслуги высоко оценил его высочество принц Джерден, посватался к княжне Кокберг, несмотря на принадлежность к старшей ветви рода, не получившей благословения богини. Дом Кокберг хранит молчание. Подробности в номере”.

Что я только что прочитала? Ни слова лжи, но факты поданы так, будто Рей для меня вполне достойная партия, а молчание — это ни что иное, как пустое высокомерие.

Я переворачиваю страницу. Третий разворот всегда отдаётся центральной статье номера. Прошлый раз именно третий разворот рассказал свету о моём позоре. В этот раз статья тоже здесь, темы важнее не нашлось.

Обозреватель красочно и со вкусом рассказывает, как влюблённый господин Рей Лотт, коленопреклонный простоял перед домом Кокберг до глубокой ночи, но в ответ на свой искренний сердечный порыв, получил лишь холод. “Может быть, в глазах Кокбергов признанный принцем Джерденом талантливый молодой человек, которому пророчат головокружительную карьеру, пустое место?”

Пфф!

Разве принц позволит жить кому-то кто знает правду об уничтожении княжеской семьи? Лично я уверена, что Рей бы меня не надолго пережил.

Кофе кончается, статья — тоже. Я удовлетворённо переворачиваю страницу. Как обозреватель ни пыжился, он так и не смог написать ничего по-настоящему плохого. Высокомерие свет простит, ошибки — нет.

К сожалению, статья не дала мне подсказки, чего можно ожидать от принцессы.

— Вы как будто изменились, госпожа.

— Я расстроена из-за Рея Лотта, — пожимаю я плечами.

— Вы обязательно будете с ним вместе, госпожа! Любовь, как у вас с ним, должна быть счастливой, вот увидите!

Уже видела. Спасибо, но мне не понравилось.

— Рей вчера создал трудности моей семье, Лали. Я недовольна им.

Может, получив таким образом предупреждение, Рей хотя бы на время притихнет?

Я пролистываю “Светскую хронику” до конца, но больше ничего интересного не нахожу. Время поджимает, опаздывать на чаепитие к её высочеству дурной тон, и я откладываю журнал. Лали, надо признать, очень быстро помогает мне при-

вести себя в порядок. Пока я наспех завтракаю, Лали собирает мои волосы в воздушную причёску, закалывает несколькими шпильками.

Экипаж уже ожидает внизу.

— Мне не нужно идти с вами, госпожа?

Чаепитие в саду не бал, провести горничную с собой не получится, если бы Лали поехала, то ей пришлось бы ждать в экипаже. Нет причин тащить её с собой, но раньше Лали всегда стремилась поехать.

— Кажется, ты тоже изменилась.

— Простите, госпожа, у меня красные дни.

— Тогда отдыхай, — киваю я. Разумеется, я не полезу в трусы проверять, хотя уверена, что Лали врёт. Думаю, она хочет отчитаться перед Реем.

Не важно.

Экипаж трогается.

Ехать до дворца недалеко, но я всё равно немного припаздываю, и в полдень, когда я должна уже быть в саду, я ещё только предъявляю гвардейцам приглашение. Мне не требуется сопровождение, во дворце я ориентируюсь достаточно свободно, гвардейцы спокойно пропускают меня.

Из холла я поворачиваю в Галерею парадных портретов, через неё быстрее всего добраться до нужной мне террасы. Галерея традиционно

безлюдна, только почившие Великие князья смотрят со стен и словно укоряют. Меня? Последнего прямого потомка? Я приподнимаю подол и бегу. Запыхавшись, я легко скрою за одышкой своё истинное отношение к принцессе. Я боюсь, что самоконтроль подведёт меня, и Габриэль увидит моё истинное отношение.

Я совершенно не ожидаю, что окажусь в галерее не одна. Перед портретом легендарного Дарена Вадора, склонив голову набок, стоит брюнет. Царственная осанка, презрительный прищур, руки небрежно заложены за спину и пальцы сцеплены в замок.

Мои шаги гулко отдаются от стен.

Брюнет медленно поворачивается, и я невольно думаю, что уроки высокомерия нужно брать именно у него.

Мы не были представлены друг другу, но я знаю, кто этот брюнет. Он ни кто иной, как посол империи Таэль, граничащей с Вадором и мечтающей, как они говорят, “воссоединиться с полуостровом”.

До того, как храм Белой богини был захвачен чудовищами, полуостров действительно входил в состав империи.

Я останавливаюсь, будто на стену налетаю.

Посол — фигура весомая. Могу ли я использовать его для защиты семьи? Это будет называться государственной изменой, да? Но я не собираюсь стесняться! Звучит по-детски, но правящая семья первая совершила предательство.

Может, завещание последнего Великого князя и впрямь было подделкой?

Наверное, я слишком пристально рассматриваю посла. Он насмешливо изгибает полные губы:

— Леди, я настолько хорош, что вы влюбились с первого взгляда? — в голосе неприкрытая насмешка.

Стройный, поджарый, черты лица, что называется, породистые. Его глаза завораживают — чёрные, как безлунная ночь, совершенно лишены естественного блеска. Кровь… демонов?

Что он там спросил?

Я медленно приближаюсь к брюнету. Вблизи видно, что волосы струятся мягкой волной. На ум невольно приходит сравнение — Рей иногда позволял себе ходить с сальными. Кажется, господин посол удивлён, да? Я улыбаюсь.

Коснувшись его плеча, стряхиваю невидимую пылинку.

Его глаза широко распахиваются. Он задержи-

вает дыхание.

— Господин, вы скоро лопните от самодовольства.

Я не лгу. Вскоре этот холёный высокомерный тип найдёт свою смерть. Он будет разорван дикими зверями на ближайшей Великокняжеской охоте.

Глава 3

— Неужели?

— Хей, я предсказала вам близкую смерть. Вы могли бы быть посерьёзней.

Его взгляд становится острым, совсем не таким, какой ожидаешь от высокомерного лорда, услышавшего в свой адрес очень злую шутку. Самое поразительное, что господин посол совсем не злится, а ведь при желании он мог бы раздуть мои слова в международный скандал. Я только сейчас сообразила… Или не мог? Свидетелей-то нет.

Он повторяет мой жест, стряхивает несуществующую пылинку уже с моего плеча. Но если у него рукав длиный и из плотной ткани, то у меня летящий рукав-крылышко. Его пальцы словно невзначай соскальзывают по моей обнажённой коже.

От мужчины приятно пахнет кофе…

Простейший жест, но у меня дыхание перехва-

тывает. Я злым шлепком ударяю его по ладони, но в результате только прижимаю его пальцы к себе. Лорд искренне хохочет:

— Госпожа, вы очаровательны, когда похожи на разъярённого котёнка. Не назовёте своё имя, раз уж мы оказались в столь… интимной ситуации?

— Оу? Господин таэльский посол не может узнать высшую аристократку страны визита? Неужели господин посол некомпетентен?

Я, наконец, разрываю дистанцию и иду прочь. Сердце бешено колотится. Я всерьёз опасаюсь, что он попытается меня остановить. Иногда отсутствие свидетелей отнюдь не благо.

Сейчас нет, а в будущем после следует иметь в виду и… использовать.

До выхода из Парадной галереи всего несколько шагов. Посол меня не преследовал, но на выходе меня догоняет его смешок:

— Кто сказал, что я не знаю? Княжна Иси, вы так и не ответили на мой вопрос. Вы влюбились в меня с первого взгляда?

Ха!

— С десятого!

— Начинаю отсчёт, княжна Иси.

Он смеет называть меня домашним именем? Наглец!

Я нарочно захлопываю дверь с грохотом и понимаю, что он вывел меня из себя. Нет, я, конечно, сама дала волю эмоциям, в душе буря, и в таком состоянии просто нельзя появляться перед принцессой. А ещё я из-за задержки непозволительно опаздываю.

Плохо!

Я сворачиваю с дорожки и останавливаюсь в тени дерева. В стороне начинается хозяйственная часть. Кажется, прачечная, но я могу ошибаться.

— Девушка! — зову я, заметив служанку в форме низшей горничной.

— Л-леди?

Возраста Лали, испуганная моим обращением, меня не узнала… Полагаю, она не способна ни на что, кроме своей работы.

— Мне дурно. Ты можешь принести мне воды?

— Я… Л-леди…

Чего я и ожидала.

— Тогда просто проводи меня!

Если я появлюсь в сопровождении случайной горничной, сошлюсь на скверное самочувствие после волнительного вечера и бессонницы, принцесса вряд ли заподозрит, что я прозрела.

— Д-да, леди.

Я хватаюсь за её руку, слегка наваливаюсь,

но не так, чтобы девочке было тяжело. Главное, чтобы со стороны я выглядела полуобморочной.

— Мне туда нельзя, — пугается горничная, когда я сворачиваю на тропинку в сад, где принцесса устроила чаепитие.

— А бросить леди в кусты можно?

Горничная больше не осмеливается возражать.

Моё появление быстро замечают, из беседки мне навстречу устремляются три младшие фрейлины.

— Княжна Исидара?

— Белая богиня, что с вами?

— Нужен доктор?

Горничная застывает. У неё словно ноги отнялись.

— У меня закружилась голова, а эта милая девочка меня проводила. Я боюсь, если бы не она, я бы не справилась. Одна из фрейлин тотчас предлагает мне локоть. Горничная получает пару слов похвалы и опрометью бросается прочь от пугающего её высокого общества.

Я, притворяясь умирающей лебедью, добираюсь до беседки.

— Белая богиня, княжна! — принцесса выглядит искренне взволнованной.

— Прошу прощения, у меня голова закружилась, — торопливо извиняюсь я. — Мне уже гораздо лучше. Видимо, я вчера переволновалась, — надеюсь, звучит правдоподобно.

По знаку принцессы старшая фрейлина подаёт мне чай, и я горячо благодарю.

— Не извиняйтесь, княжна. Леди не дадут соврать, мы все вам очень сопереживаем. Господин Лотт так трогательно просил вашей руки. Признаться, когда я только услышала, я подумала, что мы сможем поздравить вас с благополучным разрешением, однако князь Кокберг остаётся холоден даже к такому проявлению чувств. Всё равно, вы такая счастливая!

Нет.

В прошлом я бы согласилась, но теперь, когда я знаю цену сладким словам…

Прямо сейчас я не могу избавиться от Рея насовсем, но могу извлечь из положения хотя бы небольшую пользу.

Покачав головой, я возражаю:

— Ваше высочество, вчера Рей Лотт поступил очень… неосмотрительно. Я понимаю, что он действовал из лучших побуждений. Но разве такой талантливый человек не должен был задуматься о последствиях? Теперь в “Светской хронике”

наша семья представлена высокомерными снобами, на мою репутацию брошена тень. Говоря откровенно, я разочарована. Уверена, папа отнёсся бы лучше, если бы Рей не сделал частные вопросы достоянием публики.

— Любовь ослепляет и заставляет совершать глупости, — леди Аль, старшая фрейлина, снисходительно отмахивается от моих обвинений.

Хорошо, что это она, а не принцесса лично.

— Не говорите так, леди. Влюбиться может каждый, но я убеждена, что её высочество никогда не позволит себе глупостей. В конце концов, оправдывая господина Лотта таким образом, разве вы не принижаете его, ровняя с простолюдином?

На первый взгляд может показаться, что я защищаю Рея, но на самом деле я снова возлагаю на него вину за недопустимое поведение. Эх, хотела бы я сказать, что он оскорбил меня, но чрезмерно яркая реакция вызовет у принцессы слишком много вопросов. Не стоит спешить.

— Княжна, почему бы вам не сказать господину Лотту пару слов? Уверена, он не станет вас расстраивать. Хотя… Поскольку мы все здесь подруги, я скажу то, чего не должна говорить. Леди, вы ведь сбережёте мои слова в тайне?

— Разумеется, ваше высочество.

— Конечно, как же иначе, — подхватывает хор фрейлин.

Я вынуждена кивнуть.

— Правила важны, но иногда, нарушив их, можно выиграть. Княжна, я люблю вас как свою родную сестру. Как причастная к зарождению вашей с Реем Лоттом любви, я чувствую ответственность. Я готова помочь вам и обещаю справиться с последствиями.

У меня внутри всё холодеет.

Разве она не предлагает мне подставиться? Принцесса не лжёт. Если меня застукают с Реем и я выйду за него замуж, то свет сохранит ко мне доброжелательное отношение. Меня заклеймят гулящей, если Рей откажется жениться. Естественно, он этого не сделает, его цель брак.

Предлагает сразу после того, как я сказала, что честь важнее любви?

Я была феерически глупа. Хах, я прозрела только с петлёй на шее. Отвратительно.

— Я должна принимать во внимание чувства родителей. На самом деле я уверена, что папа уступит через некоторое время. Если бы не вчерашняя выходка, папа бы признал настойчивость господина Лотта, — надо притормозить любые инициативы.

— Вы обязательно должны стать счастливой, княжна. Я буду молиться Белой богине за вас.

Принцесса отступила?

Я благодарю.

Прерванное моим появлением чаепитие продолжается. Больше принцесса не говорит о Рее, беседа крутится вокруг нарядов к предстоящей Великокняжеской охоте.

Я вдруг ловлю себя на интересной мысли.

Между княжескими семьями никогда не было противостояния, но не с подачи ли принцессы между княжнами началось “шляпное соревнование”? С недавних пор в салоне, где одевается княжна одной семьи, ни за что не появятся дочери других княжеских семей.

Хм, а я теперь знаю, каким будет мой следующий шаг.

Ароматы выпечки мешаются с ароматами садовых цветов и щекочут нос. Нежнейшие бисквиты и воздушные меренги, фруктовые тарталетки и кремовые корзиночки — десерты, приготовленные лучшим кондитером княжества, меня больше не радуют, чай кажется горячей водой, подкрашенной коричневой краской. Я лениво слизываю взбитые сливки. Плохой аппетит объяснится плохим самочувствием, но ближе к

концу встречи я притворяюсь, что оживаю:

— Признаться, я ещё не заказывала охотничий костюм.

— Ничего удивительного, — тотчас откликается принцесса. — Если бы папа отказал любящему меня молодому человеку, я бы тоже волновалась и уж точно забыла про наряды.

— Я исправлюсь, ваше высочество, — улыбаюсь я.

Принцесса не слишком рада ответу, но и не спорит.

Чаепитие завершается. Принцесса с фрейлинами уходит во дворец. Я и ещё одна леди поворачиваем к выходу, где нам подадут экипажи. Получается, я была чуть ли не единственной приглашённой? Да уж.

— До скорой встречи, княжна Исидара.

— Всего доброго, леди, — киваю я. Поскольку она из низшей аристократии, я не обязана быть особенно вежливой, достаточно доброжелательного тона.

Я уезжаю первой.

Дождавшись, когда экипаж отъедет от дворца достаточно далеко, я пересаживаюсь на сиденье против хода движения и два раза ударяю в перегородку окошка в передней стенке. Кучер тотчас

сдвигает перегородку, взгляду открывается его затянутая тёмно-синим сюртуком спина. Повернуться кучер не может, но это и не требуется. Вообще-то предполагается, что господское распоряжение передаёт слуга, но Лали отпросилась.

Я приказываю поворачивать на Брегскую улицу. Именно там находится отделение мелкой торговой гильдии “Вега”, принадлежащей имперцу, каким-то чудом ухитрившемуся заполучить лицензию. Я бы и не знала о существовании “Веги”, но позднее вскроется, что помимо торговли, отделение гильдии занималось шпионажем и баловалось диверсиями. Папу обвинили в пособничестве, представили фальшивую переписку с главой вадорского отделения. Так почему бы не оправдать ложные обвинения? В любом случае правда вскроется через несколько месяцев после гибели посла, у меня есть время.

Я отчётливо осознаю, что собираюсь совершить крайне опасный шаг. Но где ещё я найду сильного союзника, как не во вражеской империи? Я нетерпеливо барабаню ногтями по подлокотнику. Предстоящая авантюра пугает и будоражит кровь одновременно.

— Прибыли, госпожа, — кучер открывает дверцу. — Госпожа…

Не принято, чтобы благородная леди оставалась одна. Рядом должна находиться либо служанка, либо дуэнья.

— Всё в порядке, — отмахиваюсь я и вхожу в ювелирный магазин.

Я чувствую на себе взгляд кучера, пока дверь не скрывает меня от его глаз. Кучер явно растерян, потому что ювелирный на Брегской улице магазин низкого класса. Начать с того, что отдельная витрина отдана ношеным украшениям.

— Госпожа, добро пожаловать.

Кивнув, я снимаю с руки тяжёлый браслет. Опал не самый дорогой камень, но всё равно браслет недешёвый.

— Сколько?

— Сюда, пожалуйста, — девушка провожает меня в отдельный кабинет, и вскоре появляется ювелир.

Видимо, клиентка, продающая драгоценности, считается нуждающейся, поэтому ювелир не утруждает себя даже простейшим приветствием. Я не возражаю, спокойной позволяю ему рассмотреть браслет под увеличительным стеклом.

— Девяносто пять роний.

— Сто шестьдесят, — Рей не брезговал приобретать ценные вещи в ломбардах. Помнится, узнав,

я была неприятно потрясена. Но что я могла сделать? На Рея же напала словоохотливость, и он весьма подробно рассказал, как и что оценивается. Спасибо за урок, Рей, я использую его против тебя.

— Госпожа.

Я смотрю поверх головы сутулого мастера, будто одна в комнате:

— Широкий опаловый браслет, достойный руки принцессы, изготовлен модным ювелирным салоном на заказ. Изначальная стоимость около двухсот тридцати или двухсот тридцати пяти роний. Антикварной ценности браслет не представляет, поэтому при продаже теряет в цене. Вы его будете продавать сто семьдесят или сто восемьдесят роний. Разумеется, вы должны получить свою выгоду, поэтому сто пятьдесят пять и ни монетой меньше.

— Ха-а…

— Леди, торговаться-то неблагородно.

— Называть цену, заниженную вдвое, вообще бессовестно, но вас же это не смущает, верно? Вы платите или я ухожу?

Ювелир ненадолго выходит и возвращается с деньгами.

— Сто пятьдесят, госпожа.

Рей упоминал, что в ломбардах и магазинах центральной части столицы с фальшивыми монетами не связываются, поэтому на этот счёт я спокойна. Я пересчитываю монеты. Сто сорок восемь.

— Двенадцати не хватает.

— Тц.

Ювелир выкладывает на стол ещё две монеты, забирает браслет и уходит.

А я понимаю, что кошелька у меня нет. На ум приходит только один способ: я складываю монеты в три столбика и увязываю в шёлковый носовой платок. Тонкая ткань опасно натягивается.

— Леди? — торопит меня девушка.

Я вынимаю из причёски шпильку с опаловым навершием и даю девушке:

— Я хочу выйти через чёрный ход.

— Конечно, леди, прошу за мной!

Пусть кучер думает, что я увлеклась перебором серёг, брошей и прочей мишуры.

— Через некоторое время я вернусь, — предупреждаю я девушку.

Коснувшись шпильки, уже нашедшей место в аккуратном пучке, она согласно кивает.

До отделения торговой гильдии “Вега” всего

несколько зданий, но смогу ли я её узнать без вывески? Я ведь в ней ни разу не была… Но мне везёт. Мальчишка лет десяти, несмотря на тёплую погоду, носящий поверх рубашки жилет, выбирается откуда-то из приземистого строения, очень похожего на халтурно сбитый сарай.

— Леди заблудилась? — мальчик некультурно сплёвывает в пыль кроваво-красную жевательную смолу.

Я с трудом не морщусь.

— Немного. Я ищу “Вегу”.

Мальчик моим ответом явно удивлён, но, ковырнув в ухе, он пожимает плечами и указывает на двухэтажное здание впереди, разительно отличающееся от других — оно деревянное. Точно! Как я могла упустить? Хотя шпионская деятельность “Веги” была раскрыта, получить документы и раздуть международный скандал Вадору не удалось, гильдия вспыхнула свечкой и прогорела меньше, чем за час. Тайной канцелярии досталась только сажа.

Продуманные ребята.

Я поднимаюсь на крыльцо. Дверь с первого же толчка распахивается, но издаёт душераздирающий скрип. От омерзительного скрежета будто внутренности переворачиваются.

Седой старик за конторкой, как ни в чём не бывало продолжает дремать. Должна ли я пройти мимо?

Хмыкнув, я подкидываю в ладони платок с деньгами, монеты ударяются друг о друга. Звук тихий-тихий. Старик садится прямо, сна ни в одном глазу.

Я не дожидаюсь, пока он заговорит, опережаю.

У отделения есть глава, чьё имя значится в официальных документах. Если я не ошибаюсь, это вполне реальный человек, ведущий законную торговлю. А есть глава, занимающийся теневой деятельностью. Я знаю, что в ночь пожара теневой глава благополучно сбежал, впрочем, не только он. Великий князь был в гневе.

Нужные имена я знаю из протоколов обвинения папы.

— Я пришла увидеться с сеньором Поморро.

— Госпожа? Должно быть, вы ошибаетесь?

Что?! Поддельной была переписка, но не документы, касающиеся гильдии. Или они тоже и сеньор Поморро выдуман Тайной канцелярией?!

— Я пришла увидеться с сеньором Поморро, — твёрдо повторяю я.

Старик широко зевает, без капли стеснения показывает мне бездонный провал беззубого

рта. Из его взгляда, как по волшебству, исчезает всякая осмысленность. Всхрапнув, старик вешает голову на грудь и впадает обратно в спячку.

Отлично! Так меня ещё не игнорировали.

Но я не собираюсь отступать, не в этот раз. Слишком уж у меня на сеньора Поморро большие планы. Я резко разворачиваюсь к лестнице. Рассохшаяся конструкция выглядит сущей развалюхой.

Я не успеваю сделать и шага, как на верхней ступеньке появляется кучерявый парнишка моего возраста. Одет, как и мальчик, подсказавший дорогу — тёмные брюки, белая рубашка, жилет. В руках чашка, и я с первого этажа ощущаю аромат кофе.

Кажется, здание насквозь пропахло этим непопулярным в Вадоре заморским напитком.

— Госпожа, сеньор примет вас. Пожалуйста, сюда.

Вот так просто? Хм…

Ступеньки скрипят, а некоторые гнутся под моим весом, словно предупреждают не ходить. Если подумать… Я заявилась в логово врага, никому не сказав, куда пошла. Даже от кучера спряталась в ювелирном. Сеньору Поморру совершенно не обязательно отпускать меня живой, так?

Я поднимаюсь на второй этаж, парень наблюдает за мной сверху вниз, но даже когда я встаю с ним вровень, не меняет позы и продолжает спокойно пить свой кофе. Я немного злюсь, потому что нервничаю, но раздражение держу при себе и опираюсь на перила, тоже, как и парень, смотрю на спящего старика.

Парень делает глоток за глотком. Я словно забыта.

Где-то позади хлопает дверь.

— О, госпожа, пройдёмте. Сеньор Поморро в кабинете.

Так у отделения “Веги” нет даже нормальной приёмной, где я могла бы подождать? Парень поэтому держал меня в коридоре? Как они ведут дела? Я знаю, что торговлей они всё же занимаются.

Лишние мысли быстро вылетают у меня из головы.

Парень приоткрыл дверь обещанного кабинета лишь частично, мне приходится протиснуться чуть ли не боком. Дверь тотчас захлопывается, но характерного щелчка замка я не слышу. Проверять, заперли меня или нет, пока не буду. Я сосредотачиваюсь на хозяине кабинета, которого… Ха!

Кабинет разделён надвое плотным тканевым экраном, ставни закрыты, отчего в кабинете по-вечернему сумрачно. Откуда идёт свет, я не могу разобрать.

Сеньор Поморро устроил настоящий театр теней. На экране силуэт сидящего за письменным столом пропорционально сложенного мужчины.

С моей стороны выставлено мягкое кресло, обтянутое зелёным бархатом. Подобную мебель ожидаешь увидеть в гостиной богатого аристократа, но никак не в убогой гильдии. Грубый кособокий табурет с окружающей обстановкой сочетается куда лучше. Табурет исполняет роль столика, на сиденье меня дожидается уже налитая чашка. Судя по аромату — снова кофе. Интересно, у них чая в принципе нет?

Я прохожу вперёд.

— Доброго дня, сеньор.

— Присаживайтесь, княжна Исидара.

Он узнал меня?! Хотя чему я удивляюсь? Шпион обязан знать высших аристократов в лицо.

— Благодарю.

— Что вас привело ко мне? — из-за экрана его голос звучит глухо и тягуче, будто густой мёд обволакивает.

Мужчина за экраном поднимает чашку, и я

следую его примеру. На миг я замираю — никогда ничего подобного не видела! В чашке вместо привычного молока густая белая пена и на ней бежевые контуры распустившего лепестки цветка. Как это возможно?

Очнувшись от удивления, я отвечаю сеньору:

— Я пришла купить информацию.

— Вот как? Не уверен, что это возможно, — тон скучающий, сеньор всячески показывает, что я напрасно отнимаю у него время.

Но если бы он действительно не был заинтересован, он бы не согласился меня принять.

— Рей Лотт. Мне известно, что у него есть постоянная любовница.

— Княжна, вы говорите о том, неудачнике, который травмировал перед вашим домом левое колено?

— Вы называете неудачником того, кто заслужил похвалу наследного принца? — я выдерживаю короткую паузу. — Если вы мне поможете, сеньор Поморро, вот тогда Рей Лотт станет настоящим неудачником.

— Продолжайте, княжна.

— Недавно женщина родила, и Рей, как порядочный, в храме Белой богини признал отцовство, дал сыну свою фамилию. Мне нужны доказатель-

ства неверности Рея, чтобы заставить высший свет замолчать, чтобы из жестокосердной недотроги стать жертвой обмана.

— Так вы хотите уничтожить репутацию подающего надежды таланта? Пожалуй, мне нравится ваша задумка, княжна. Но я не работаю бесплатно.

Конечно, не бесплатно. Зачем бы я браслет продавала? Потянув платок за уголок, я моментально растягиваю узел. Монеты со звоном сыплются на табурет.

— Если здесь недостаточно, то считайте это задатком.

Не представляю, в какую сумму оценит себя сеньор Поморро, но пока она хоть немного похожа на разумную, я готова платить.

— Не-ет, княжна. Разве в ваших глазах я дешёвка? Я продам вам информацию за… другую информацию. Обман. В торговле есть замечательный термин — бартер.

— Какого рода информация вам нужна, сеньор?

— Поскольку ваш запрос очень простой, я задам вопрос, ответ на который не требует дополнительного расследования.

— Да, сеньор?

— Откуда вы обо мне узнали, княжна?

Плохо.

Вопрос закономерный, ожидаемый, но всё равно плохо.

— Сеньор, может быть, вы настолько беспомощны? — усмехаюсь я.

Да, я безумно рискую, но ничего лучше в голову не пришло.

— Что?

Надо же, он чуть не подавился, и теперь голос звучит не глухо, а моложаво. Наверное, я смогла бы его узнать…

— Я буду откровенна, сеньор. Мой запрос выеденного яйца не стоит. Я бы могла написать анонимку и пожаловаться на неё родителям. Уж поверьте, папа и брат не упустили бы возможности и собрали на Рея достаточный компромат, чтобы закопать юное дарование. Но я пришла к вам.

— Зачем же?

— В надежде на установление взаимовыгодного сотрудничества. Сеньор, вы сами признали, что у меня есть сведения, которыми вы хотели бы располагать. Но вы заблуждаетесь, если думаете, что сбор доказательств по наводке стоит раскрытия моей тайны.

Поведёт в подвал добывать тайну пытками?

Мне страшно и в то же время дух захватывает. Я солгу, если скажу, что мне не нравится происходящее.

Мужчина внезапно запрокидывает голову и начинает хохотать. Чистый смех звенит в кабинете. Я не знаю, как реагировать. Мне не кажется, что я сказала нечто смешное. Возможно, он смеётся над моей глупостью?

Отсмеявшись, мужчина садится прямее.

— Что же, княжна, справедливо. Сочтём за оплату сам факт открытия, что у вас есть тайна. Как только доказательства будут собраны, вы получите сообщение.

Я коротко благодарю, прощаюсь, но уже у двери поддаюсь соблазну и оборачиваюсь:

— Сеньор, если вы так хороши, как я слышала, для вас не составит труда выяснить мой маленький секрет.

Ложь бессовестная, восхитительная.

— О? Если княжне угодно, я, разумеется, выясню сам. Но мы сделаем ставку. Как только я выясню, вы, княжна, будете должны мне ровно одно желание.

Мой источник — протоколы из будущего, появления которых я не допущу.

— Согласна. Белая богиня, засвидетельствуй.

Богиня откликается на просьбу, на моём запястье появляется тончайшая цепочка, сотканная из серебряного света луны, видимого нам двоим, причастным к клятве.

Я уверена, что это я поймала сеньора в ловушку, избавилась от неудобных вопросов, но, глядя на цепочку, почему-то начинаю сомневаться.

— Всего доброго, сеньор, с нетерпением жду от вас новостей.

Я выхожу, захлопываю дверь. Сеньор провожает меня смешком.

Но… нечего беспокоиться о несбыточном, модный салон ждёт!

Интерлюдия 1

Княжну Исидару Кокберг подменили?

До сегодняшнего дня она напоминала мне овцу с большими тёплыми глазами.

Её семейка — честные дураки. Не представляю, как достойный род мог выродиться в цирковых клоунов, прикрывающих честью пустоту черепных коробок. Особенно отец Исидары. Князь Кокберг откровенно жалок. Лезвие уже у его горла, а он ничего не замечает. Я бы Кокбергам и пары лет не дал, Великий князь уничтожит их будто мусор сметёт, не прилагая усилий. Однако

сегодня… что-то изменилось?

В одном уверен. Овца, покорно идущая под нож мясника, исчезла. В Парадной галерее княжна походила на разъярённую дикую кошку.

Тонкие пальцы, впивающиеся в моё плечо… Это само по себе было интересно.

Княжна уже несколько часов не выходит у меня из головы — отслеживать малейшие изменения в высшем обществе Вадора часть моей работы, поэтому к княжне следует присмотреться. Хотя… Возможно, меня сбил с толку её яростный взгляд? Если причина её злости заключается в отказе князя одобрить брак с тем ничтожеством из прихвостней принца Джердена, то я… разочаруюсь?

В любом случае проверить мой долг.

— Манс, новости по Кокбергам и кофе мне в кабинет, — приказываю я, скрываясь за дверью.

И меньше, чем через четверть часа получаю требуемое. Манса я выбрал за сообразительность, ответственность и талант превращать кофейные зёрна в бодрящее совершенство, посыпанное шоколадной крошкой.

— За последнюю неделю не происходило ничего особенного, господин, — краткая сводка ложится на столешницу поверх подробного отчёта.

— Есть что-то за более поздний период?

Почему Манс упоминает только сейчас?!

— Вчера, господин.

Хм? Как по мне, вчерашняя выходка Рея Лотта занятна исключительно тем, что Исидара не выбежала к нему прямиком в расставленный на неё капкан. Может быть, князь запер её в комнате, поэтому она сегодня злилась?

— Продолжай, Манс.

— Капитан Шайс начал закупки к северной экспедиции. Спонсорское письмо датировано вчерашним днём и подписано княжной Исидарой Кокберг. Два факта — изначально капитан направил запрос на имя князя, который отсутствовал дома в первой половине дня и то, что документы пришли только сегодня с утренней почтой — дают основание полагать, что княжна отвечала капитану, когда Рей Лотт изображал влюбленного рыцаря перед входом в её дом.

Я просматриваю сводку. Очень похоже, что выводы Манса верны. Неожиданно…

Начать с того, что выбирать, в какие проекты вложиться стоит, а в какие — нет, князь не умеет. Дважды потеряв финансы, он, надо отдать ему должное, здраво оценил свои никудышные экономические способности и сосредоточился на сохранении имеющегося. Князь всё ещё балу-

ется инвестициями, но суммы незначительные, потери не наносят ущерба семейному благосостоянию.

Исидара интереса к деньгам никогда не проявляла… Но ставка на капитана Шайса не похожа на выбор князя хотя бы по той причине, что у капитана, которого она выбрала, на мой взгляд, самые высокие шансы на успех.

— Расследуй.

На сегодня Исидары достаточно.

— Господин, княжна Исидара на первом этаже требует встречи с сеньором Поморро.

Я расплескал кофе.

Она что?!

Глоток, который я успел отпить, но не успел проглотить, фонтаном осел на сводке и стремительно впитывается в белую бумагу, превращаясь в пятна коричневой грязи. Кофе из опрокинутой чашки достигает края столешницы и стекает мне на брюки.

Манс невозмутимо подаёт платок.

Откашлявшись, я промакиваю рот и уточняю:

— Именно сеньора Поморро? Я приму.

Что за шутка?!

— Да.

Манс уходит готовить “сцену”. Для незаконных

дел маска негласного главы небольшой торговой гильдии показалась мне идеальной.

Но как княжна узнала? И что конкретно она знает? Меня начинает беспокоить её пророчество скорой смерти — насколько серьёзно она говорила?

Всё непонятное опасно. Лучше бы княжна злилась из-за упрямства отца и была всё той же овцой, но я в глубине души я чувствую удовлетворение.

Сеньор Поморро скрывает лицо. Показаться Исидаре, которая тотчас опознает во мне посла, я тем более не могу. Я перехожу в приёмную. Манс, как всегда, подготовил экран, светильники, кофе… Закрытые ставни создают в приёмной таинственный полумрак. Я знаю, что рождённые правильно расставленными светильниками тени “ломают” фигуру. Всё, что сможет понять зритель — что я не оживший шкаф поперёк себя шире, и не хлюпик-глист.

Манс громко захлопывает дверь — знак того, что гостья может войти.

— Что вас привело ко мне? — я отпиваю кофе и наблюдаю за княжной. Не ожидал, что ей понравится мой любимый напиток. В Вадоре кофе не жалуют, а она смотрит на простенький рисунок

цветка с детским восторгом.

— Я пришла купить информацию.

Хм, это легче, чем я ожидал.

“Вега” действительно занимается подобным, чаще всего мы продаём информацию о тайных сделках, истинном финансовом положении торговцев и всё в том же духе. Словом, компроматы на людей по части “Веги”. Но… Откуда Исидара об этом узнала? А откуда она узнала про любовницу своего воздыхателя? Говорит очень уверенно.

Более того, выходит, что “купить” словно неподходящее, она пришла информацию проверить.

По крайней мере я выяснил причину утренней злости Исидары.

А то, что она предлагает… Ха! Растоптать Рея Лотта, заслуженно смешать с грязью, втоптать в землю, уничтожить. Мне нравится ход её мыслей! Никаких сентиментальных слёз, никаких сомнений. Действия княжны даже местью как таковой не назвать, прежде всего княжна избавляется от проблемы наиболее действенным способом, виртуозно оборачивает выходку Рея против него же.

Определённо, я все храмы переберу, но документ на ребёнка добуду. Тем более для матери с сыном угрозы нет, скорее выгода — Лотту придётся взять их в дом, а то и жениться на женщине.

— Я не работаю бесплатно.

Княжна, не колеблясь, предлагает мне деньги. За пустяковую услугу она готова переплатить раз в десять. Нет уж, деньги пусть оставит себе.

Мне нужна информация.

Частично ребус уже сложился. Некто неизвестный вчера открыл княжне глаза на происходящее, дал несколько толковых советов, а она оказалась достаточно умной, чтобы им последовать. Теперь за княжной кто-то стоит, и я ни за что не поверю, что его ход был разовым. Мне нужно имя неучтённого игрока. Я не допущу, чтобы он, кем бы он ни был, порушил мою игру, слишком высокие ставки.

Я специально подбираю слова так, чтобы ответ на мой вопрос выглядел пустяковым. Но…

— Сеньор, может быть, вы настолько беспомощны? — усмехается она.

На миг я лишаюсь дара речи. Она вообще соображает, что делает и с кем разговаривает? Она понимает, что одно моё слово, и ей перережут горло? Что отказ говорить добровольно может привести её сперва в пыточный подвал, а потом в могилу?

Конечно, я ничего подобного не сделаю, это попросту неразумно. Что она может рассказать обо

мне? Что сеньор Поморро — это тень на экране? Маловероятно, что про неведомого игрока я получу больше.

Когда Исидара заговаривает о перспективе взаимовыгодного сотрудничества, я не могу удержаться от смеха. Девочка, что бы ты сказала, если бы я сбросил маску и объяснил, что ты прямо сейчас хочешь совершить государственную измену?

Как бы Исидара ни была оскорблена Лоттом, она всё ещё княжна из рода Кокберг, а для Кокбергов честь и служение короне превыше всего.

Уничтожать такую семью — разве Великий князь не идиот?

Документ я найду…

— Сеньор, если вы так хороши, как я слышала, для вас не составит труда выяснить мой маленький секрет.

Так она решила перекрыть мне возможность спросить снова? Находчиво. Но зря она думает, что я не выясню, кто за ней стоит.

А ещё я покажу ей, что такое настоящая словесная ловушка:

— О? Если княжне угодно, я, разумеется, выясню сам. Но мы сделаем ставку. Как только я выясню, вы, княжна, будете должны мне ровно одно желание.

— Согласна. Белая богиня, засвидетельствуй.

Она легко попалась?! Пфф!

Княжна уходит, забыв деньги на табурете.

Впору окликнуть, но…

— Манс, — зову я. — Расследуй тщательно. А также… установи за княжной круглосуточную слежку. Обо всём необычном докладывать мне незамедлительно.

Дикая кошечка, станешь ли ты ручной?

Глава 4

На улицу я возвращаюсь через ювелирный магазин.

Пожалуй, дома я могу соврать, что о магазине на Брегской улице услышала от одной из фрейлин и пошла посмотреть, но оказалось, что коллекцию восточных шпилек ещё не привезли. Так у меня будет оправдание для второй, а то и третьей поездки. Мне никаких усилий не жалко, чтобы приручить сеньора Поморро.

Кучер распахивает для меня дверцу экипажа. На его лице отчётливо читается облегчение — его явно не радовало, что я отказалась от сопровождения. Но “Вега” это не то, чем я поделюсь с родителями. Я приказываю отвезти меня в модный салон. Кучер склоняет голову, пряча неодобрение. Я слишком долго отсутствую дома.

Я не нарушаю приличий, до вечера далеко, но всё же…

По дороге я размышляю, заказать ли мне элегантно-роскошный охотничий костюм или строго-скромный. Как выйти из “шляпного соревнования”, но при этом не проиграть? Я должна не только действовать, но и принимать во внимание достоинство своей семьи.

На самом деле в прошлый раз я ограничилась несколькими платьями и всё время оставалась у шатров. В этот раз я не стану лишать себя свободы передвижения.

Посол… После его гибели отношения с империей обострились. Не представляю, кому могла бы быть выгодна его смерть, кроме самой империи, получившей убедительный предлог для начала военного вторжения. Смерть посла — несчастный случай? Посол стал свидетелем некой тайны, и его убрали? Вообще-то убить посла невзирая на разрушительные для Вадора последствия вполне в духе нынешнего Великого князя.

А может быть, за убийством стоит одна из княжеских семей? Ощутив угрозу на границе, Великий князь поостережётся уничтожать тех, кто способен остановить имперских солдат. Логично ведь? Но папу, преданного короне всем сердцем,

смерть посла от казни не спасла…

Я знаю так много и в то же время катастрофически мало.

А с нарядом я так и не определилась.

— Княжна Кокберг? — удивление на лице хозяйки ателье неподобающе очевидное.

Несколько лет она одевает княжну Утанару Арден и, естественно, знает о “шляпном соревновании”. Она скорее поверит, что к ней за платьем придёт сама Белая богиня, чем другая княжна.

— Что-то не так? — невозмутимо спрашиваю я. Отказать мне хозяйка, естественно, не может, на этот счёт я не волнуюсь

В ателье “Рио” я впервые, но заведения одного типа обычно устроены одинаково. Оглядевшись, я устремляюсь к диванчику, и помощницам хозяйки не остаётся ничего, кроме как подать мне набор журналов, чай и лёгкие пирожные.

— Княжна…

— Мне нужен охотничий костюм на предстоящую Великокняжескую охоту, — перебиваю я хозяйку.

— Княжна, вы уверены, что хотите заказать костюм именно у меня? — негласные правила потому и называются негласными, что вслух о них говорить неприлично.

Хозяйка пытается намекнуть, но я остаюсь глуха:

— Разумеется, у вас! Я долгое время восхищаюсь вашим мастерством, госпожа Риона. Я уверена, что вы превзойдёте себя, если я ограничусь двумя пожеланиями. Во-первых, мой охотничий костюм должен быть удобным. Во-вторых, он должен быть мне к лицу.

Какой мастер откажется от свободы творчества за деньги клиента?

— Княжна, прошу вас в примерочную для снятия мерок.

— Госпожа, если вы успеете подготовить не только охотничий костюм, то, пожалуйста, ни в чём себе не отказывайте. Я выкуплю всё.

Пока что результат не совсем тот, который мне нужен. Не исключено, что княжна Арден воспримет мои действия как оскорбление. Но надо же с чего-то начинать! Тем более… Помощницы хозяйки налетают на меня всей весёлой стайкой, мерки снимают очень быстро, между делом предлагают взглянуть на одно из уже готовых платьев. Согласившись, я примеряю обычное дневное платье и, как только девочки застёгивают последний крючок, я без предупреждения возвращаюсь в основной зал. И очень вовремя!

Хозяйка как раз листает свой ежедневник, чтобы внести в расписание работу над моим заказом.

— Княжна? — поднимается он.

— По-моему, оно очаровательно! — делаю я комплимент, крутанувшись перед зеркалом, и словно случайно сбиваю ежедневник с конторки. — Ой, как неловко.

Поднять ежедневник следует помощницам, не хозяйке и уж точно не мне. Но я ближе всех, и я девочек опережаю.

Я не просто поднимаю ежедневник, я позволяю ему раскрыться по закладке и показать мне дату и время, на которые уже назначен визит второй княжны. Мне повезло, что это будет в ближайших числах, я бы не смогла позволить себе пролистнуть пару страниц. Я с улыбкой возвращаю ежедневник. Нет, я не буду пытаться получить время рядом с Утанарой. Я просто явлюсь без приглашения.

— Княжна, зачем же…?

Моё поведение вызывает ещё большее недоумение, но мне всё равно.

— Счёт, пожалуйста, пришлите на дом, — обычная практика.

Я ненадолго задумываюсь — есть ли ещё что-то,

что я могу сделать сегодня? Пора возвращаться? Самое важное, что осталось — избавиться от Лали. Возможно, мне следовало поручить сеньору Поморро найти доказательства её предательства? Хотя нет, ни к чему знакомить императа с предателями, вхожими в дом. С Лали и прочими я буду разбираться самостоятельно.

Попрощавшись с хозяйкой, я киваю на предложение кучера ехать домой.

Откинувшись на сиденье, я прикрываю глаза и вновь прокручиваю в уме фантазию, как прихожу к папе и рассказываю о желании Великого князя уничтожить нашу семью. Какие бы слова я ни подбирала, как бы ни убеждала, папа не верит.

Поверят ли другие князья?

Возможно ли проверить подлинность завещания прошлого Великого князя?

Как скоро нынешний Великий князь отдаст приказ любой ценой избавиться от меня?

Экипаж резко останавливается, меня кидает вперёд. К счастью, я пружиню ладонями о мягкую обивку переднего сиденья и отделываюсь лёгким испугом, обошлось без ушибов и травм. Покушение?! Это первое, что приходит мне на ум, но для покушения слишком рано.

До меня долетает лошадиное ржание и ругань

кучера. Я приподнимаю штору, выглядываю.

Кажется, насчёт покушения я не так уж и неправа. Мне виден бок чужой кареты без опознавательных знаков. Кто-то вынесся из переулка прицельно нам под копыта. Развернуться и разъехаться будет не так-то просто после столкновения. Нечего и говорить о том, чтобы сделать это быстро.

Я отказываюсь верить случайностям. Открыв окошко связи с кучером, я уточняю:

— Что случилось?

— Простите, госпожа. Мы столкнулись с господином Лоттом.

Разве Лали не передала ему мою завуалированную просьбу проявить терпение? Это так он ведёт себя тихо? Что именно он пытается устроить в этот раз? Обычное столкновение не может дать ему никаких преимуществ. А вот сумей он уединиться со мной в экипаже…

Где-то поблизости засели журналисты из “Светской хроники”?

Рей появляется в поле зрения. Я запоздало тянусь к запору. Рей успевает распахнуть дверцу, в салон дуновением ветра проникает приторный парфюм. Рей озаряет меня глуповато-восторженной улыбкой и сладко улыбается:

— Дара, вы не пострадали? Должно быть, наша встреча сегодня — это сама судьба!

Облокотившись на проём, одну ногу я ставлю на самый край — чтобы попасть в экипаж, Рею придётся меня толкнуть. В крайнем случае я рискну выскочить с противоположной стороны, на проезжую часть, лишь бы не оставаться с ним наедине.

Я нашла выход, и чувствую себя увереннее.

Сказать, что пострадала? Пожалуй, лучше не давать лишнего повода приблизиться ко мне, начнёт ещё хватать за руки, дуть на воображаемые синяки, расспрашивать, что болит. А вот на выговор он нарвался.

— Господин Лотт, я пострадала чуть раньше, от ваших действий. Вашими стараниями “Светская хроника” выставила моего отца бессердечным самодуром, была брошена тень на мою репутацию, — перечисляю я, причём достаточно громко, чтобы притаившиеся поблизости журналисты могли услышать.

Вероятно, обозреватели скажут, что княжна была холодна и жестока, но по крайней мере они не смогут упрекнуть меня пренебрежении приличиями. Лучше прослыть высокомерной, чем доступной.

— Дара?

Ещё не понял? Спасибо, я рада продолжать:

— Даже к невесте на публике следует обращаться как к леди. Мы с вами, господин Лотт, не помолвлены. Обращаясь ко мне по имени, вы принижаете меня, господин Лотт.

Он не выглядит особенно удивлённым, то есть Лали уже успела отчитаться. Его выражение лица становится всё более и более жалким. На поверхности обида в лучших чувствах, а под ней… раздражение, злость.

Конечно! Рей выступил, не щадя колена, а все усилия дали обратный эффект.

— Княжна, я ведь для нас старался, для нашего счастья!

Настолько бездарная театральщина, и я велась? Белая богиня, какой ужас. Дай мне остроты зрения, Белая богиня.

— Отец начал проникаться вашим упорством, но вчера был глубоко разочарован. Понадобится время, чтобы исправить положение. Я думаю, лучшее, что мы можем сделать — это подождать, — миролюбиво предлагаю я, но не позволяю себе и тени улыбки.

Обида на его лице становится всепоглощающей. Рей такую рожу корчит, будто вот-вот

расплачется, как маленький мальчик.

— Княжна Исидара… Неужели вы меня больше не любите?

Так мне, по его мнению, следует устыдиться?

Рей, говоря откровенно, меня от тебя воротит. Но я, увы, не признаюсь вслух, хотя, возможно, и хотела бы посмотреть на твою искреннюю реакцию. Правдивый ответ повлечёт за собой слишком много неудобных вопросов, а я не собираюсь давать Великому князю подсказка.

Совсем скоро я получу от сеньора Поморро козырь и с фанфарами разыграю карту измены, заставлю всю столицу обсуждать коварного обманщика. Пока же время терпеть. И напирать на приличия:

— Господин Лотт. Мы всё ещё на улице. Зачем вы задаёте вопрос, который ставит меня в трудное положение? Господин Лотт, для всех, в ком течёт кровь Кокберг, честь превыше любых чувств.

Рей не пытается вломиться в экипаж, он, наоборот, отскакивает, с прежней бездарной театральностью хватается за грудь:

— Княжна, вы разбиваете мне сердце! Почему вы так жестоки ко мне? К моей любви? Вы стали презирать меня за более низкий статус? Вы хотите выйти замуж за богатого, поэтому говорите со

мной в подобной манере?

Обвинения всё громче.

Я не пытаюсь вклиниться, это бесполезно. В любом случае, я не могу его перекрикивать.

Я просто перед его носом с громким стуком захлопываю дверцу экипажа, а для надёжности, наконец, задвигаю запор. И на второй дверце тоже, на всякий случай.

— Я люблю вас больше жизни, Дара! — снаружи Рей неистовствует, но не ломится. — Вы играли моими чувствами?! Хорошо! Раз вы забрали моё сердце, Дара, так заберите и жизнь, потому что я не могу жить с разбитым сердцем. Надеюсь, ваша совесть выдержит.

Белая богиня!

В прошлом я бы выскочила из экипажа, бросилась просить прощения, утешать, заверять, что люблю и никогда не смотрела на Рея сверху вниз из-за разницы в статусах. Я бы действительно перепугалась, что Рей с его тонкой душевной организацией, нежный, ранимый, покончит с собой.

Я рывком задёргиваю шторку.

Мне очень не нравится взгляд, который я успела поймать прежде, чем занавесилась. Это уже не досада, не раздражение, даже не злость. Это

горящая злоба, смешанная с решимостью.

Очевидно, что Рей не утихнет, как я наивно надеялась, он готовится что-то предпринять. Он заготовил некий трюк, который не собирался пускать в ход, но теперь мой отказ его спровоцировал? Но что теперь Рей может сделать? В петлю он точно не полезет. Во-первых, не станет позориться. Во-вторых, будет подозревать, что я устою.

Но что, если не самоубийство?

Меня страхом прошибает от макушки до пяток — у него ведь тоже есть на меня компромат!

Проклятье!

Больше месяца мы с Реем обмениваемся любовными записками. Мне казалось, что тайные послания — это невероятно романтично, и Рей охотно подыгрывал, писал часто, а я также часто отвечала… Я честно сжигала письма Рея, но он их сохранил. Когда после замужества я об этом узнала, я была тронута его сентиментальностью, после заключения брака любовные записки угрозы не несли. Но сейчас! Если он их опубликует… Моя репутация будет уничтожена.

И что мне делать?!

Уж точно не ждать очередной статьи в “Светской хронике”.

Экипаж, наконец, приходит в движение. Я выжидаю около пяти минут, прежде чем сдвигаю шторку и выглядываю на улицу. Рей остался позади, мне ничего не видно, и я устало откидываюсь на спинку сиденья. Я заставляю себя прекратить панику. С одной стороны, мои письма могут появиться в журнале уже завтра. Мне хватило глупости подписываться своим именем. С другой стороны, цель Рея жениться, а не опозорить меня. Что ему даст публикация писем, кроме головной боли? Мужчина обязан беречь честь возлюбленной, за письма Рея осудят, а папа с братом и вовсе могут вызвать на дуэль. И убить.

Насколько я успела понять Рея, смертельный риск не его путь.

Часть писем мы передавали через младшую фрейлину принцессы. Если Габриэль пригласит отца и намекнёт, что по вине любопытной девицы наши с Реем записки вот-вот станут достоянием публики и что единственный способ защитить меня от порицания — позволить мне выйти за любимого человека…

Вмешательство членов правящей семьи весомее писульки в журнале.

А если я ошибаюсь, и завтра письма появятся в “Светской хронике”? Тогда я… не потеряю ни-

чего, кроме репутации. Я по-прежнему разыграю козырь с его изменой и разорву отношения. То, что в результате меня перестанут пускать во дворец, принимать в приличном обществе, и что я не смогу выйти замуж — мелочи. Статью в “Светской хронике”, если она выйдет, можно использовать как повод убедить всю семью отправиться в большое путешествие. Немного слёз, и родители согласятся.

Однако…

Нечего моим письмам пылиться у Рея и действовать мне на нервы. Я сожгу их… сегодня же.

Глава 5

Из экипажа я не выхожу — выбегаю. И бросаюсь в дом.

В холле меня ждёт Лали, но я не собираюсь тратить на неё ни мгновения. Я просто сходу приказываю достать из гардеробной комплект, приготовленный для участия в Великокняжеской охоте, а также вывесить все остальные наряды, в которых я ещё ни разу не выходила в свет. Уверена, перебор платьев и костюмов займёт Лали надолго.

Кажется, она хочет то ли возразить, то ли что-то спросить, но я не оставляю и шанса, прохожу мимо, взбегаю на второй этаж и скрываюсь в

глубине дома.

Конечно, от других слуг Лали узнает, что я рванула прямиком к маме, главное, что подслушать не сможет.

С мамой же… сложно.

Когда-то мама была младшей жрицей Белой богини.

Как и большинство жриц, мама сирота, воспитанная в приюте при храме, имена родителей неизвестны, её, совсем крохой, оставили в корзинке на ступенях храма. В день своего шестнадцатилетия мама отреклась от прошлого, прошла посвящение на первую ступень и получила новое имя. Жизнь мамы должна была пройти в стенах храма, но счастливая встреча обернулась браком по любви.

Жениться на жрице для аристократа не зазорно, хотя и невыгодно — жрица не принесёт в мужу ни большого приданого, ни полезных связей.

Папа выбрал сердцем.

Раньше я не особенно задумывалась об отношениях родителей. Я видела, как они трепетно относятся друг к другу, видела их неугасимую любовь и всепоглощающую нежность. Я мечтала, что мои отношения с мужем будут точь-в-точь такими же.

Слепая… По крайней мере я узнала о существовании проблемы сейчас, расшибив об неё собственный лоб.

Мама, будучи счастливой женщиной, любимой и взаимно любящей, несмотря на безоговорочную и безграничную поддержку папы, отказывается считать себя достойной титула княгини. Может быть, папины родители постарались? Бабушку с дедушкой я почти не помню, они ушли в Белую обитель, когда я была пятилеткой, и в памяти остались лишь размытые образы холодной строгости и чопорной надменности… Возможно, они попрекали маму простецкими манерами, тем, что, по их мнению, своим неумением держаться в высоком обществе, она их позорит?

Мама не управляет домом, не вмешивается в семейные дела, даже мнения не высказывает, лишь соглашается с папиными решениями, какими бы они ни были. В свете мама прослыла затворницей и домоседкой, она избегает общения с аристократками, а в обществе появляется изредка и исключительно на официальных мероприятиях, когда обязана сопровождать папу.

Мысль рассказать ей о будущем я отвергла сразу — мама испугается, будет безумно переживать, сляжет с мигренью, но ничего не сделает, лишь

посоветует довериться папе.

А папа не поверит.

— Иси?

Я вхожу в мастерскую — мама ещё со времён своей юности увлечена лепкой статуэток Белой богини, проводит в мастерской дни напролёт. Готовые статуэтки мама передаёт в храм, где жрицы их освящают и дарят желающим.

Сегодня мама занята чем-то грандиозным. Уже готовый глиняный Дарен Вадор и его верные рыцари сражаются с чудовищем. Мама инструментом, похожим на длинную иглу с рукоятью, тщательно прорисовывает на шкуре чудовища чешуйки, левый бок завершён, а правый — только начат.

На черновом карандашном наброске видно, что мама создаёт скульптурную композицию: появится храм, на его вершине, воздев руку, встанет Белая богиня.

— Благословение магией? — с улыбкой спрашиваю я.

— Да, — мама окидывает меня внимательным взглядом, инструмент возвращается в футляр, мама наспех вытирает руки полотняной салфеткой и манит меня на диванчик. — Что-то случилось, дочка?

По мне настолько заметно?

Хотя мама избегает любых семейных дел, я всё же надеюсь, что о моём браке она выскажется, не как княгиня, а как мать, тем более моя цель избежать брака, не позволить папе передумать под давлением обстоятельств.

— Ма-ам, — плаксиво тяну я. — Ты не поверишь!

— Что случилось?

Я устраиваю голову у неё на плече:

— Когда я возвращалась из ателье, я заказала костюм для охоты, из проулка выскочил экипаж, в котором оказался Рей Лотт. Мы чуть не столкнулись! Я чудом не пострадала.

Мой обычный розовый восторг сегодня сменяется чёрной палитрой.

— Рей Лотт? — в маминой интонации появляются нотки искренней озабоченности.

Хотя мама не высказывалась прямо, я могла понять, что Рей ей не нравился, и она против моего с ним брака.

— Да! Знаешь? Он с таким самодовольством заявил, что наше столкновение это судьба, что я теперь уверена, что он его и подстроил. А если бы я ударилась? Меня спасло только мастерство нашего кучера.

— Белая богиня, Иси, ты не пострадала?

— К счастью, обошлось. Не переживай, мам. Но то, что было потом… Рей на всю улицу спросил, люблю ли я его. На людях! Я сказала, что он не прав, что он нарушает этикет, а он, вместо того, чтобы успокоиться и, наконец, вести себя достойно, представляешь, начал говорить, что я разбиваю ему сердце и что он не хочет жить из-за моего коварства. Зачем он так со мной? Он просто давил на эмоции, причём без стыда и совести!

Я всхлипываю.

Мама с нежностью гладит мне по голове.

— Так бывает, дочка.

Я продолжаю:

— Он казался таким хорошим… Вы с папой были правы, когда советовали не торопиться.

— Вот и правильно, не торопись, подумай, присмотрись. Куда спешить?

Спешить мне придётся, но, к счастью, не замуж.

— Да, мам. Признаться… после той сцены, которую он устроил, я вообще не хочу с ним иметь дел. Я думала, он чуткий романтик, а он оказался истеричным тираном.

Теперь, когда я рассказала, как Рей меня обидел, и что он мне больше не нравится, родители,

уверена, не допустят наш брак. Я хочу надеяться, что не допустят…

— Иси, ты обязательно встретишь достойного мужчину, — обещает мама.

Я согласно киваю.

Ещё раз о своём нежелании выходить за Рея я повторяю на семейном ужине.

Но одних слов мало.

Приказав Лали оставить наряды висеть в спальне до утра, я жалуюсь на усталость после волнительного дня, говорю, что лягу раньше обычного и отсылаю отдыхать, упомянув Лалины красные дни, которые она использовала как предлог, чтобы не сопровождать меня во дворец. Лали понуро уходит.

Я соскакиваю с кровати, на цыпочках крадусь к дверям и запираюсь изнутри — мне совершенно не нужно, чтобы Лали ворвалась без разрешения и обнаружила мою ночную отлучку.

Переодевшись в свой старый охотничий костюм тёмно-синего цвета, почти идеально сливающегося с темнотой за окном, я тайком выбираюсь из дома.

Собственного дома у Рея нет, он арендует двухэтажный особняк в Заречном квартале, считающимся достаточно респектабельным, но

далеко не центром города. Помнится, Рей грезил получением титула и переездом в настоящую резиденцию, как у нас, с жилым и нежилым крылом, танцевальным залом на первом этаже, богатой библиотекой, причём он явно не читать собирался, а хвастаться гостям, и обязательно, чтобы особняк окружал сад. Уж не мечтал ли Рей, что ему, как вдовцу последней наследницы, достанется родовое гнездо Кокбергов? Нет, ничего этого не будет, не допущу. Я глубоко вдыхаю вечернюю прохладу и прибавляю шагу.

Ехать до Заречного квартала недолго, а вот идти… Зато, когда через пару часов я доберусь, я смогу не бояться быть пойманной — обычно Рей ложится около полуночи и засыпает мгновенно.

С непривычки очень скоро начинают гудеть ноги, но я иду.

Иногда мне мерещится направленный на меня острый взгляд, однако, оглядываясь, я не нахожу и тени.

К прохладе примешивается сырость, улица бежит под уклон — я приближаюсь к скованной гранитом реке, некогда полноводной, но, по уверениям газетчиков, год от года мелеющей.

Я останавливаюсь на нижней ступеньке моста, перевожу дыхание. Кто-то следит за мной?

Почему ощущение чужого взгляда не оставляет? Наверное, от нервов мерещится. Разве я не лезу прямиком в логово врага?

В воде что-то плеснуло. Я вздрагиваю, вслушиваюсь в ночную темноту и начинаю осознавать, что безлюдная столица меня пугает.

Шаги. И шаги пугают не меньше.

Стража?

Я не делаю ничего плохого, можно сказать, гуляю, но всё равно пригибаюсь, затаиваюсь у широкого парапета, замираю. Шаги приближаются. Патруль идёт вдоль набережной. На мосту мне от них не спрятаться. Едва лишь один из них повернёт голову… Определённо, прячущаяся одиночка вызовет больше вопросов, чем девушка, идущая открыто, но вскакивать я уже не решусь. Соврать, что оступилась и массировала стопу? Патрульные появляются в поле зрения. Позади, там, откуда я недавно пришла, слышится надсадный скрежет, и патрульные, забыв про мост, бросаются на звук. Скрежет, повторяясь, удаляется, уводя их от меня. Я, воспользовавшись моментом, перебираюсь через мост.

Совпадение слишком странное… Но я же не побегу проверять, кто там шумел. Маловероятно, что за мной следит человек Рея, ведь у него есть

Лали. Вчера я привлекла внимание посла и сеньора Поморро. Оба мои будущие союзники, так что я не возражаю, если они проявили ко мне интерес.

Через две улицы я, наконец, добираюсь до цели.

И пока я шла, я больше не чувствовала чужого внимания, а ведь специально прислушивалась к ощущениям. Пожалуй, мне даже слегка некомфортно, словно я что-то потеряла? Пфф.

Двухэтажный дом, который арендовал Рей, похож на гигантский детский кубик с крышей-пирамидкой. Прилегающей территории нет, дом зажат между соседними особняками, в одном из которых проживает выбившийся с самого дна торговец. Рея особенно тяготит, что он вынужден жить на одной улице с бывшим босяком.

Я смотрю на дом — в окнах нет света.

Должно быть, Рей давно видит сны. Малочисленная прислуга расходится по спальням вслед за хозяином.

Я обхожу дом, минуя крыльцо чёрного хода, ведь дверь наверняка заперта, а ключей у меня нет. Я надеюсь, что кухарка, бабушка Моно, как она просила себя называть, хотя выглядела лет на сорок или сорок пять, сегодня не изменила своей привычке и оставила окно кухни приоткрытым.

Мне везёт — окно действительно открыто.

Оглядевшись, я убеждаюсь, что поблизости никого, лишь на дереве хлопнула крыльями беспокойная птица. Ухватившись за подоконник, я подпрыгиваю. Подтянуться не получается, я соскальзываю обратно на землю, и мысль в голову приходит совершенно дурацкая: кто бы за мной ни следил, господин имперский посол или сеньор Поморро, хорошо, что они не узнают о моём позоре. Хотя логичнее было бы надеяться на поддержку, причём во всех смыслах: чтобы и на подоконник подсадили, и подстраховали, и я бы благополучно выбралась с письмами.

Я цепляюсь, рывком забрасываю себя наверх и в живот впивается доска оконного проёма. Минуту, показавшуюся вечностью, я барахтаюсь, бессмысленно дрыгая ногами. Мне даже кажется, что я застряла, и что утром меня найдут в столь непотребном виде. К счастью, я всё ещё могу изобразить куль с костями и свалиться назад. Успокоившись, я кое-как вползаю в окно и даже ухитряюсь не сильно нашуметь, спрыгивая на пол.

Дом молчит.

Я выскальзываю в тёмный коридор и иду на ощупь. Мне на второй этаж, в рабочий кабинет

Рея. Дело осложняется тем, что кабинет примыкает к его спальне…

Насколько я понимаю, у Рея два тайника, если не больше. Мне известен код от сейфа, вмурованного в стену и скрытого картиной. Про второй тайник я лишь догадываюсь — Рей не хранит в сейфе ничего особенно важного. К счастью, мои письма также не относятся к важному. О том, что Рей переложит их в сейф позднее, а сейчас прячет в другом месте, я стараюсь не думать, ведь это не то, на что я могу повлиять.

Я считаю ступени. Шестая скрипит, поэтому её я аккуратно перешагиваю и продолжаю подниматься. На втором этаже тоже тихо, из-под закрытых дверей на полу не пробивается свет. Я крадусь на цыпочках.

По-прежнему тихо…

Сердце гулко стучит, но голова остаётся ясной. Кабинет приближается, и я сжимаю пальцы на дверной ручке, надавливаю. Ручка плавно опускается. На грани слышимости раздаётся щелчок замка. Рей спит крепко. Такая мелочь ведь не разбудит его, верно? Дверь податливо открывается, впускает меня в святая святых.

Я снова замираю и слушаю тишину.

Свет зажигать нельзя, но я вслепую должна

справиться. Осталось чуть-чуть… Эх, лучше бы я пошла в “Вегу” и попросила о помощи сеньора Поморро. Ночные кражи — не моё. Дневные, подозреваю, тоже. Даже проверять не хочу. Я снимаю со стены картину, ставлю в кресло.

Сейф на месте, под пальцами гладкий металл. Я нащупываю два ребристых колёсика, большое и маленькое. Каждый поворот они противно щёлкают. В тишине дома их клацанье кажется громоподобным, я уговариваю себя, что я преувеличиваю. В любом случае у меня нет выбора — семь поворотов большого колёсика и четыре — маленького.

Замок, будто издеваясь надо мной, открывается особенно громко.

Створка распахивается сразу во всю ширь, и я запускаю руку в недра сейфа. Слишком темно, чтобы рассмотреть. Я помню, что мои письма хранились в картонной папке, но их тут явно не одна. Я достаю стопку целиком. В скупом свете звёзд нечего и думать о том, чтобы прочитать содержимое. Я открываю папку за папкой и ориентируюсь на размер бумаг. Несколько листов формата официальных документов явно не то, как и пачка тонких листков, я писала на качественной бумаге.

Да!

Я нашла — приоткрыв конверт, я улавливаю аромат своего парфюма. Навскидку у меня в руках все тридцать семь писем.

Время драпать. Я даже сейф закрывать не буду…

Я оборачиваюсь к двери.

По глазам ударяет нестерпимо яркий свет. Я тотчас слепну.

— Дара?! — я узнаю голос Рея. — Что ты… Письма? Как ты вскрыла сейф?

Глаза слезятся, я отчаянно моргаю, и постепенно зрение начинает восстанавливаться. Хотя картинка всё ещё смазанная, я понимаю, что Рей, полностью обнажённый — обычно он спит раздетым и сейчас пришёл, не потрудившись прикрыться — стоит в дверях.

Я стискиваю добычу. Не важно, что он меня видел. Пока письма у меня в руках, я всё ещё могу сбежать, и у него не будет никаких доказательств. Но как сбежать от крепкого мужчины, перегородившего собой проход?

Впору из окна прыгать. Но я скорее переломаю ноги, чем сбегу. И на большое раскидистое дерево, растущее как раз за окнами, мне не перебраться.

Пока я лихорадочно соображаю, Рей оказыва-

ется рядом. Я только и успеваю, что шарахнуться. Он хватает меня за руки с такой силой, что пальцы разжимаются, и письма разлетаются по всему полу.

Глава 6

Рей пристально смотрит мне в глаза.

— Дара, кажется, ты больше меня не любишь? Сама бы ты не догадалась. Тебе кто-то подсказал, да? Откуда ты знаешь мой код? Кто-то из слуг подсмотрел? Кто меня предал? Ох, молчишь? Молчи, Дара. Предателем я займусь позже.

— Отпусти.

Стальная хватка, я не могу вырваться.

Рей перехватывает мои запястья одной рукой, но хватка не ослабевает. Второй рукой он почти нежно обнимает меня за спину под лопатками, вынуждает приблизиться и прижимает к себе. Я не могу сдержать гримасу отвращения. Рей лишь улыбается, с его лица не сходит задумчивое выражение.

Я знаю это его выражение, с таким лицом он строит планы.

Я начинаю осознавать, что я в ловушке теперь в самом буквальном смысле, и всё гораздо хуже, чем потеря писем.

С чего я решила, что проблема — добраться до

дома и попасть внутрь? Рей — вот проблема.

— Дара, ума у тебя так и не прибавилось? Ты же не думаешь, что я тебя отпущу, если ты вежливо попросишь? Особенно после того, что ты наделала. Всё так замечательно шло, мы могли бы уже стать женихом и невестой официально. Зачем же тебе понадобилось всё портить, Дара?

Я чуть приободряюсь:

— Рей, а на что ты рассчитываешь, удерживая меня? — плотная ткань охотничьего костюма не защищает в полной мере, и я чувствую вжимающееся в меня его тело. — Папа скорее поверит, что ты похитил меня, чем в то, что я пришла добровольно. Папа поддержит меня, даже если моя репутация будет уничтожена. Я не стану твоей женой.

Рей наклоняется, его дыхание опаляет шею. Меня передёргивает от омерзения. Я невольно пытаюсь вырваться, но добиваюсь лишь угрозы:

— Тише, Дара, иначе поцелую. Это будет твой первый поцелуй? Не слишком романтичная обстановка, да?

Я застываю. Я верю, что он сделает то, о чём говорит. И хотя, учитывая мою прошлую жизнь, поцелуй не будет первым, мне противно не меньше, чем если бы был первым.

— Ты..., — я всё ещё пытаюсь найти в Рее то хорошее, что, я верила, в нём есть.

Рей подталкивает меня к столу. Он всё ещё легко удерживает мои запястья, но теперь, когда мне некуда отступать, он скользит ладонью вверх по спине, проводит по плечу и останавливает движение на моей шее.

Я вспоминаю давление удавки.

Нет, Рей не душит меня, всего лишь обозначает силу и возможность, а я начинаю задыхаться. Если бы дар мог проснуться... Я крепко зажмуриваюсь в тщетной попытке разбудить магию, вернуться домой. Но ничего не происходит.

— Смотри на меня, Дара, — его пальцы на ощупь будто черви переползают на лицо.

— Ненавижу.

— Ты сама виновата, Дара. Обычно я нежен с женщинами, даже с шлюхами в борделе, когда они приветливо улыбаются и показывают, как мне рады. После свадьбы я бы хорошо относился к тебе. Но ты, повторюсь, всё испортила. Ты знаешь, что из-за тебя у меня возникли проблемы? Человек, который хочет нашего брака, сегодня был мной крайне недоволен. Он дал мне только пару дней, чтобы справиться. Из-за тебя моя карьера под угрозой.

Наследный принц, вероятно?

— Сочувствую, — издёвка прорывается почти против воли, я испытываю мрачное удовлетворение от того, что могу говорить, не скрывая чувств.

— Он назвал меня неудачником, а я, Дара, ненавижу, когда меня так называют. Ты не представляешь, как сильно я зол на тебя, как хочу задушить, сдавить горло и смотреть, как в твоих глазах гаснет жизнь.

Его клинит на удушении?

Да он не просто мразь, он ещё и психопат!

Но он всё ещё достаточно разумен, по крайней мере он понимает логику:

— И что даст тебе моё убийство? — я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, с лёгкой насмешкой.

— Ничего, — легко соглашается он. — Убивать тебя, ты права, ни к чему. В отличии от тебя, Дара, у меня есть ум, и я умею им пользоваться. Ты сама подарила мне чудесную возможность, и я её не упущу. Я уже всё продумал. Ты будешь послушной девочкой и пойдёшь сама, или мне прижать тебя к себе и нести?

— Сама.

— Не дёргайся, Дара.

Не стану. Я рванусь не сейчас, а, когда буду

уверена в успехе.

Рей позволяет мне отступить от стола. Он как-то перехватывает мои запястья, и теперь Рей прижимается ко мне сзади, приобнимает за талию, держа мои запястья впереди, на уровне пояса.

Не ослабляя хватки, Рей возвращает папки в сейф, захлопывает его, вешает картину. Письма остаются валяться на полу, они Рея не заботят. Он ведёт меня в свою спальню, подводит к окну.

— Ты передумал душить и собираешься сбросить меня вниз? — не думаю, что это действительно так.

— Что за глупости? — удивляется он. — Конечно, нет. К сожалению, сейчас видно плохо. Совсем рядом растёт раскидистое дерево, одна из развилок почти напротив окна. Очень удобное место для проныры газетчика. Как думаешь? Только представь этот снимок. Переплетение двух обнажённых тел, твоё лицо повёртнуто к камере. В кадре на простыне красноречивое пятно крови.

— Папа тебя убьёт.

Это даже не угроза — просто факт.

— Нет, ведь я умный. Газетчика вспугнёт мой хороший друг. Сейчас я отправлю обоим записку, и друг всё организует. Мы скажем, что он не знал, что именно снимает газетчик, поэтому поспешил

войти, чтобы предупредить меня, и… застал нас с тобой. Пока твой папа тебя хватится, я успею отвезти тебя в храм, а с твоим папой говорить буду не я. Мой друг принесёт фотографию и заверит, что всё уладил с газетчиком, объяснит причину, по которой мы поженились. Твоя семья будет вынуждена принять, понимаешь?

Мне страшно.

Очень-очень страшно.

Лучше умереть, чем позволить ему…

— И что? — я всё ещё стараюсь говорить спокойно. — Что помешает мне рассказать о насилии и попросить тебя убить? Ты умнее, но на дуэли ум тебя не спасёт. К тому же, я не понимаю, как ты собираешься на мне жениться. Ты привезёшь меня в храм, да. Нужно либо моё согласие, либо папино.

— Или человека, которому князь Кокберг доверил говорить от его имени, — педантично уточняет Рей.

— Такой есть?! — я не могу скрыть ужаса.

— Нет, — с сожалением вздыхает Рей.

— Вот…

Не успеваю я обрадоваться, Рей перебивает:

— Белая богиня далеко не единственная богиня. Есть другие. Песчаный Кадор похищение строп-

тивых красавиц не только одобряет, но и считает доблестью. Как и укрощение. Дара, ты хотела знать, как я заставлю тебя говорить семье правильные вещи? На нашей свадьбе тебе придётся выпить ритуальное Вино послушания, хорошо? Ты знаешь, как оно действует?

Он действительно умный. В книгах, которые я читала, говорилось, что Вино послушания превращает девушек в безвольных кукол. Парадоксальным образом жертвы сохраняют разум, ведут себя естественно, но при этом не способны противостоять приказам хозяина, чья кровь была добавлена в вино.

Рей подталкивает меня к кровати.

— Что?!

— Ты о том, что газетчик ещё пришёл? Не волнуйся, он будет вовремя, рано утром, в солнечных лучах кадр получится наиболее эффектно. Мой друг тоже придёт утром. Беспокоить их посреди ночи будет неудобно. К тому же, чтобы отправить приглашения, мне придётся отлучиться. Скажи, разве ты будешь сидеть смирно? Я думаю, что нет. Я не могу позволить тебе уйти.

Он дышит в затылок, прижимается ртом к коже за ухом.

— Меня сейчас стошнит.

— Постарайся сдержаться, Дара, иначе я разозлюсь ещё больше. Я и так на тебя зол, помнишь? Я прямо сейчас накажу тебя, — он расстёгивает пуговицу за пуговицей, сверху вниз, не торопясь, поглаживая через ткань. — Но я могу быть и немного нежным, если ты расслабишься. Ну же, подумай, какой первый раз ты хочешь?

— Какая же ты мразь.

— Ты ошибаешься. У кролика и у волка, у каждого своя правда. Для кролика волк чудовище, но я просто… собираюсь тебя съесть. Кто сказал тебе родиться глупым кроликом? Знаешь, Дара…

Он стягивает с меня жакет, заставляет разуться. Амазонка сползает по ногам вниз. Я остаюсь в одних панталонах и блузе поверх нижней сорочки. От того, что Рей медлит, только хуже. Я ещё не раздета полностью, но уже чувствую себя голой. И грязной.

Полнейшая беззащитность сводит с ума, и, чтобы не утонуть в отвращении и унижении, я цепляюсь за разговор, чем, кажется, только забавляю Рея.

— Ха…, — вырывается хрип, когда он принимается за пуговицы блузки, теперь он движется снизу вверх.

— Есть какая-то высшая справедливость, что

глупый кролик будет съеден умным волком. За что тебе дан титул? Я гораздо достойнее его.

— Ты…

— Помни, это твоя вина. Дара, я вынужден делать то, что делаю.

— Почему? — чем дольше разговор, тем дальше я отодвигаю… неизбежное.

Я действительно подумала “неизбежное”?!

Нет!

— Потому что после унижения и насилия женщины, особенно такие, как ты, глупые и изнеженные, теряют волю. Это лучший способ заставить тебя прекратить сопротивляться. Мне придётся быть грубым.

Он срывает с меня блузку, разворачивает лицом к себе и отталкивает на матрас. Я падаю. Я не успеваю ни вскочить, ни просто откатиться. Рей снова близко. Он ловит мои запястья, вжимает в кровать у меня над головой.

В его глазах чистое безумие, похоть и жажда обладания.

Ногтями Рей оставляет кровоточащие полосы, будто зверь когтями рисует метки. Больно, и запястья до завтра почернеют. Душевная боль во сто крат мучительнее телесной. Он прав — унижение ломает волю, я начинаю это чувствовать,

а он, прижавшись ухом, слушает, как бьётся моё сердце и что-то бормочет, я уже не могу разобрать что.

Будто уничтожая крохи надежды, Рей хватается за лямку сорочки, оттягивает.

Всё не может закончиться так. Я не для того возвращалась!

Рей словно окончательно теряет человеческий облик.

Я чувствую себя абсолютно беспомощно, гораздо хуже, чем с петлёй на шее. Тогда я нашла в себе силы ненавидеть, стоять с гордо поднятой головой. Мне надо сосредоточиться на происходящем, чтобы поймать тот единственный шанс, но сознание пытается укрыться от убийственной действительности в воспоминаниях. Я пытаюсь найти в них точку опоры, и перед глазами вдруг встаёт мамина скульптурная композиция, но не такая, какой я её видела вживую, а такая, какой она должна стать, когда мама её завершит. Чудовище, захватившее храм, огромное, с гору, лучшие мечи не могли поцарапать его чешую. Шаги чудовища были настолько тяжелы, что сотрясали землю, а взмахом хвоста чудовище срубало вековые деревья. Рыцари на фоне чудовища слабаки, однако победили именно они, а

я прямая наследница благословлённого Белой богиней победителя Аарона Кокберга.

Рей, устав бороться с неподатливой сорочкой, разрывает её.

— Не прощу. Даже если мне придётся стать призраком.

В душе, наконец, поднимается огненная волна, ярость вскипает в крови. Заветные слова срабатывают как волшебное заклинание. Или это моя готовность сражаться, победить ценой собственной жизни? Не важно!

Я получила вторую попытку.

— Почему ты успокоилась?! Ты не должна радоваться…

Перед глазами темнеет.

Этот раз заметно отличается, нет крутящего потока в небытии. Я прихожу в себя почти мгновенно. Я вернулась в недавнее прошлое? Интересно, на пару суток, в день, когда Рей устраивал сцену перед нашим домом или на несколько часов? Я безумно надеюсь оказаться дома в своей спальне. Я усвоила урок, я пошлю сеньора Поморро ограбить сейф.

Действительно, зачем я выбирала только письма, когда можно было бы забрать всё?

Я открываю глаза. Вокруг темно, я различаю

лишь смутные контуры и понимаю, что стою перед креслом, а в нём — картина.

Я в кабинете Рея! Перед сейфом…

Судьба даёт мне шанс бежать, а не щёлкать колёсиками, но руки тянутся к сейфу, и я с громоподобными щелчками поворачиваю большое колёсико на семь поворотов, а маленькое — на четыре.

Свет включился через несколько мгновений после того, как я нашла письма. Я должна успеть.

Сейф распахивается, и я без разбора хватаю стопку папок, нужная всё равно среди них. Я бросаюсь к выходу, врезаюсь в дверцу плечом невзирая на вспышку острой боли. С той стороны я встречаю сопротивление, затем слышу глухой удар, непонятное звяканье.

Выскочив, я вижу распростёртого на полу Рея. Поблёскивает отброшенный в сторону перламутровый шарик. Артефакт? Не в духе Рея выходить на грабителя с голыми руками. В первый раз я просто не заметила, когда была ослеплена ярким светом.

Свет вспыхивает и в этот раз, но я успеваю зажмуриться.

— Дара?!

Обувь у меня подходящая, я бью, попадаю вроде

бы по рёбрам.

Мне удаётся перепрыгнуть, и хотя Рей тянется схватить меня за щиколотку, я не только удерживаюсь на ногах, но и удерживаю все свои папки.

— Я тебя убью, стой!

Рей слишком быстро вскакивает, но я успеваю добраться до лестницы. Я почти скатываюсь вниз, рискуя покатиться. Эх, знала бы, натянула бы понизу верёвку, но… При том, что эмоции бурлят, в душе сосущая пустота. Я думаю, это дар. Вернуться обратно ещё раз я сегодня уже не смогу.

Отпирать парадные двери слишком долго.

Я бегу к чёрному ходу. Я успеваю подумать о том, что, выбравшись через окно, подставлю добрую бабушку Моно. К тому же через окно долго, Рей успеет схватить, а прелесть чёрного хода в том, что дверь запирается на несколько щеколд и засовов, ключи не нужны.

И я вырываюсь на свободу.

У меня хороший шанс спрятаться среди тесной застройки Заречья.

Был. Пока я не услышала страшное:

— Зора, фас!

Зычный приказ тонет в заливистом собачьем лае. Я вспоминаю, что, когда мы только поженились, у Рея была охотничья гончая, особая

загонная порода. Комок жил и мышц размером с телёнка, вечно слюнявая оскаленная пасть, короткий хвост и злобный взгляд. Гончая признавала только Рея и без разбора бросалась на всех остальных. Рей держал собаку либо в вольере, либо на цепи и запрещал к ней приближаться.

Это случилось меньше, чем через месяц после нашей свадьбы: гончая однажды освободилась из вольера, и пока Рей за ней пошёл, насмерть порвала горничную из дома соседа-торговца. Чтобы замять дело, Рею пришлось раскошелиться и убить гончую. Помню, он ходит мрачнее тучи, а я тихо недоумевала, зачем держать опасное животное, будто надресированное убивать.

Я заворачиваю за угол, но тщетно — гончая держит след, я слышу её приближение.

У меня и минуты нет…

Забраться на дерево? Влезть в первый попавшийся дом? Смешно, ведь она допрыгнет куда угодно.

— Княжна?

Передо мной чёрной тенью встаёт на дыбы конь. В ночи кажется, что он заслонил половину неба.

Я замираю — это не Рей.

Но кто мог бы узнать меня в темноте?

Конь опускается на четыре ноги. Сидящий верхом мужчина легко наклоняется, подхватывает меня, и через мгновение я оказываюсь сидящей впереди седла. Я вдыхаю знакомый аромат кофе, крепче вцепляюсь в плечи своего… спасителя.

— Господин… посол?

А я думала на господина Поморро…

Гончая выносится из проулка. Я взвизгиваю от испуга и понимаю, что конь вряд ли уйдёт, даже если сорвётся в галоп мгновенно, но конь лишь ушами прядёт и переступает с копыта на копыто. Гончая прыгает. Она загрызёт и коня, и меня, и посла. Она стелется над землёй будто летит.

— Разве это не квартерон Кадорской гончей? — в голосе посла ни капли страха, лишь чистый интерес с неясным для меня хищным подтекстом.

Не представляю, какое ему дело до породы, когда её клыки практически смыкаются на его шее. Господин посол лишь разворачивает коня боком. Гончая взвивается с места, метя, как я и думала, вцепиться в горло.

В свете звёзд тускло сверкнуло лезвие короткого клинка.

Гончая падает. Ни лая, ни хрипа, ни движения.

— Вы…

— Не знал, что в центре столицы Вадора настолько опасно. Какая занятная сплетня чуть не прошла мимо меня, — господин посол спокойно забирает свой кинжал.

Он прячет оружие в рукав? Слишком быстрое движение, я не рассмотрела.

До меня постепенно доходит, что я… спасена? Чудовищная гончая убита небрежным взмахом. Рей, когда рядом господин посол, не причинит мне вреда. Меня передёргивает, новый приступ тошноты заставляет закашляться. Я никак не могу унять дрожь, трясутся руки, пальцы. Я того гляди потеряю добытые папки.

Господин посол перехватывает их у меня, мягко отбирает и прячет под полу камзола, а у меня зубы стучат так, что я даже возразить не могу.

— Княжна? Вы же не собираетесь использовать мой воротник вместо носового платка? Давайте для успокоения вы вместо слёз попинаете вон ту дохлятину? Хотите я закажу сделать из неё чучело и подарю вам? Княжна? О, нет, моя рубашка…

Вопреки собственному ворчанию, он обнимаем меня, и я остро ощущаю разницу. Господин посол по-настоящему бережен, в его жесте нет ни намёка на обладание, только поддержка, защита, безопасность. Он готов отпустить, как только я

этого захочу. Я… не хочу.

— Верните меня домой, — прошу я.

— Не волнуйтесь, княжна, себе не оставлю. Лучше скажите, как вы обокрали Рея Лотта?

Интерлюдия 2

Сон после полуночи особенно сладок. В пуху мьёкских лебедей под нежнейшим шёлком редчайшего лунного сорта, которого производят не больше пары рулонов в год, и все они оказываются во дворце владыки Востока.

Я смог приобрести целых три…

Мой чудесный сон прерывают грубейшим образом:

— Господи-и-ин!

— Манс?! — я вскакиваю, как подброшенный. Мой помощник талантлив во всём, но будить не умеет совершенно. — Что случилось?! “Вегу” накрыли?

Некоторые нехорошие звоночки уже появляются, но я уверен, что близко к нам Тайная канцелярия ещё не подобралась.

Манс качает головой:

— Ничего, господин. Но вы приказали незамедлительно докладывать обо всём странном, что касается княжны Исидары. Больше двух часов назад княжна тайком покинула дом и отправи-

лась в сторону набережной.

Княжна что? Воистину дикая кошка.

Центр безопасен, но почему набережная? Что она вообще творит?

— И? — поторапливаю я.

— На Заречном мосту княжна пыталась скрыться от патруля. Не имея чётких указаний, но учитывая, что вы взяли княжну под личное покровительство, “хвост” принял решение помочь.

Когда это я брал княжну под личное покровительство? Ничего подобного. Просто помощь ей не требует значительных усилий и прекрасно согласуется с моими интересами…

— Верно, одобряю.

— “Хвост” пошумел, увёл патруль, но княжна скрылась, вероятно, в одном из домов ближайших улиц.

Она с ума сошла?!

Зачем она полезла к Рею Лотту? Если она решила поговорить с ним по душам и воззвать к совести, я расстроюсь. В любом случае кошечку надо спасать.

Я не помню, как я оделся. Я осознаю себя уже в седле, галопом мчащимся по спящему проспекту и запоздало понимаю, что в моём порыве нет никакого смысла. Мне было достаточно прика-

зать. Зачем же самому? Но я лишь пришпориваю Грома.

Свита безнадёжно отстаёт, я вырываюсь далеко вперёд.

Вовремя.

Я чудом успеваю выхватить княжну из зубов кадарской гончей. Точнее, смеска. Насколько тварь смертоносная, настолько же и предсказуемая. Если знать под каким углом и в какую точку ударить… Даже жаль, что в темноте княжна вряд ли оценит мой совершенный выпад.

Исидара доверчиво прижимается ко мне, и я вдруг оказываюсь совершенно беспомощным перед её слезами. Я знаю, что честным будет её оттолкнуть, поступить жёстко, даже жестоко. У девочек есть дурная привычка влюбляться в спасителей, а я бы не хотел разбить Исидаре сердце. В конце концов, я её враг и прямо сейчас, и в будущем. Я тот, кто приведёт в Вадор имперских солдат. Если Кокберги уцелеют до начала войны, то её отец и брат будут сражаться против меня. Возможно, на поле боя я даже убью одного из них. Исидару следует оттолкнуть, но она так дрожит, что я не нахожу в себе сил.

Конечно, я отвезу её домой. Куда я денусь?

Незаметно для Иси, я даю подчинённым знак

забрать гончую. Чуть позже я подумаю, стоит ли предъявлять её Великому князю. Я даже не солгу, сказав, что ночью в Заречном квартале на меня было совершено нападение. Или стоит подбросить горничную на ступени резиденции кого-то из князей? Правильно организованный скандал сыграет мне на руку.

Кадарские твари не животные, хотя по незнанию кадарскую гончую легко спутать с охотничьей собакой. Выведенные при храме Песчаного Кадора, они по своей сути кровожадная нежить, чудовища. Официально держать их запрещено…

Я не удивлён, что Рей Лотт связан с песчаниками, но я не ожидал, песчаники не просто просочились в Вадор, но и чувствуют себя здесь почти как дома. Ценная информация, очень ценная.

Оказывается, времени меньше, чем я полагал. Планы придётся форсировать.

Империя начинает войну.

— Я залезла через окно на первом этаже, оно было приоткрыто. Папки лежали в кабинете, как я и ожидала. В одной из них мои письма, — отвечает Исидара на мой вопрос.

Звучит почти складно.

— Княжна, вы мне лжёте, — улыбаюсь я.

— Совсем нет.

— В вашей истории, княжна, слишком много везения. Вам повезло наткнуться на открытое окно, вам повезло в двухэтажном особняке отыскать кабинет, а в кабинете — письма. Кстати, откуда взялись другие папки? Может быть, вы откуда-то знали, в какой стопке ваша корреспонденция, поэтому схватили её целиком? Ах, вам повезло уйти победительницей.

Княжну снова передёргивает.

Я понимаю, что она на грани второго витка истерики. Я мог бы многое вытащить из неё, но…

Что-то случилось между ней и Реем в доме? Если это то, о чём я думаю… Я оценивающе прохожусь взглядом по её одежде, всматриваюсь в лицо. Выглядит обычно. Видимо, Иси сумела сбежать до того, как страшное произошло. Это радует, но совершенно не имеет значения — я понимаю, что так или иначе, но очень скоро убью Рея Лотта. Я позволю ему вкусить позора и поражения, а затем уничтожу начисто.

Резко сменив тему, я рассказываю княжне какую-то чушь про то, как правильно ходить в авантюры, как готовиться к вылазкам и сколько путей отступления продумывать — не меньше трёх. Хей, ей следовало вооружиться, прежде,

чем идти!

— Следующий раз я позову вас, господин посол, — хмыкает она и одной фразой заставляет замолчать.

Я ей что, мелкий подельник?!

Но я не против. Пусть лучше зовёт меня, чем идёт, как сейчас, в одиночку.

Я останавливаю Грома:

— Прибыли, княжна.

— Спасибо, господин посол, — Иси приобретает сходство с домашней мурлыкой, но тотчас рушит мираж. — Будьте добры, мои папки?

— Не письма? — уточняю я.

Забирать их и тем более читать я не собирался, обойдусь без пары литров чужого сладкого сиропа обернувшегося горькой микстурой. Но папки…

— Как насчёт того, чтобы полистать вместе? Мне нужны только те бумаги, которые касаются нашей семьи.

— Вы… приглашаете меня, Исидара?

Её глаза распахиваются, она беспомощно оглядывается на чёрные прямоугольники окон. А затем на лице проступает смесь фамильного упрямства и решительности:

— Приглашаю.

Ха…

И что я должен делать? С Исидарой я почему-то теряюсь. Не настолько, чтобы это стало проблемой, но всё же. Вздохнув, я принимаю приглашение — мне есть, что ей сказать, и разговор отнюдь не для улицы.

Через спящий дом Исидара приводит меня прямиком в свой будуар, причём проделывает это с такой естественностью и простотой, что я снова теряюсь. Эй, ей известно что такое стыдливость перед посторонним мужчиной? Или разгадка в том, что она как раз видит во мне защитника, но не мужчину?

Загорается тусклый свет ночника.

Я кладу стопку на столик, открываю верхнюю папку. Иси не проявляет ни малейшего интереса, и она права. В папке всего лишь договор долгосрочной аренды, регистрационное свидетельство из налоговой инспекции, банковская выписка. Исидара выхватывает одну из нижних папок, достаёт пачку писем, бегло проверяет. Даже на расстоянии я ощущаю приторный парфюм, пропитавший дорогую бумагу.

— Мои письма, — коротко поясняет Иси и безжалостно бросает в камин.

Взметнувшись, пламя жадно набрасывается

на угощение.

— Сжигать надо по одному, чтобы быть уверенной, что ни клочка не осталось.

— Я учту, — Иси берёт из угла кочергу и ворошит угли.

Я открываю следующую папку.

— Ого, вам везёт, княжна. Здесь отчёты вашей горничной за последние два, нет, три месяца.

Кивнув, Иси подаёт мне чистый лист и писчие принадлежности:

— Господин посол, вас не затруднит написать анонимку? Я бы сама, но боюсь, что не смогу достаточно изменить почерк. Отчёты доставил некий доброжелатель, предпочитающий сохранить инкогнито. Кто-то из слуг Рея, например?

— Вполне. Кстати, здесь отчёты не только от горничной.

Я бы мог отдать компромат на служанку и скрыть на всех остальных и таким образом получить в доме князя глаза и уши, но я позволю князю увидеть, насколько плохи дела в его доме. Я не жду чуда прозрения, но по крайней мере рассчитываю, что он сможет вычистить своё окружение.

— Кадорская гончая, да? — внезапно спрашивает Иси.

Вздрогнув, я ставлю на будущей анонимке уродливую кляксу.

— Да, — отрицать бесполезно.

— Рей грозился заставить меня выпить ритуальное Вино послушания. Это значит, что где-то в столице есть действующий храм Песчаного Кадора?

Капли чернил дождём барабанят по бумаге.

Я чувствую, как меня бросает в холодный пот. Если княжна собирается сказать то, что я думаю… Я не хочу этого слышать. Есть вещи, которые никогда не должны быть произнесены вслух.

— Княжна, — я тщетно пытаюсь её остановить.

— Раньше я не придавала значения открытию новых храмов, посвящённых чужим богам. Говорили, что таким образом Вадор, отрезанный от континента империей, привлекает иностранцев, что это часть гостеприимства, но… С одной стороны чужих храмов слишком много, а с другой стороны, жрицы Белой богини постепенно лишаются государственной поддержки. Если соотнести изменения с приходом к власти боковой линии, лишённой дара…

— Иси, — перебиваю я. — Некоторых вещей лучше не касаться.

Она беззаботно отмахивается от меня как от

букашки и продолжает прежним спокойным тоном:

— Последний Великий князь предал Белую богиню, так? Он решил, что Песчаный Кадор даст ему больше? Теперь понятно, зачем ему уничтожать наши семьи. Не удивительно, что Белая богиня наказала предателя бесплодием.

Поразительно: каких-то два часа назад Исидара поступила, мягко говоря, очень опрометчиво, но теперь она делает верные выводы из пары случайных оговорок. Катастрофический просчёт и исключительная проницательность — сочетание несочетаемого.

— Забудь. Не лезь в это.

Мне хочется схватить её за плечи и хорошенько встряхнуть, вдолбить немного разума. Если Иси… полезет, я едва ли смогу её спасти.

Почему я думаю о её спасении? Она ведь аристократка противостоящего империи княжества… Но аристократка полезная и интересная.

В отличии от Вадора, в империи нет государственной религии, к какому богу обращаться и обращаться ли, каждый решает для себя, в том числе у нас почитают и Белую богиню, однако есть исключения. Культ Песчаного Кадора строжайше запрещён — там, где он побеждает,

плодородная земля в течение года превращается в мёртвую пустыню.

Утверждение, что империя хочет вернуть Вадор ложно. То есть… Хочет, конечно, но за века существования Великого княжества мы не предприняли ни одной попытки захвата. Как бы мне не нравилось, я признаю, что существование княжества справедливо: империя не смогла защитить полуостров, фактически, отказалась от него, отдав на оккупацию нежити. Дарен Вадор полуостров освободил, он же его и получил. Разумеется, справедливость не повод отказываться от “возвращения исконных территорий”, но империя не ссорится с богами, пока это не Песчаный Кадор. Война, которая развернётся на полуострове, будет не против Вадора, а против… песчаников.

И я думаю Иси немного ошиблась — бесплодие последнего Великого князя не наказание Белой богини, а цена, которую Великий князь заплатил за покровительство Кадора. Хотел бы я знать, чем именно Кадор соблазнил этого идиота, пожертвовавшего самим существованием целого рода и полуостровом в придачу.

— Почему? — Иси склоняет голову к плечу, на её губах играет лукавая улыбка.

Не похоже, что она спрашивает всерьёз, скорее хочет заставить меня объяснять и без того очевидные вещи.

Что же, она сама напросилась:

— Напоить Вином подчинения — самое безобидное, что могут сделать песчаники.

Она мрачнеет, была бы настоящей кошкой — свернулась бы клубком и ещё хвостом прикрылась.

А слежку за Иси придётся усилить…

Исидара тяжело вздыхает:

— Папа не поверит.

— Определённо, — соглашаюсь я.

На миг Иси кажется снова беззащитной, хрупкой.

Меня буквально пронзает чувством острой неправильности происходящего. Защищать семью должен глава этой семьи, а не девушка, вчерашняя девочка, которую никто не учил быть защитницей. У Исидары даже магии нет. Будь у неё, например, огонь, как у её брата, она бы мигом спалила и гончую, и Рея, и всех песчаников разом.

— Мне нужна горничная вместо Лали. Вы могли бы порекомендовать мне надёжную девушку. Желательно, не столько горничную, сколько…

телохранительницу?

Пфф!

— Княжна, вы осознаёте, что горничная, которую я порекомендую, будет моим человеком?

Опять эта странная двойственность: позаботиться о своей безопасности правильно, но менять одну шпионку на другую?!

Княжна снова удивляет:

— Господин посол, вы в Заречье случайно прогуливались? Вы появились настолько вовремя.... Ваш человек выдал себя, когда шумел в районе моста. Я благодарна вам, хотя и понимаю, что вы следили не ради моего спасения, а из корыстных побуждений и в конечном итоге получили выгоду. Мне нужна горничная, которой я смогу доверять, как вам, господин посол. Если наши с вами пути разойдутся, я её уволю.

“Если”? Когда...

— Приглашаете лису сторожить цыплят? — хмыкаю я.

— Кто сказал, что горничная со стороны не будет шпионкой принцессы или что-то вроде того? Имперцы надёжнее.

— Будет вам горничная, — твёрдо обещаю я.

Она угадала, я действительно собирался подослать доверенную телохранительницу, ничего

плохого, если я сделаю это открыто.

Княжна благодарно кивает, откидывается на спинку кресла. Заметно, что Иси держалась ради разговора, но сейчас, когда она получила всё, что хотела, усталость берёт своё. Исидара широко зевает, небрежно прикрыв рот ладонью.

По-домашнему расслабленная, Иси кажется ещё красивее. Свет ночника падает на левую половину лица и делает Иси похожей на фею. Я смотрю на засыпающую девушку и с трудом стряхиваю наваждение.

— Хей, — если ей позволить, Исидара проведёт ночь в кресле. Хотя какая ночь? За окном уже светает.

— М-м-м?

Тьфу.

Я подхватываю её на руки, и Иси тотчас устраивает голову у меня на плече. Это безобразие никуда не годится. Я переношу Исидару в спальню, опускаю на кровать:

— Раздевать тебя я точно не буду.

Она открывает глаза, во взгляд возвращается осмысленность:

— Господин посол, вы…

— Иси, — перебиваю я. — Чтобы в будущем между нами не возникло недоразумений, чтобы

не было ложных надежд и мечтаний, пожалуйста, постарайтесь осознать, что я помогаю вам не потому что вы мне симпатичны, а потому что вижу в этом выгоду для империи. Хотя я помогу вам, в будущем мы будем по разные стороны фронта. Не вздумайте влюбиться, хорошо?

Я ухожу не дожидаясь ответа.

Настроение, ещё недавно хорошее, портится.

Выбравшись из дома Кокбергов я глубоко вдыхаю предрассветную прохладу. За правым плечом неслышно возникает Манс. Я оглядываюсь на особняк и отдаю Мансу часть папок, те, что я не стал оставлять княжне.

Не дождавшись моего внимания, позабытый Гром сам бодает меня в плечо. Я послушно несколько раз провожу по его морде, чешу лоб. Задерживаться у резиденции Кокбергов не стоит, я даю знак всем, кроме “хвоста” отступать.

— В “Вегу”, — решаю я.

Это Иси может позволить себе сладкий сон до обеда, а у меня начинается работа.

Следует выпить заваренный Мансом кофе и тщательно продумать, как с наибольшей выгодой использовать гончую. Я склоняюсь к мысли, что подбросить мёртвую тварь князю Шерсу наиболее перспективная ставка. Я надеюсь, он

сумеет сделать правильные выводы.

Выходка княжны принесла мне удачу…

Я в последний раз оглядываюсь на особняк и зачем-то вслух повторяю:

— Только не влюбляйтесь.

Глава 7

Проснувшись будто вынырнув из мути тяжёлого сна, я обнаруживаю, что день давно перевалил за половину. Я… чувствую себя разбитой, оглушённой и одновременно освобождённой. Мне кажется, вопреки разуму глубоко в душе какой-то осколок моей веры в Рея ещё саднил. Иначе почему я больше боялась того, что Рей сделает с письмами, чем того, что он может сделать со мной? Но вчера остатки чувств были выкорчеваны.

Это так прекрасно! Разгорающаяся в душе радость согревает изнутри, проступает на лице блаженной улыбкой. Я сладко тянусь… и понимаю, что на мне до сих пор мой тёмно-синий охотничий костюм, лишь верх снят — я нахожу его на ощупь под одеялом — блузка не тронута.

Права ли я, что безоглядно доверилась императу? Но кому мне доверять, если не ему? Он видит положение вещей ясно, знает больше меня, и у нас общий враг — песчаники не позволят княже-

ским семьям существовать.

Ночью господин посол подтвердил, что Рей связался с культом Песчаного Кадора. И Рей, и наследный принц, вероятно, вся правящая семья.

Зачем…?

Мне не дано осознать, как можно променять Вадор на мнимое могущество.

— Госпожа, вы проснулись! — Лали, в щёлку приоткрытой створки выяснившая, что я уже не сплю, радостно впархивает. — Княгиня волнуется, что вы заболели, ведь вы не вышли к завтраку.

— Да…, — я натягиваю одеяло повыше. Нельзя, чтобы Лали увидела на мне охотничий костюм, и я отсылаю её с первым пришедшим на ум поручением. — Принеси мне кофе.

— Не чай, госпожа? Разве хорошо так часто пить напиток, модный в империи?

Раньше я находила её откровенную болтовню милой, считала свободные дружеские отношения правильными, а теперь… На самом деле, относись я к Лали, как к обычной наёмной горничной, без душевной теплоты, ничего бы не изменилось, просто было бы менее неприятно.

— Я буду кофе, — повторяю я.

Какая разница, узнает о моём новом пристра-

стии принцесса или даже сам Великий князь или нет? Куда опаснее, если Рей доложит о ночном происшествии, однако на этот счёт я спокойна. Господин посол уже показал свою дотошность, он не позволит Рею действовать.

Лали уходит, и я поспешно вскакиваю, скрываю следы ночной вылазки. К её возвращению я уже сижу за столиком, одетая в лёгкое дневное платье, благо с застёжкой могу справиться самостоятельно.

— Иси! — следом за Лали появляется мама, бросается ко мне и кладёт ладонь на лоб. — У тебя нет жара? Ты так долго не вставала, что я начала беспокоиться и уже собиралась послать за врачом.

— Ма-ма… Я в порядке. Мне плохо спалось, я уснула почти под утро, только и всего.

— Плохо спалось?

— Вы переживаете из-за господина Лотта? — влезает Лали.

Мама бросает на неё недовольный взгляд, но сдерживает раздражение. Снова это невмешательство в семейные дела…

— Нет, Лали. Я волнуюсь из-за тебя.

— Госпожа? — Лали великолепно изображает недоумение, но я смотрю внимательно, и вижу

скрытую под ним нервозность.

Нелегко быть шпионкой?

Я достаю пачку её отчётов, половину даю маме, несколько верхних листов разворачиваю текстом к Лали:

— Узнаёшь?

Лали вздрагивает, шумно втягивает воздух, её глаза широко распахиваются. Лали берёт себя в руки, но слишком поздно. Теперь, сколько бы она ни отрицала или ни врала, её реакция сказала всё за неё.

Вчитавшись, мама бледнеет. Я только на первый взгляд разделила пачку бумаг случайным образом. В отчёте, который у мамы первый, Лали подробно рассказывает, в каких именно выражениях она восхваляет господина Лотта, как пытается подбить меня на тайное свидание, во время которого меня можно скомпрометировать, как старается внести раскол между мной и родителями. И в каких выражениях отзывается о моём уме.

Насчёт ума я даже признаю её правоту.

Мама очень медленно откладывает отчёты и поворачивает голову к Лали.

Лали пятится.

— Госпожа, в-всё не т-так, — заикаясь, она

пытается оправдаться. — Я писала из лучших побуждений! Я хотела, чтобы госпожа Исидара была счастлива!

С той же пугающей медлительностью мама поднимается. Я никогда не видела маму в таком состоянии, как сейчас. Да мама в ярости!

Лали, прикрыв голову руками с визгом бросается прочь.

Вокруг мамы собирается призрачное сияние молочно-белого лунного света. Это не магия в чистом виде, сам по себе свет безвреден. Больше того, жрицы не обладают собственной силой за редчашим исключением. То, что делает мама называется… Белым благословением. Мама заимствует силу Белой богини и насылает на… жертву.

Коснувшись человека, лунный свет откроет и многократно усилит то, что человек прячет в самых глубоких закоулках своей души. Чистая душа обретёт счастье, её чистота засияет как бриллиант в лучах солнца, а нечистая совесть обернётся ночными кошмарами, человек будет страдать, пока искренне не раскается в своих преступлениях и таким образом не очистится от тьмы.

Лали выскакивает в коридор.

Свет гаснет, словно растворяется. Словно исчезает бесследно. Лали, прижавшись спиной к стене, недоверчиво оборачивается.

— Я действительно хотела, как лучше, — всхлипывает она.

Свет ослепительно вспыхивает. Кажется, что сама кожа Лали превратилась в его источник. Лали кричит, хотя ей не может быть больно. Белый свет быстро впитывается.

— У тебя есть полчаса, чтобы забрать документы и вещи, — объявляет мама в великолепной царственной манере, но тотчас оборачивается ко мне и переспрашивает полным сомнений тоном, тем самым всё портя. — Мы ведь не будем подавать в суд и требовать расследования, Иси?

Я невольно вздрагиваю.

Мне хватило расследования из прошлой жизни.

— Нет, конечно. Пусть уходит.

Если господин посол позволит.

Сумеет Лали сбежать и выжить или нет — это от и до её судьба. Я не собираюсь вмешиваться.

— Я хотела как лучше, — твердит она, размазывая слёзы по лицу.

Я отворачиваюсь.

— Ма-ам… Ты ведь можешь проверить подлин-

ность записок?

— Она призналась, — мама устало опускается в кресло.

Я знаю, что пропускать через себя силу богини очень тяжело, но:

— Мам, Лали не единственная предательница. Посмотри, что я вчера получила, — я протягиваю компромат на других слуг.

Мама, хмурясь, бегло просматривает.

— Иси, я поговорю с князем.

О?!

Не “спрошу, что делать”, а “поговорю”?! Белая богиня, слава тебе!

Мама уходит, только юбки плеснули кружевом. Я провожаю её взглядом и тоже поднимаюсь.

И кофе, и завтрак забыты. Пить то, что принесла Лали, я не собираюсь — не из опасений, просто брезгливо. Завтрак ждал полдня и ещё подождёт.

Пора наконец сделать то, что я давно хочу — спуститься к родовому артефакту.

Вчерашняя сосущая пустота исчезла без следа, я чувствую в себе силы вернуться на час или два, но при этом знаю, что ничего не получится — нет нужных эмоций. Однако я уверена, что в случае реальной угрозы, я справлюсь.

Я уверена, что в этот раз артефакт отреагирует.

Я спускаюсь по крутым ступеням винтовой лестницы. Артефакт хранится не в доме, а, фактически, под домом, гораздо ниже фундамента — в древней шахте из многотонных гранитных блоков. Столица Вадора выросла на руинах города, разрушенного нежитью то ли первой, то ли второй волны. Империя бросила полуостров после четвёртой.

Огонь светильника пляшет на стенах, я веду пальцами по шероховатой поверхности грубо отёсанного камня. Воздух становится спёртым, дышать тяжелее — шахта не проветривается.

К низу спуск расширяется, между витками появляется пространство. Я добираюсь до дна. Артефакт — меч, которым сражался наш легендарный предок Аарон Кокберг — вмурован в стеклянный куб, снаружи куба выступает только чёрная рукоять, скупо украшенная гравировкой.

Я видела, как это происходило у папы и брата: стоит кому-то из них сжать рукоять, как лезвие наливается светом, а затем на гранях куба расцветают картины. У брата в кубе бушует огненный смерч, у папы приходят тени сражённых предками чудовищ.

Когда я сжала рукоять в день своего шестнадцатилетия, ничего не произошло, лезвие не

засветилось, даже самого тусклого светлячка не вспыхнуло.

Но сейчас…

Ладонь стала слегка влажной, пальцы подрагивают. Что покажет мне куб? Я вытягиваю из потайного кармашка шёлковый платок, провожу по коже. Я готова? Не знаю… Но мне очень нужно получить доказательство. По крайней мере я смогу рассказать родителям часть, касающуюся Рея… В его вину они поверят сразу и безоговорочно. Но мне придётся тщательно подбирать слова, чтобы убедить папу молчать, потому что первое, что папа захочет сделать — это предупредить Великого князя и наследного принца. Нельзя допускать.

Я сжимаю рукоять, и артефакт отзывается теплом в отличии от прошлого раза, когда рукоять осталась холодной. Я вглядываюсь в стекло. Образы, которые в нём появляются, рождает свет меча, но… света по-прежнему нет.

Я сжимаю крепче, жду.

Что за ерунда?! Я точно знаю, что обладаю даром, я вернулась во времени дважды, могу снова. Однако меч молчит.

— Почему? — я спрашиваю вслух, как будто меч мог бы ответить.

И папа, и брат уверяли, что ничего не требуется

делать специально — только коснуться. Даже обхватывать рукоять не обязательно — это скорее жест уважения. Возможно, со мной иначе? Я сосредотачиваюсь на внутренних ощущениях, пытаюсь пробудить магию. Нет, я не собираюсь в прошлое, я всего лишь хочу, чтобы лезвие, наконец, вспыхнуло.

Слышатся тяжёлый шаг. Кажется, увлёкшись переживаниями, я пропустила, что уже не одна.

— Иси? — окликает меня брат.

— Кей?

Брат, остановившись на пятой ступени снизу, легко спрыгивает вниз.

Сейчас я ему покажу!

— Иси, я думал, что ты не переживаешь из-за магии… Прости.

Не знаю, извиняется он за то, что не понял меня или за то, что сам родился с даром. В любом случае абсурд. Хотя мне было неприятно прославиться бездарной, именно к магии я действительно оставалась равнодушной. Зачем мне тот же огонь? Я никогда не мечтала о подвигах на поле боя. Папин преемник Кей, продолжить род Кокбергов предстоит брату. Я мне предстояло выйти замуж, покинуть семью. У моих детей дара в любом случае не было бы.

— Нет, Кей. Мне просто захотелось проверить, — поясняю я. — Вот!

Мне удаётся поймать нужную эмоцию. Мне даже мерещится, что меч, который я всё ещё сжимаю за рукоять, помогает. И магия отзывается.

Слабый свет появляется на долю мгновения.

Брат исчезает раньше, чем успевает отреагировать. Свет тоже исчезает, зато внутри снова образуется сосущая пустота.

Слышатся шаги.

— Иси? — брат спрыгивает вниз. — Я думал, что ты не переживаешь из-за магии… Прости.

Ха!

Мне хочется смеяться — истерично хохотать. Мой дар — потрясающая шутка.

— Кей, я просто подумала, что обрести магию было бы неплохо. Ты же слышал про мою горничную?

Я обнимаю брата, утыкаюсь ему в плечо. Он застывает столбом, а затем неловко обнимает в ответ.

Я же про себя вздыхаю — какое разочарование. Меч светился. Но он светился в будущем, которого больше нет. Я могу прийти сюда ещё хоть сотню тысяч раз, и меч будет светиться. Однако каждый раз меня будет отбрасывать в то недавнее время,

когда ещё ничего не происходило.

Видимо, поэтому нет ни одного упоминания об удачной второй проверке.

Проклятье, это действительно смешно!

— Слышал. Мама приказала собрать всех в танцевальном зале. Она собирается проверить слуг своими методами, а затем благословить наш дом. Никогда не видел маму такой деятельной.

— Она же на неделю сляжет!

Когда я надеялась, что она вмешается, я имела в виду, что она повлияет на папу, я совершенно не планировала, что мама будет выжигать себя, раз за разом обращаясь к силе Белой богини.

Я первой поднимаюсь. Кей не отстаёт, следует за мной на шаг позади.

— Папа в курсе?

— Папа ещё не вернулся, — отвечает Кей.

В подвале я возвращаю светильник в настенное крепление и мимоходом дёргаю за декоративную цепочку. Тайный люк в полу тотчас закрывается плитой, неотличимой от остальных плит пола. Не зная секрета цепочки, в шахту не попасть.

Мы выходим на первый этаж и почти сразу сталкиваемся с дворецким. Раз он здесь, значит, мамину проверку прошёл

— Госпожа Исидара! — дворецкий низко кла-

няется. — Около четверти часа назад маленький мальчик, не пожелавший представиться, доставил на ваше имя конверт. Желаете ли вы взглянуть, госпожа?

— Конверт? — подозрительно переспрашивает Кей.

На словах дворецкий служит всем членам семьи одинаково, но на деле прежде всего он служит папе, как истинному хозяину и, поскольку мама годами самоустранялась, Кею, как наследнику. Я в конце списка, и глупо ждать иного или обижаться.

Я забираю конверт.

— Спасибо.

Дворецкий тотчас протягивает мне нож для резки бумаги.

Услужливо? Как бы не так! Он провоцирует, чтобы я открыла письмо при Кее. Не только открыла, сколько позволила увидеть.

Отправитель на конверте не указан. Интересно, сообщение от господина имперского посла или от сеньора Поморро? Оба не доверили бы бумаге лишнего, но… А вдруг я ошиблась и письмо не от них?

Глава 8

“Ювелирный салон на Брегской улице рад сооб-

щить княжне Кокберг о поступлении опалового гарнитура”.

Я позволяю брату увидеть текст. Действительно, ничего лишнего.

Получается, сеньор Поморро не только выяснил, каким маршрутом я пришла в “Вегу”, но и узнал про продажу браслета, а теперь ненавязчиво намекает? Дотошный.

— Я взгляну, немного развеюсь, — легкомысленно махнув запиской, я киваю дворецкому, чтобы приказал подать экипаж.

— Иси, составить тебе компанию?

Брат!

Я стараюсь, чтобы испуг не отразился на лице и с прежней легкомысленной интонацией продолжаю:

— Спасибо, Кей, но идея, честно, скверная. Я собираюсь перемерить пару десятков пар серёг, столько же браслетов и обязательно ожерелья и колье, не забуду и про опаловый гарнитур. Ты веришь, что твоего терпения хватит, Кей?

— Почему бы просто не купить этот салон целиком? — вздыхает брат.

В чём-то я с ним даже согласна, но…

— Кей, потому что я не собираюсь покупать! Я собираюсь при-ме-рять, — со вкусом тяну я.

Брат смотрит с лёгким недоверием. Раньше я не увлекалась подобным времяпровождением. Но если я начну оправдываться или объяснять, вызову лишь подозрения.

Я насмешливо выгибаю бровь.

Кей сдаётся:

— Я останусь помогать папе.

— И присмотри за мамой, — искренне прошу я.

То, что я вот так уезжаю несколько некрасиво по отношению к родным, но я ведь не развлекаться еду… Кей провожает меня внимательным взглядом. К счастью, больше не препятствует. Отправит за мной слежку? Если да, то я в любом случае тихо улизну через чёрный ход.

Как изменился ход моих мыслей… Раньше мне бы и в голову не пришло думать о “хвосте”.

В ювелирном салоне меня, как оказывается, ждут — едва за мной закрывается входная дверь, из-за стойки витрины выскальзывает давешний мальчик, одетый, как я теперь подозреваю, в форму клерка. Зубасто улыбнувшись, он жестом приглашает меня следовать за ним и провожает в одну из задних комнат.

— Здесь? Не в “Веге”? — уточняю я.

— Прошу, госпожа, — мальчик не отвечает ни “да”, ни “нет”.

У меня нет причин сомневаться, кроме одной — я недавно отмотала время вспять. Случись что, я по-настоящему беззащитна. Может, не стоит?

— Смелее, княжна.

Я узнаю хриплый, искажённый голос сеньора Поморро, и отбросив сомнения, вхожу.

В небольшом помещении пара мягких кресел уютно обступают круглый столик на витой ножке. Столешница инкрустирована, и, наверное, при свете можно увидеть целую картину, однако комната нарочно затемнена, тяжёлые шторы плотно задёрнуты, добавлена драпировка, и полумрак скрадывает детали. Судя по интерьеру, комната, вероятно, как раз и обустроена в салоне для приватных встреч с особыми клиентами и торговыми партнёрами. Сеньор Поморро выбрался из логова ради меня или “Вега” и салон связаны?

Мой визави расположился в густых тенях. Складывается впечатление, что сеньор Поморро не расстаётся с сумраком и кофе.

Вторая чашка дожидается меня. На блюдце пара миниатюрных пышек безе.

— Ваша информация подтвердилась, княжна Исидара, — глава имперской гильдии заговаривает, как только я делаю первый глоток.

— Я не сомневалась.

Хотя сеньор Поморро больше не прячется за экраном и меня от него отделяет расстояние в шаг, я всё равно не могу рассмотреть его ясно из-за полумаски, скрывающей верхнюю половину лица. Жёсткий воротничок невесомого пальто из летней струящейся ткани высоко поднят и прикрывает щёки, подбородок.

— Документы здесь, — сеньор кладёт на стол папку.

Кисть стянута шёлковой перчаткой, непривычно чёрной — мужские бальные перчатки обычно белые.

Я не притрагиваюсь к бумагам:

— Вы смогли бы передать их газетчикам? Статья о бедном влюблённом рыцаре обещает стать сенсацией. Ах да, а господин Лотт… ещё жив?

В любом случае статья нужна — через неё я плесну чёрной краски не только на Рея, кляксами забрызгает и хвалившего Рея наследного принца.

— Пока ещё жив, болеет, — с готовностью отвечает сеньор.

— Пока?

— В ночь с завтрашнего дня на послезавтра господина Лотта… трагически не станет. Само-

убийство? Злые языки будут обвинять наследного принца в убийстве, — сеньор широко улыбается.

Я киваю.

Трудности у правящей семьи, пусть и мелкие — это прекрасно.

— Вы удовлетворены, княжна Исидара?

— Я хочу сделать запрос.

— О? Прошу.

Мне кажется, или сеньор Поморро стал ко мне благосклоннее?

— Мне нужно досье на одного человека. Настолько полное, насколько возможно.

— Легко. Кто вас заинтересовал, княжна?

— Таэльский посол, — я не собираюсь отпускать полезного имперца.

Когда Таэль присоединит Вадор, крепкие отношения с высокопоставленным доверенным лицом самого императора будут особенно полезны. Мне уже сейчас следует думать, как войти в высшее общество империи.

— Княжна? Что вас интересует? — чашка в его руке дрогнула. Правда, ни капли не пролилось. В тоне появились нотки враждебности.

— Досье, — повторяю я. — Хей, я не прошу что-то особенное. Корни, семейное происхождение, карьера. Женат ли?

Почему-то посол вздрагивает и уже даже не хрипящим, а сипящим голосом коротко отвечает:

— Холост.

Вообще-то, это последнее, что меня интересовало, но я не придираюсь. Я отчётливо понимаю, что и господин посол, и сеньор Поморро подданные империи. Вероятно, господин посол для сеньора Поморро непосредственный начальник, но я же не прошу выдавать мне государственные тайны.

— И-и-и?

— Ваш запрос… принят, княжна.

— Чудно! — я изображаю аплодисменты, но по-настоящему не хлопаю. — Благодарю вас.

Я одним глотком допиваю кофе и поднимаюсь.

— Не спешите, княжна.

— Да? — я послушно возвращаюсь в кресло.

Сеньор Поморро разворачивается на стуле и из-за портьеры достаёт кофейник, наполняет мою чашку до краёв, а затем… Он серьёзно?! Он добавил ликёр — комнату наполняет явный запах алкоголя.

— В империи это довольно популярный вечерний рецепт, княжна. Время вечер.

От пары капель ничего не случится.

— Вы пригласили меня ради кофе? — глупость какая.

Кажется, сеньор улыбается:

— Княжна? Вам не нравится рецепт или моё общество?

Сеньор не настаивает на ответе. На столешницу, хотя я не заказывала ничего, кроме информации, одна за другой ложатся две шкатулки. Я послушно открываю первую.

Внутри, на бархатке лежит — я не сомневаюсь, что это именно он — мой опаловый браслет.

— Как это понимать?

— Носите, не снимая, княжна. Браслет зачарован для вас.

Сеньор Поморро протягивает руку, шёлк его перчаток касается моего обнажённого запястья. Я думаю о чём угодно, кроме браслета. Например о том, каким было бы касание, если бы перчатка вдруг исчезла.

Щёлкает застёжка.

— С-спасибо.

— Княжна, постарайтесь провести завтрашний день дома. До меня дошли смутные слухи, что завтра во дворце прольётся кровь. Должна пострадать княжна, но я не знаю, из какого рода.

Я задумываюсь лишь на миг:

— Ярес. Определённо, под ударом княжна Ярес.

И я намерена вмешаться.

Утро начинается с кофе и “Светской хроники”.

Посвящённая Рею статья, как и в прошлый раз занимает центральное место, но если позавчера Рей был показан жестоко отвергнутым влюблённым рыцарем, то в этот раз его выставили лжецом и распутником, нацелившимся на деньги и силу князя Кокберг. Обозреватель не забыл упомянуть, что лицедейский чёрный гений господина Лотта оказался настолько велик, что даже наследный принц был введён в заблуждение.

В дверь раздаётся стук, и заходит одна из домашних служанок, заменяющая Лали. Официально я не назначала девочку личной горничной, хотя понимаю, что именно этого от меня ждут. Я же жду, кого мне порекомендует господин посол.

— Княжна, прибыло приглашение из дворца, — сообщает горничная.

— Я посмотрю.

Словно вариация утра позапрошлого дня — сообщение, само собой, прислала принцесса.

Прочитав статью о Рее, Габриэль не могла меня проигнорировать. Хах, ей придётся просить у меня прощения. Конечно, принцесса не будет извиняться по-настоящему, но будет вынуждена произнести несколько фраз в извиняющейся манере.

Я бы могла сослаться на нервное расстройство и отложить визит, но…

Я прислушиваюсь к себе. Пустота исчезла, напротив, меня переполняет сила, и при необходимости я вернусь даже на сутки. О том, что мой дар ограничен — я выскользнула из удушающих объятий петли, но едва ли смогу уйти от поцелуя клинка, ударившего под лопатку точно в сердце — я помню, но всё же дворец не то место, где мне стоит опасаться открытого нападения.

— Синее с белыми вставками платье подойдёт, — решаю я. Оно идеально, чтобы остаться в рамках предпочтительных для первой половины дня светлых тонов, но при этом подчеркнуть мою обиду и грусть.

— Да, госпожа.

Не торопясь, я допиваю кофе — у сеньора Поморро был вкуснее. Также не торопясь я завтракаю, собираюсь. Опаловый браслет слишком прост, чтобы надеть его во дворец, да и к платью не подходит.

Я выбираю комплект “Плачущее серебро” из второй подаренной сеньором Поморро шкатулки. Не слишком роскошный, зато сочетается с моей юностью. Кружево из цепочек и кварцевых капель не только защитит, но и при необходимости

выпустит до десятка убийственных молний.

— Госпожа, прикажете проводить вас? — заискивает горничная.

— Нет необходимости, — её всё равно во дворец не пропустят.

Крутанувшись перед зеркалом, я уточняю, подан ли экипаж и спускаюсь.

У самого выхода меня неожиданно перехватывает Кей:

— Иси, ты снова уезжаешь? — до недавнего времени я была домоседкой, в маму.

— Её высочество приглашает, — улыбаюсь я.

Брат хмурится:

— Её высочество поддерживала…, — он замолкает, не закончив фразу.

Кто бы осмелился обвинить принцессу открыто?

— Удивительно. что наследный принц не знал о сыне господина Лотта, а газетчики выяснили, — намёк настолько толстый, что его можно считать прямым текстом.

— Возможно, его высочество не придал значения? — и Кей тотчас находит принцу оправдание.

Надеюсь, брат хотя бы внутри себя задумается.

Кей провожает меня до экипажа, подаёт руку,

поддерживая на уступке и сам захлопывает за мной дверцу.

Экипаж трогается. На языке привкус разочарования. Я вздыхаю и задёргиваю шторку. Возможно, стоило быть чуть более откровенной? Но что я скажу? “Кей, артефакт показал, что я пустышка, однако на самом деле я вернулась из будущего, в котором ты умрёшь”. Я не получу ничего, кроме жалости и подозрений в помешательстве.

В любом случае брат будет против моих отношений с имперцами, а именно на империю я возлагаю свои надежды.

Как же, Вадор благословлён и нерушим, хах. Я чувствую, как губы начинают кривиться. Наверное, моё выражение лица сейчас точь-в-точь как у господина посла. Я стираю неправильную гримасу, как только экипаж приближается к дворцовым ворота.

С каким бы удовольствием я “обиделась” на принцессу и со скандалом испортила отношения, но…

Её высочество, фрейлины и несколько приглашённых леди уже расположились в беседке. Чаепитие, судя по тронутым десертам, началось не меньше получаса назад. Видимо, принцесса

нарочно указала для меня чуть более позднее время.

Среди гостий княжна Ярес.

Я исполняю реверанс:

— Ваше высочество.

— Исидара, почему так холодно? Вы сердитесь на меня? Что же, вы правы, княжна. Я верила в любовь и была обманута вместе с вами, — Габриэль выпячивает нижнюю губу будто маленькая девочка.

Ох, я могла бы устроить скандал, насладиться им, а затем обратить время вспять и поступить правильно.

Но дар дан мне богиней не для того, чтобы я отводила душу.

— Ваше высочество, о чём вы? — щёки грозят треснуть, настолько широко я улыбнулась. — Как я могу на вас сердиться, когда вы желали мне счастья! Я всегда была глубоко тронута вашей заботой, ваше высочество.

Одна из служанок подаёт мне чай, бисквит с жирным масляным кремом из-за избытка сахарной пудры похожий на сугроб.

— Княжна, это действительно жалко. Разочарование, с которым вы столкнулись… Я вам искренне сочувствую, — старшая фрейлина

принцессы одна из тех немногих леди, кто может позволить себе словесный яд в мой адрес.

— Леди Аль, — поворачиваюсь я к ней. — От разочарования меня уберегли родители. Настоящим разочарованием было бы узнать правду после брака.

— Верно, — подхватывает принцесса. — Нужно радоваться, что правда вскрылась вовремя. Ужасно, что господин Лотт лгал.

— Пусть это останется на его совести. Ваше высочество, леди, как насчёт того, чтобы больше не упоминать господина Лотта? Как мне кажется, он не заслуживает нашего внимания.

Леди вынуждены кивнуть:

— Да-да, княжна, вы правы.

Но леди Аль не успокаивается:

— Действительно, поговорим о приятном! Княжна Исидара, вы уже приготовили ленты?

Пфф!

Одна из традиций Великокняжеской охоты — рыцари обещают посвятить победу избранной леди, как когда-то Дарен Вадор и его рыцари посвятили свою победу Белой богине. Дикие звери олицетворяют чудовищ, захвативших полуостров, и участники соревнуются, кто добудет больше. Леди, если готова принять обещание,

повязывает рыцарю ленту со своей монограммой. Можно принять сколько угодно обещаний, пока твоё сердце свободно. Поскольку в высшем свете уверены, что я влюблена, никто не сделает мне предложения.

Остаться без рыцаря несколько… унизительно. Если среди охотников соревнование официальное, то среди леди — нет. Однако оно есть.

— Леди Аль, о чём вы? Кто бы стал беспокоить княжну Исидару без надежды на взаимность? — я получаю ещё одну порцию словесного яда, причём от княжны Ярес.

Я улыбаюсь:

— Возможно, я лично отправлюсь в лес.

— Исидара?!

Пожав плечами, я безразлично поясняю:

— Мне стоит развеяться.

Обмен уколами прерывает появление капитана гвардии в сопровождении двух офицеров.

Началось?

— Господа? — обращается к ним Габриэль. Ни за что бы не подумала, что её удивление притворство.

— Ваше высочество, прошу прощения за вторжение, однако дело безотлагательное. В Парадной портретной галерее найдена леди Сьюзан Парк.

Леди… убита.

Глава 9

Кажется, я ахаю вместе со всеми.

Меня потрясет не убийство как таковое, а безжалостность, с которой действует правящая семья. Разве мне не следовало бы уже привыкнуть? Я с трудом вспоминаю упомянутую леди. Миловидная шатенка, стеснявшаяся упругих кудряшек, доставшихся ей от бабушки-южанки имперского происхождения.

У отца леди Парк есть титул лорда и место архивариуса в одном из отделений налоговой инспекции. Он не маг, не богач, не имеет ни политического веса, ни связей, ни авторитета, но формально принадлежит к элите. Убийство леди считается более тяжким преступлением, нежели убийство аристократки без титула или тем более простолюдинки. Словом, лорд Парк отличный кандидат на роль отца жертвы.

Думаю, я разгадала план.

— Ч-что вы сказали? — принцесса показывает тревогу и сдержанность одновременно, она выглядит так, как и должна, наверное, выглядеть достойная юная принцесса.

— Леди Сьюзан Парк была убита, ваше высочество.

В беседке становится очень тихо, слышен шелест качаемой ветром листвы.

— Чудовищно! — восклицает Габриэль. — Кто мог совершить подобное? Капитан, вы… уверены в оценке? Видел ли леди врач?

— Врач был приглашён незамедлительно, ваше высочество. К моему глубокому сожалению, спасти леди Сьюзан Парк оказалось невозможно. Был использован сильнодействующий яд. Леди скончалась меньше, чем за минуту. Леди получила удар пока не установленным острым предметом в область шеи. Врач по характеру раны предполагает, что предмет может быть шилом или спицей.

Отчёт капитана выглядит крайне непрофессионально. А как же тайна следствия? Принцесса имеет право знать детали, но не её фрейлины и остальные леди, однако беседа идёт открыто, напоказ.

Это часть плана?

Думаю — да. Когда леди сложат выданные им факты воедино, потрясение, что убийство совершила княжна Ярес, затмит подозрительную работу гвардейцев.

Принцесса кончиками пальцев правой руки касается левой стороны, над сердцем:

— Капитан, я рассчитываю на вас. Преступник должен быть найден во что бы то ни стало в кратчайшие сроки. Действуйте. Леди, прошу прощения, но всем вам придётся задержаться и я прошу вас помочь, постараться вспомнить всё возможное. Любая мелочь может оказаться значительной.

Словно по волшебству из-за спины капитана выходит офицер с дощечкой, бумагой и перьевой ручкой, тотчас начинается опрос, и снова открыто. Леди отвечают едва ли не хором.

Поскольку я появилась последней, я могу молчать. Я слушаю и вскоре выделяю трёх фрейлин, среди них и леди Аль — девушки вбрасывают некоторые подробности, и с их подачи очень быстро начинает вырисовываться картинка: княжна Ярес прибыла одной из первых около часа назад и вскоре… отлучилась минут на двадцать.

Взгляды устремляются к княжне.

— Я получила записку от сестры моего жениха, — легкомысленно отвечает она.

Смотрю на неё и вижу собственное отражение из прошлой жизни — та же наивность, та же вера в правосудие, та же уверенность, что под ногами твёрдая земля, а не зыбучий песок.

— Княжна, — перебивает одна из младших фрейлин. — Где ваша восточная шпилька? Я видела её на вас утром.

— Разве леди Парк и княжна Ярес не ссорились накануне? — подхватывает другая.

— Что вы говорите? — теряется княжна Ярес.

Она хмурится, на щеках проступает гневный румянец, но опровергнуть завуалированные обвинения она не может.

Эх, она не лучше меня, всё ещё не осознала…

— Княжна Ярес, вы могли бы, пожалуйста, показать нам записку? — офицер сама деликатность.

Не важно, откажется она или согласится, оба варианта отвратительны. Ловушка захлопнулась час назад, когда княжна Ярес отлучилась.

Княжна медлит. На её месте я бы тоже не хотела показывать записку но под давлением обвиняющих взглядов я бы уступила. Открыв обтянутый кружевом клатч, княжна заглядывает внутрь.

— Ха… Должно быть, я обронила? Записку видела леди Аль.

Все оборачиваются к старшей фрейлине и, разумеется, она решительно отвергает:

— Нет, княжна. Я верю, что вы не виновны, однако в столь серьёзном деле я отказываюсь лгать.

— Леди Аль…

— Я ничего не видела, — решительно продолжает она. — Я видела, как вы ушли, упомянув некоторую встречу. Вы направлялись как раз в сторону Парадной галереи.

— Где ваша шпилька, княжна Ярес? — мягкость уходит из тона капитана.

Почему леди Ярес оглядывается на меня, словно ищет помощи?

Я молчу.

Шпильки нет.

Шпилька идеально подходит под описание орудия убийства. Я думаю, шпильку вскоре найдут, и найдут на её кончике яд.

Чудовищный спектакль продолжается — гвардеец приводит дворцовую горничную. Девушка трясётся от страха, едва переставляет ноги. Ступив под крышу беседки, она вдруг опускается на колени и пытается прикрыть голову руками, тихо плачет.

— Что это значит? — Габриэль берёт инициативу на себя.

— Говори, — гвардеец грубо встряхивает горничную за плечо.

— Смилуйтесь, ваше высочество!

— Сокрытие преступления является соучасти-

ем. Ты хочешь в тюрьму? Говори.

Оставаясь на коленях, горничная обхватывает себя руками, мотает головой. Чуть успокоившись, она находит взглядом княжну Ярес.

— Я видела, ваше высочество. Я шла в прачечную мимо Парадной галереи и через окно случайно увидела, как леди в персиковом наряде выхватила из пучка длинную острую заколку, ударила ею вторую леди в шею и быстро ушла, а вторая леди схватилась за шею, словно начала задыхаться и упала. Я побежала за помощью.

— Какая ложь! — княжна Ярес хлопает ладонью по столу.

Горничная вздрагивает, заливается слезами.

Сейчас найдут шпильку и… княжне конец.

Я вмешиваюсь:

— Офицер, свидетельница, которую вы привели, простолюдинка. Её слово против слова княжны Ярес… С каких пор леди может быть так легко обвинена?

— Что это значит, княжна Исидара? — принцесса спрашивает даже не холодно, а откровенно враждебно.

— Ваше высочество, если завтра в фонтане найдут утопленника, а случайная горничная обвинит вас, значит ли это, что её слова могут быть

восприняты всерьёз? Княжна Ярес прибыла одной из первых, ненадолго отлучилась и потеряла шпильку. Этого совершенно недостаточно для обвинений. Кто угодно мог подобрать потерянную шпильку и использовать для убийства. Девочка, — я поворачиваюсь к горничной, — сколько тебе заплатили за клевету?

— Княжна!

Я игнорирую леди Аль и обращаюсь к княжне Ярес:

— Что с вами произошло в действительности?

— Суду, естественно, будут предоставлены исчерпывающие доказательства, и только суд решит, достаточны они или нет, — перебивает принцесса, пожалуй, впервые показав мне свою властную сторону. — Леди, я рассчитываю, что вы останетесь во дворце.

Я с трудом удерживаюсь от брезгливой усмешки. То, что сейчас происходит…

Доказательств действительно недостаточно, чтобы запереть княжну Ярес в темницу, но принцесса нашла изящное решение. Не удивлюсь, если суд состоится уже утром — князю Яресу не дадут времени отреагировать.

Фрейлины кивают, хотя именно они и так живут во дворце. Распоряжение принцессы касается

прежде всего самой княжны Ярес и затрагивает меня.

Я выжидательно смотрю на княжну — я всё ещё жду ответ на свой вопрос, но она слишком потрясена, чтобы ответить мне. До неё очень не вовремя дошло, что фактически она уже не только обвинена, но и приговорена.

Больше не заботясь о впечатлении, которое я произвожу, я поднимаюсь:

— Вы позволите?

Офицер мешкает, и я аккуратно забираю у него чистый лист бумаги, ручку. Мне важно восстановить последовательность событий, и я начинаю писать по памяти, зачёркивая ошибки и дописывая верные детали. Леди Сьюзан Парк прибыла во дворец одной из первых и вскоре отлучилась, упомянув, что приглашена на приватную встречу некой титулованной особой, имя которой она отказалась называть. Что из этого правда? Вероятно, всё. Передать записку-приглашение не составит труда. Не исключено, что в записке подписалась сама Габриэль — сжечь клочок бумаги дело нескольких секунд.

Княжна Ярес, вероятно, также получила поддельную записку и не стала игнорировать сестру жениха. Встреча, конечно, не состоялась. За-

метила ли княжна, в какой момент исчезла её шпилька? Кто-то ловкий украл украшение…

Фарс, выданный за расследование я видела собственными глазами.

— Что вы пишете, княжна? — леди Аль бестактно заглядывает мне через плечо.

Пускай смотрит.

Я вернусь, и то, что происходит сейчас, будет стёрто, как карандашный черновой набросок.

— Вы решили, что вы следователь, княжна Исидара Кокберг?

Перечитав, я почти определилась, что именно буду делать. Главное, что теперь, выстроив схему, я смогу её повторить. Остался последний вопрос. Я комкаю лист и перебрасываю офицеру, он и капитан отвлекаются. Принцесса и фрейлины наблюдают за мной с возрастающим недоумением. Я же встаю перед княжной Ярес. Девушка моргает. Что же… Безболезненный, но обидный шлепок по щеке выводит её из ступора:

— Где вы были, княжна Ярес? Я пытаюсь вам помочь.

— В Белом эркере.

Отлично!

В Белом эркере, примыкающем к Парадной галерее установлена скульптура “Обретение ма-

гии”. Мама делает лучше…

— Княжна Исидара!

— Счастливо оставаться, — фыркаю я.

Моей клокочущей ненависти достаточно, чтобы магия вскипела в крови, и меня унесло в недавнее прошлое.

Я даже выбрала время и место.

И лишь ощутив магию, я понимаю, что упустила шанс высказать принцессе всё, что у меня накипело. Это не имеет практического смысла, ведь для принцессы всё сотрётся, но какое удовольствие я бы получила!

Сквозь грохот пульса в ушах до меня доносится низкий с будоражащей хрипотцой голос:

— Княжна, постарайтесь провести завтрашний день дома. До меня дошли смутные слухи, что завтра во дворце прольётся кровь. Должна пострадать княжна, но я не знаю, из какого рода. Исидара?! Вам плохо?!

Я пытаюсь отмахнуться.

И вдруг понимаю, что сеньор Поморро, спасая меня от падения на пол, успел обогнуть стол и поддерживает меня за плечи. Можно сказать, я лежу на его плече. Вместо естественного испуга в голову приходит ерунда — все имперцы пахнут кофе? Я могу сравнить только с господином по-

слом — очень похоже, скорее даже одинаково. И чувство защищённости тоже очень похожее.

Сеньор Поморро помогает мне сесть, резко отстраняется.

— Простите, что напугала. Головокружение. Ничего серьёзного. Сеньор Поморро, через вас можно передать сообщение господину послу?

Поддёрнув стойку воротника вверх, сеньор Поморро с непонятной поспешностью возвращается в тень.

— Возможно, леди, — отвечает он после некоторого размышления.

— Я думаю, империя заинтересована в расколе между Ярес и правящей семьёй? Завтра в Парадной галерее будет убита леди Сьюзан Парк. Орудие убийства — шпилька княжны Ярес с сильнодействующим ядом, нанесённым на кончик. Сама княжна будет находиться в Белом эркере.

— Ваша осведомлённость, Исидара, заставляет меня чувствовать себя слепцом. Ваш источник… Я помню, вы предложили мне выяснить самому. Мне бесконечно интересно говорить о вас, но давайте вернёмся к делу. Что вы хотите от господина посла?

— Ничего особенного. Я намерена тайно встретить княжну Ярес в эркере и пригласить на

балкон. Я надеюсь, что господин посол сможет привести с собой телохранителя, который защитит леди Парк. Желательно, чтобы княжна Ярес увидела собственными глазами, что её шпилька используется для убийства.

— Я вас понял, Исидара. Пожалуй, мне нравится ваша мысль, но она похожа на торт без крема. Добавим вкуса? Исидара, я дам вам артефакт, который газетчики используют для создания снимков.

Ха?!

— Шутите?! Как я пронесу такой кирпич?!

Видела я эти артефакты. Ужасно громоздкие штуковины.

Однако сеньор Поморро тонко усмехается:

— Исидара, не такой. У артефактов, которые в обиходе у газетчиков, в основе призма из льда, а я вам дам артефакт с призмой из…, — он щурится, словно смакует ответ.

— Из? — поторапливаю я.

— Бриллиант королевы Периан.

О?! Я помню! Уникальный бриллиант размером чуть ли не с куриное яйцо. Вероятно, я преувеличиваю, но говорят о нём именно так. Долгое время бриллиант оставался в частной коллекции, пока около года назад не был продан на аукцион-

ных торгах за баснословную сумму. Покупатель предпочёл остаться инкогнито, и я, как и многие, была уверена, что бриллиант перекочевал в сокровищницу к другому коллекционеру.

Признаться, я мечтала, что бриллиант королевы Периан украсит мою шею, но купить его значило бы для папы не только разориться, но и погрузиться в бездонную долговую яму.

И теперь бриллиант у меня, но в изуродованном виде!

— Оу, — я на миг зажмуриваюсь. — Он стоит как половина Вадора.

— Как два Вадора, — ухмыляется сеньор Поморро. — Иси, вы согласны сделать сенсацию?

Зачем спрашивать?

— Разумеется, да! Но… почему я, а не господин посол?

Сеньор Поморро подливает мне кофе, добавляет молока:

— По двум причинам, леди. Для начала балкон идеально подходит для снимка, послу незачем подниматься к вам. Но важнее другое. По снимку легко вычислить точку съёмки. Я устрою так, чтобы на балконе мелькнул человек, и все подозрения пали на него. Посол не может себе позволить оскандалиться в роли дешёвого пи-

саки.

Логично.

— Я сделаю, — твёрдо обещаю я.

— С вами приятно иметь дело, княжна.

— Взаимно, — делать гадости правящей семье вообще приятно.

— У вас сейчас очень злодейская улыбка, княжна. Вам идёт.

— Сеньор Поморро, вы умеете сделать по-настоящему сладкий комплимент.

Около часа мы обсуждаем детали. Я по памяти восстанавливаю план подставы и последующий следственный спектакль. Мы проговариваем несколько вариантов развития событий и моих действий.

Сеньор Поморро не менее дотошен, чем господин посол?

Я учусь пользоваться артефактом…

Домой я возвращаюсь измотанная, не высыпаюсь, и утро начинается по-новому, увы не с кофе.

Глава 10

Соскочив с кровати, я бросаю тревожный взгляд на часы — во дворец я должна прибыть на час раньше, и при этом ни с кем не столкнуться. Задача усложняется тем, что я поеду без пригласительной карточки. Вчера у меня её не проверяли,

но это ничего не значит, ведь гвардейцы знали, что приглашение у меня есть…

Я нервничаю. Не знаю, из-за чего больше — из-за страха ошибиться и не суметь разрушить планы правящей семьи, не суметь спасти леди Парк и княжну Ярес или из-за страха плохо выступить перед господином послом. Я умываюсь ледяной водой, выдыхаю — нельзя допустить, чтобы нервозность помешала мне действовать.

На звяканье колокольчика никто не приходит. Ну да, Лали больше нет. Назначением новой горничной я не интересовалась. Мама кого-то пришлёт? В прошлом варианте сегодняшнего утра служанка была не та же, что вечером… Я выхожу и ловлю первую попавшуюся — горничная с искренним на первый взгляд увлечением натирает воском паркет.

— Поторопись принести мне завтрак. И “Светскую хронику”.

— Вы так рано встали, госпожа?

Что за вопрос? И зачем смотреть на меня глазами дохлой рыбы? Зато понятно, почему девица натирает пол, а не занимается, например, постельным бельём или хрусталём — не доверили.

— Завтрак. Быстро.

— Госпожа… но что сказать повару пригото-

вить? Я же не знаю ваших вкусов.

Кажется, мама приняла девочку из жалости. За слабоумие.

— Госпожа, — раздаётся новый голос, — с вашего позволения, завтрак принесу я.

— Да.

Служанка с воском остаётся бессмысленно хлопать глазами.

Я возвращаюсь в свои комнаты. Сомнения успели развеяться без следа, и я сосредотачиваюсь на деле. Выбрать платье, как вчера, синее с белым? Вполне…

Горничная вносит поднос. Каша с сухофруктами, сыр. И чай, вместо кофе. Словом, совсем не то, что мне хотелось бы, но у меня нет времени, и я с аппетитом съедаю, благодарю служанку. Она оказывается куда более полезной и очень быстро собирает мне волосы в утреннюю причёску, помогает одеться. Даже то, что она мимоходом замечает, что насыщенный синий цвет не слишком подходящий для начала дня, не вызывает раздражения.

Если бы я не ждала рекомендаций господина посла, я бы оставила эту.

— Вы сегодня особенно красивая, госпожа Исидара!

Угу.

Пропустив комплимент, я сама надеваю гарнитур “Плачущее серебро”.

Быстрый взгляд в зеркало — готова?

— Экипаж подан? — уточняю я, хотя знаю, что нет, я ведь не упоминала, что он понадобится.

— Сию секунду! — горничная опрометью бросается прочь.

Я подхватываю журнал и кошусь на ползущую по циферблату часов минутную стрелку.

Время…

Обычно мы семьёй собираемся за столом утром, и то, что в последнее время я отделилась, не очень хорошо, но что я могу сделать? Папа привык вставать рано и до завтрака около часа работать в своём кабинете.

К счастью, сегодняшний день не отличается, я нахожу папу там, где и ожидаю, читающим “Деловой вестник”.

— Иси?

— Доброе утро, папочка! Ты видел? Это ужасно!

Папа откладывает газету и распахивает для меня объятия, нежно привлекает к себе, обнимает:

— Что случилось, Иси?

“Светскую хронику” папа не жалует, поэтому

секретарь вырезает из журнала все важные заметки, склеивает в единую длинную ленту, и папа бегло просматривает сообщения о помолвках, свадьбах, рождении детей, похоронах…

— Посмотри, — я раскрываю статью про Рея. — У него есть не только любовница, но и сын!

Кстати! Нет, это лишь догадка, но всё же… После нескольких месяцев брака я так и не забеременела. Зачем Рею признавать бастарда? Вспоминая его отношение к любовнице, он ущипнул её за бедро с такой силой, что женщина не удержалась от болезненного вскрика, я уверена, что он испытывает что угодно, кроме любви. Возможно, присоединившись к песчаникам, он потерял возможность иметь детей? Хах, не важно. Не имеет никакого значения, верна ли моя догадка.

Папа дочитывает статью.

— Этот слизень…

Журнал отлетает через всю столешницу и падает на пол. Папа кулаком ударяет по столу и начинает дымиться в буквальном смысле слова. Из небытия на зов его ярости идут тени чудовищ. Дым становится гуще.

Я щёлкаю указательным пальцем по сформировавшейся пепельно-серой змеиной голове, и тень лопается как мыльный пузырь. Папа, очнувшись,

замечает серо-чёрные стремительно темнеющие клубы. На его лице появляется смущённая улыбка. Тени развеиваются.

Обойдя стол, я присаживаюсь на подлокотник.

— Па-а-ап, прости, что я тебя не слушала? И спасибо.

Он успокоился. Внешне.

— Иси, ты расстроена, — он гладит меня по волосам, разрушая работу горничной. Ничего, в экипаже поправлю.

— Нет, пап, — качаю я головой и улыбаюсь. — На самом деле нет. Я рада, что узнала правду до того, как совершила непоправимую ошибку. Па-ап, сделай мне карточку? Я хочу поговорить с принцессой, — если папа сделает для меня пропуск, гвардейцы не смогут меня остановить.

— С её высочеством? Иси, это не очень хорошая идея. Вы подруги, но её высочество прежде всего принцесса, и своим приездом ты поставишь её в очень неловкое положение. Тебе следует дождаться приглашения.

— Па-ап, я не буду ставить её в неловкое положение. Наоборот, я уверена, что она будет переживать. Я попрошу не принимать близко к сердцу.

Реакция папы… неожиданная.

Между бровей прорезается складка, губы сжимаются в тонкую линию.

— Иси. Не следует, говоря о её высочестве, адресовать “она”, нужно говорить “принцесса” и никак иначе.

Пфф!

Но для виду я покаянно опускаю голову:

— Я буду внимательнее, прости. Карточку, пап?

— Исидара. Ты не услышала? Отправь письмо, но ты не можешь приехать без приглашения сегодня.

Карточки мне не видать.

— Убедил, — я чмокаю папу в щёку и выхожу из кабинета.

Обидно…

Приехать в последний момент в надежде, что приглашение уже отправлено и меня пропустят? По крайней мере я точно знаю, что не буду пытаться сделать — украсть папину печать.

Слетев по ступеням вниз, я выхожу на крыльцо. Экипаж уже подан.

Возможно, сообразительную девочку стоит назначить второй личной горничной в помощь к той, которую порекомендует посол? Той горничной я буду доверять с оговоркой, помня, что

прежде всего служит господину послу.

— Во дворец, — приказываю я, пока папа меня не остановил.

Извозчик неспешно захлопывает за мной дверцу, и я впиваюсь ногтями в обивку. Скорее же! Но вслух я не тороплю, не хочу вызвать подозрения. Извозчик трогает.

Дорога кажется бесконечной, мне мерещится погоня. Вполне в духе папы вскочить на лошадь и вернуть меня домой.

Хорошо бы показать папе покушение на леди Парк, но ведь всё равно не поверит в вину правящей семьи… Разве только что он не предпочёл мне принцессу?

Я ёрзаю, кусаю губы.

Я беру себя в руки только на территории дворца. Когда дверца открывается я обмахиваюсь "Светской хроникой" с видом, далёким от дружелюбия. Сомневаюсь, что гвардейцы читают журнал, но они не могут не знать о разразившемся после выхода статьи скандале.

— Княжна Исидара Кокберг, доброго утра, — обычно гвардейцы сразу же приглашали меня проходить, но не в этот раз.

Опустив журнал я сверлю офицера взглядом.

— Доброе утро, — и вынужденно после заминки

продолжаю. — Я приехала увидеть её высочество принцессу Габриэль.

Уверенный тон это половина успеха?

— Ваше приглашение, княжна? Нам не сообщали о вашем визите.

Приглашения нет…

А ведь я с такой непоколебимой уверенностью говорила сеньору Поморро, что войду во дворец, что он не стал заострять на этом внимания. Непреднамеренно я ввела сеньора в заблуждение.

— О? Я сказала ясно. Я прибыла увидеть её высочество. Если её высочество принцесса Габриэль не найдёт возможности уделить мне внимание, то это она откажет мне во встрече. Не вы.

— Однако, княжна…

Игнорируя гвардейца, я поднимаюсь во весь рост, благодаря разнице уровней пола экипажа и мостовой, я физически возвышаюсь над гвардейцами. Кто передо мной, не имеющий титула мелкий аристократ или даже выслужившийся простолюдин? Выходя из экипажа, я практически шагаю на стоящего передо мной офицера, и он невольно отступает, а я ещё и ударяю его свёрнутым в трубочку журналом.

— Может быть, вы посмеете остановить меня? — у меня действительно получается говорить

с таким брезгливым высокомерием, будто я убираю с дороги не человека, а таракана? — Я передам её высочеству, что гвардейцы считают, будто Вадор больше не нуждается в благословлённых богиней князьях. Наверное, этой новости особенно обрадуется господин таэльский посол. Ха!

Раньше я никогда не давила авторитетом предков, считала, что это ниже моего достоинства. Аристократы без чести, не имеющие ни ума, ни хотя бы манер, лишь хвастающиеся родословной, выглядят отвратительно и жалко. Но, надо признать, иногда быть наследницей легендарного Аарона Кокберга весьма полезно.

Иначе, наверное, я бы не прошла.

Гвардеец отступает, и я попадаю в холл, сразу же сворачиваю к Парадной галерее. Мне повезло, что гвардейцы не попытались навязать мне сопровождение. Мой тон отличался от привычного… Я почувствовала себя повелительницей? Глупости.

Я миную портреты Великих князей и невольно передёргиваюсь, словно они наблюдают за мной из своих тяжёлых бронзовых рам.

Время…

Достав круглые часы на золотой цепочке, я

отщёлкиваю крышку. То ли успеваю, то ли нет. Бездыханная леди Сьюзан Парк ещё не распростёрлась на холодных плитах мраморного пола, вероятно, она ещё жива. Её шагов тоже не слышно. Я прячу карманные часы и сворачиваю в противоположную от выхода в сад сторону — в Белый эркер.

Княжна Ярес тоже ещё не появилась.

Ужасно, если я опоздала или если убийство произойдёт не в Парадной галерее. Может быть, леди Парк убили где-то ещё, место преступления не меньшая ложь, чем свидетельство служанки?

Нет, вряд ли. Чем больше лжи, тем легче её обнаружить.

— Княжна Кокберг? Что вы…

Княжна Ярес.

Я успела.

Наши с княжной отношения нельзя назвать плохими, но и хорошими их не назвать. Они, стараниями принцессы, никакие.

Смогу ли я быть достаточно убедительной?

— Не я отправила вам записку, если вы об этом, княжна Ярес. Простите, я не стану говорить вам “доброе утро”, поскольку оно недоброе. Случайным образом я узнала о… неприятности, в которую вас пытаются втравить, и решила

вмешаться.

— О чём вы, княжна Кокберг? Какая неприятность, — она оглядывается, ждёт сестру жениха, именем которой была подписана записка. Я, по её мнению, досадная помеха.

Кажется, утащить княжну Ярес на балкон будет гораздо труднее, чем попасть во дворец без приглашения.

— Княжна Ярес, мы увиделись только сейчас. Я не могла бы знать заранее, какую причёску вы предпочтёте.

— О чём…

— Где ваша восточная шпилька, княжна Ярес? Вы знаете, что подобные шпильки восточные женщины, чтобы спастись от бесчестья, вонзают себе в шею?

— Что вы несёте?!

— Княжна Ярес, почему бы нам не подняться на балкон? Уверяю, вы сможете увидеть нечто занятное. Например, вашу шпильку в чужих руках…

Княжна Ярес замирает.

В прошлом, окажись я на её месте, я бы ничему не поверила, возмутилась и ушла. Но княжна Ярес отличается от меня. Наверное, в ней больше любопытства, меньше доверия дворцу. Она не уходит, вместо этого пристально всматривается

мне в лицо. Не знаю, что она пытается рассмотреть. По слухам у княжны дар, считающийся бесполезным — говорят, она способна чувствовать нежить, которая по официальной версии на полуострове искоренена.

Наверное, княжна почувствовала бы смеска Кадорской гончей? Или княжна способна чувствовать не только нежить, но и намерения людей?

Она проводит рукой по волосам.

— Вы говорите, мою шпильку… украли?

— Вместе с приглашением от сестры вашего жениха, княжна. Впрочем, я сомневаюсь, что записку написала действительно она.

Княжна открывает обтянутый кружевом клатч.

— Когда я шла сюда, я столкнулась с незнакомой леди… Балкон? Почему вы мне помогаете, княжна Кокберг?

Мы поднимаемся по винтовой лестнице, под ноги стелятся широкие ступени из белого мрамора, испещрённого уникальными голубыми прожилками. Не представляю, где был добыт дворцовый мрамор, но знаю, что больше нигде подобный камень использован не был.

— Почему? — переспрашиваю я. — Княжна

Ярес, вам не кажется, что мой несостоявшийся брак с господином Реем Лоттом очень похож на смертельную ловушку? Хотела бы я знать, был бунт Фитанов правдой или ложью.

— Вы говорите опасные вещи, княжна Кокберг.

— Да, княжна Ярес, но молчание… смертельно. Смотрите же.

Внизу, под балконом — нас с княжной прикрывает колонна — появляется… ещё одна княжна Ярес. Платье точь-в-точь, фигура, цвет волос, причёска. Я сразу же замечаю вычурную восточную шпильку с цветочным навершием из драгоценных камней.

Лица не видно, но я уверена, что определённой общее сходство присутствует.

Возможно, служанка и не лгала? Лишь обозналась?

— Разве это не вы, княжна Ярес? — на грани слышимости хмыкаю я.

Княжна Ярес стоит, стиснув перила, пальцы побелели.

Подделка внизу останавливается подле Дарена Вадера. Пожалуй, её выбор портрета символичный. Она застывает внизу, в проникающих из окна лучах солнца она кажется охваченной золотым сиянием.

Мы наблюдаем.

Не проходит и пяти минут, как снова слышатся шаги. Я не ошиблась, леди Сьюзан Парк именно такая, какой я её себе представляла — весёлые кудряшки, хрупкость, маленький рост. Лицо леди Парк ещё не утратило некоторой детскости. Заметив поддельную княжну, леди Парк останавливается.

Княжна Ярес резко оборачивается:

— Княжна Кокберг, мы будем просто смотреть?! — её яростный шёпот слишком громкий.

— Да. О юной леди есть, кому позаботиться. Можете считать меня жестокой за то, что я позволю леди Сьюзан приблизиться к смертельной опасности, но только неудавшееся покушение даст нам право говорить о преступлении. Прямо сейчас не происходит ничего страшного. Леди Сьюзан всего лишь увидела девушку, очень похожую на вас.

Подделка, не оборачиваясь, но окликает леди Сьюзан, приглашает подойти, и та послушно направляется к портрету Дарена Вадера. Господина посла в Парадной галерее всё ещё нет. “Оставьте это мне,” — сказал сеньор Поморро, имея в виду спасение леди Сьюзан.

Сказать, что я не нервничаю, будет ложью.

Просто ждать, наблюдая за разворачивающимся убийством, очень-очень страшно. Я хочу крикнуть, обозначить своё присутствие, и леди Сьюзан будет спасена.

— Княжна…, — голос княжны Ярес будто ломается, становится… жалобным?

— Смотрим.

Её пальцы ещё белее.

А я незаметно достаю данный мне сеньором Поморро артефакт.

Леди Сьюзан останавливается в шаге от подделки. Подделка выхватывает из волос шпильку.

Драма разворачивается прямо перед высоким стрельчатым окном, чудовищный спектакль для одного зрителя — горничной.

Никто так и не появляется, подделка замахивается для удара.

Глава 11

Княжна Ярес вскрикивает.

Шпилька, кажется, вонзается в шею леди Сьюзан. Я почти не осознавая, активирую артефакт и ловлю картинку.

Я не знаю как — за спиной подделки появляется господин посол. Движение слишком стремительное для человека. Слухи не врут, в империи живут не только люди? Императора шёпотом

называют… демоном.

Господин посол, как и обещал сеньор Поморро, перехватывает подделку за руку, останавливая удар в последнее мгновение.

— Кто?! — подделка позволяет шпильке выскользнуть из пальцев и тотчас с дивной ловкостью ловит свободной рукой, пытается ранить господина посла.

Я получаю второй потрясающий снимок.

Господин посол небрежно отбрасывает шпильку.

— Юная леди, вы не пострадали? — обращается он к леди Сьюзан Парк.

— Это не княжна Ярес, — невпопад отвечает леди Парк.

— Вот как? Что за чудесную шутку я увидел. Амбиции Великого князя простираются на полуостров, но способностей не хватает даже на дворец. Его величество император посмеётся. Стража!

Назвать гвардейцев стражами — оскорбление. Которое им придётся проглотить.

Я подхватываю княжну Ярес под руку:

— Леди Сьюзан Парк спасена, больше ничего интересного не предвидится, нам с вами пора.

— Княжна Кокберг?

— В наших свидетельских показаниях нет необходимости, слов господина посла и самой леди Сьюзан достаточно.

Снимки для газетчиков я, естественно, не упоминаю.

В “Светской хронике” — вероятно, не только в ней, но и в “Деловом вестнике”, и в других изданиях — выйдет потрясающая статья. Я думаю газетчик сеньора Поморро прямо напишет, что княжну Ярес пытались подставить. Журнал не позволит себе подозревать Великого князя в преступных действиях из-за кулис, но даже то, что преступники действовали во дворце плеснёт на репутацию Великого князя грязь. Что он за правитель, если не может уследить за собственным домом?

Мы выходим в сад. Я выбираю тропинку, на которой нас почти наверняка заметит горничная. Пусть все считают, что княжна Ярес не дошла до Белого эркера, столкнулась со мной, и некоторое время мы прогуливались по дорожкам сада, обсуждая Рея Лотта.

— Для всех, княжна Ярес, мы только о нём и говорили. Вы успокоили меня, чтобы я не испортила чаепитие.

— Да.

Сделав по саду немаленький крюк, мы вместе выходим к беседке.

— Княжна Ярес… и княжна Кокберг? — принцесса с трудом подавляет эмоции.

Я наслаждаюсь.

По её плану я должна появиться через час, точнее уже через полчаса. Одно моё появление всё портит, а ведь принцесса ещё не знает… Как удержаться и не злорадствовать открыто?

Убедившись, что мы не выглядим встревоженными, не говорим ни об убийстве, ни о покушении, ни о столкновении с подделкой, принцесса внешне успокаивается, зовёт нас к столу, и ожидаемо наши с княжной Ярес места оказываются порознь.

Я не возражаю, обмахиваюсь “Светской хроникой” вместо веера. Журнал привлекает взгляды, и опускаю его на стол обложкой к небу.

— Ваше высочество, я всегда чувствовала в вас надёжную подругу. Когда я узнала новости, я была настолько потрясена, что без раздумий отправилась к вам. Мне следует извиниться за свою порывистость, — объясняю я своё появление.

Принцесса улыбается:

— О чём вы, княжна Кокберг? Я верила в любовь, и это мне следует сожалеть перед вами.

Я рада, что вы всё ещё относитесь ко мне как к подруге и не вините.

Я качаю головой:

— Обвинять? В добрых намерениях? В том, что вы стояли на моей стороне и беспокоились о моём счастье? Как бы я могла, принцесса? Только вы и можете меня поддержать. Ах, на самом деле княжна Ярес случайно встретила меня по пути сюда и помогла успокоиться. Я действительно сожалею, что позволила чувствам захватить себя. Теперь, когда я здесь, мне гораздо легче. В конце концов, хотя я была обманута, я избежала роковой ошибки, и мне следует радоваться, поэтому давайте не будем о печальном? Леди, — я оборачиваюсь к фрейлинам и гостьям принцессы, — прошу прощения.

— Действительно, поговорим о приятном! — восклицает леди Аль. — Княжна Исидара, вы уже приготовили ленты?

Слово в слово…

Вторая порция словесного яда не заставляет себя ждать:

— Леди Аль, о чём вы? Кто бы стал беспокоить княжну Исидару без надежды на взаимность?

В прошлый раз княжна Ярес действительно пыталась меня уколоть, но в этот, скорее всего,

она пытается держаться привычной линии поведения и развеять опасения принцессы насчёт нашего внезапного сближения.

— Возможно, я лично отправлюсь в лес.

На Великокняжеской охоте будет убит господин таэльский посол. Естественно, я передам ему всё, что знаю о покушении, через сеньора Поморро. Не о чем волноваться, и сеньор, и господин посол примут меры.

Однако на душе не спокойно.

Не важно, поеду я или нет, мне стоит упомянуть об этом, чтобы моя вылазка в лес не показалась слишком уж необычной.

— Исидара?!

— Мне стоит развеяться, — хмыкаю я. Хороший повод, не так ли?

— Действительно…

Я знаком показываю служанке налить мне чаю и в дальнейшей беседе участия не принимаю. Я наблюдаю за принцессой. Забавно подмечать мелочи, выдающие её истинное состояние, которое она прячет за фасадом беззаботной доброжелательности.

Время бежит.

Капитан в сопровождении тех же офицеров, что и в прошлый раз, появляется гораздо позже.

Габриэль искусно изображает удивление. И я замечаю искреннее облегчение. Ха! Я прячу улыбку за чашкой.

— Господа? — спрашивает Габриэль.

— Ваше высочество, прошу прощения за вторжение, однако дело безотлагательное.

— Говорите, капитан.

Но капитан молчит.

Низко поклонившись, он подаёт принцессе записку.

Я продолжаю пить чай.

Габриэль меняется в лице. Поднявшись, она оборачивается к нам:

— Леди, прошу прощения, но я вынуждена вас покинуть.

Я слежу за реакцией фрейлин. Те же леди, которых я отметила в прошлый раз реагируют иначе, чем остальные. Я окончательно уверяюсь, что они ручные марионетки Габриэль. Их следует опасаться.

Леди Аль провожает принцессу встревоженным взглядом и вдруг переводит взгляд на меня. Вероятно, леди Аль гадает, моё непредвиденное появление в обществе княжны Ярес и срыв планов — совпадение или звенья одной цепи. Я вижу, как в её глазах разгорается подозрение. Но

что она сделает? Не ей меня допрашивать. Даже принцесса, с которой леди Аль непременно поделится подозрениями, лично не сможет получить от меня ответ.

Однако…

Две ловушки были разрушены, в “Светской хронике” дважды появятся статьи. И дважды я косвенно замешана, оба раза — с выгодой для себя и ущербом для правящей семьи. Великий князь неизбежно сделает верные выводы.

Пришло время действовать жёстче?

— Леди Аль, пожалуйста, передайте её высочеству мои извинения, — я поднимаюсь.

— Княжна Кокберг, её высочество может вернуться в любую минуту.

Сомневаюсь.

— Надеюсь, её высочество меня простит.

Не дожидаясь, пока леди Аль ещё что-нибудь скажет, я разворачиваюсь и ухожу. Я чувствую сверлящий взгляд в спину. Только смотреть она и может. Я про себя усмехаюсь, хотя не могу избавиться от смутного беспокойства, похожего на неудобство, причиняемое попавшей в стопу колючкой.

Откуда мне знать, что Великий князь не передумает и что целью по-прежнему будет господин

посол, а не мой брат, например?

— Ювелирный салон на Брегской улице, — приказываю я кучеру.

В “Веге” меня никто не встречает.

Знакомый старик погружён в сладкий сон, седая прядь, упавшая на лицо, взлетает и опускается в такт шумному дыханию. Откуда-то из-за конторки выглядывает мальчишка и, кивнув мне, удирает на второй этаж.

Я барабаню ногтями по столешнице. Надолго ожидание не затягивается. Ко мне спускается улыбчивый молодой человек по имени Манс.

— Кофе, княжна Кокберг? — он держит чашку. Я вдыхаю аромат.

Надо же… Хотя вот он, напиток, от самого Манса, как от господина посла или сеньора Поморро, кофе не пахнет.

— С удовольствием, — улыбаюсь я и забираю чашку. Пить прямо на ходу? Ла-а-адно. В чашке на молочной пенке кофе нарисована россыпь мелких цветков. Вкус совершенный. На миг я зажмуриваюсь, забыв обо всём не свете. По языку прокатывается сладость с лёгкой кислинкой и тает приятной горечью.

Манс провожает меня в знакомую пустую приёмную и сам занимает место за столом:

— Княжна Исидара, к сожалению, сеньор Поморро отбыл по делам и ещё не вернулся. Снимок получился?

— Да. Два.

Вчера сеньор Поморро сказал, что я могу отдать артефакт Мансу, с этим нет никаких проблем, но:

— Я бы хотела подождать.

— Хм? Княжна, пожалуйста, располагайтесь, вы желанная гостья “Веги”, однако я не представляю, когда вернётся сеньор Поморро и вернётся ли сегодня.

Мне казалось, что сеньор Поморро руководит из тени, как паук, сидит в тёмном углу второго этажа и плетёт свою паутину.

Я отдаю артефакт Мансу, чтобы как можно скорее пустить снимки в работу.

Прикидываю, что ждать не вариант. Дома предстоит неприятный разговор с папой…

— Я оставлю сообщение, — решаю я.

Манс кланяется и приносит бумагу, писчие принадлежности, новую порцию восхитительного кофе.

Первую записку я пишу отнюдь не для сеньора Поморро.

“Князь Ярес, приветствую. Полагаю, вам уже

известно, что ваша дочь едва не стала жертвой жестокой подставы. Нужно ли мне говорить, что приказ об уничтожении княжеских семей отдал нынешний Великий князь? Чудом не была уничтожена семья Кокберг, но чудеса, увы не любят повторяться. Очередная атака станет успешной. Я обращаюсь ко всем князьям и призываю вспомнить, что Дарен Вадор, капитан Лайз Фитан, рыцарь Аарон Кокберг, рыцарь Тамиран Ярес, рыцарь Бион Арден и рыцарь Вий Шерс сражались за освобождение полуострова от нежити. Прямые потомки благословлённых Белой богиней воинов стояли на защите благополучия княжества. Две линии уже оборвались. Должны ли князья Кокберг, Ярес, Арден и Шерс служить Великому княжеству или Разрушителю, занявшему трон? Князей разделяют. Так не пора ли объединиться?”

Я пишу аналогичные записки папе, князю Ардену и князю Шерсу.

Я надеюсь, что атака на княжну Ярес заставит их задуматься. Хоть кого-то. Папу… вряд ли.

Последнее сообщение я оставляю для сеньора Поморро. Я прошу его переписать и отправить мои записки адресатам. Я не возражаю, если он дополнит моё сообщение. Без его одобрения я не

решилась упоминать песчаников.

Я не питаю иллюзий. Присоединив Вадор, возможно, империя тоже захочет уничтожить княжеские семьи, но это будущее столкновение, не имеющее к сегодняшнему дню никакого отношения. Сейчас у нас общий враг — песчаники. И они во сто крат страшнее империи.

Возможно, сражаясь бок о бок с имперцами мы… найдём мирное решение? Наивно… С одной стороны. А с другой стороны, у нас есть благословение Белой богини.

— Как только сеньор Поморро вернётся, он увидит ваше сообщение, княжна Исидара.

— Благодарю.

Манс провожает меня в ювелирный салон, и мы коротко прощаемся.

Я возвращаюсь домой.

Не успеваю я войти, как дворекий приглашает меня кабинет князя. Поклон, вежливая интонация — придраться не к чему, но мне чудится ядовитая насмешка, словно старик рад, что меня ждёт выволочка, первая за два с лишним года.

Он вырос в нашем доме, нашей семье служил ещё его прапрадед. Он тот, в ком я бы никогда не усомнилась. Но…

Я нашла ещё одного предателя? Не хотелось

бы…

На втором этаже меня перехватывает брат:

— Иси, что происходит? Ты… поссорилась с её высочеством? Папа сказал, что ты говорила о принцессе непозволительно грубо. Папа очень зол, что ты поехала во дворец вопреки его прямому запрету.

— Её высочество сказала, что рада моему приезду, — слово “сказала” я выделяю интонацией.

— Иси?

— До встречи с принцессой я столкнулась с княжной Ярес, направлявшейся в Белый эркер. Княжна остановилась, чтобы поддержать меня. Я заметила, что её причёска не выглядит завершённой. Оказалось восточная шпилька, которая пугала меня своей остротой потерялась. Княжна вспомнила, что шпилька исчезла сразу после того, как в коридоре на княжну налетела незнакомая леди. В то время когда мы с княжной разговаривали, в Парадной галерее девушка, одетая точь-в-точь как княжна Ярес покушалась на убийство леди Сьюзан Парк. Чудо, что свидетелем оказался господин таэльский посол, ему удалось спасти леди Сьюзан. И это во дворце, на полуденном чаепитии у принцессы.

Я сказала достаточно — брат либо поймёт, либо

нет.

Я прохожу мимо, оставив Кея осознавать новость.

— Папа! — постучавшись, я вхожу, не дожидаясь приглашения. — Ты хотел меня видеть?

Широко улыбаясь, я закрываю за собой дверь, как ни в чём не бывало, сажусь в кресло и вольно закидываю ногу на ногу, хотя для леди сидеть подобным образом несколько… неприлично: непозволительно в обществе и нежелательно дома. Одна моя поза — вызов.

Папа выразительно морщится и отворачивается в сторону. Если бы он рассердился, мне было бы легче, но он говорит спокойно. Он явно очень расстроен и тяжело переживает:

— Дочь, ты разочаровываешь.

Я сажусь ровно.

Внезапно меня охватывает даже не страх, а чистый ужас. До меня в полной мере доходит, что, хотя я пытаюсь спасти свою семью, мы с папой… по разные стороны черты.

— А меня — ты, пап.

— Что?

Я повторяю для папы рассказ про утреннее скандальное происшествие, рассказываю гораздо подробнее, чем брату. Естественно, не всю прав-

ду. В моей истории спасение леди Сьюзан Парк остаётся случайностью. Я не упоминаю балкон, вру, что всё время мы прогуливались по саду.

— Её высочество подталкивала меня к Рею Лотту, её высочество организовала чаепитие, на котором разворачивалась убийственная подстава.

Я открыто обвиняю принцессу.

Я не верю, что будет хоть какой-то толк. Я смотрю на папу.

Он стискивает кулак и медленно поднимается из-за стола.

Глава 12

Дошло?

— Иси?! Как… Да как тебе в голову подобное ударило?! Как ты вообще можешь думать в подобном ключе о её высочестве Габриэль? В жилах её высочества кровь Вадор.

— И что, пап? — устало вздыхаю я. — Благословение Белой богини не помешало Фитанам поднять мятеж. Почему потомки Дарена Вадора должны отличаться, причём, боковая ветвь, седьмая вода на киселе?

— Исидара!

Кулак опускается на столешницу. Грохот громоподобный. Стол содрогается. Ручка катится и

падает на пол.

Я пожимаю плечами:

— Что не так?

— Честь превыше всего, Исидара. Кокберги служили роду Вадор задолго до обретения магии. Мы служили Вадорам во времена, когда полуостров был частью империи, и ничто не предвещало вторжения нежити. Глава рода Вадор наш сюзерен, и только так. Никакие домыслы не могут поколебать нашу верность.

Я отказываюсь принимать подобную чушь!

— Да… Пап, скажи… Просто представь на мгновение в качестве простой фантазии. Если Великий князь действительно решил уничтожить наш род, что бы ты делал? Что бы ты выбрал между преданностью и жизнями Кея, мамы, моей?

Проснись уже!

Папа отворачивается к окну.

Он стоит с гордо поднятой головой, плечи расправлены, руки заложены за спину. И молчит.

Неужели он готов меня услышать? Ему нужно время.

Я жду ответа, я готова ждать вечность, но…

— Исидара, ты ещё здесь? Иди, пожалуйста.

— Па-а?

Тишина…

Мне хочется кричать. Орать в голос, закатить истерику, реветь.

Слёзы душат. Я думала, что в своей слепоте мы с папой похожи, но сейчас мне начинает казаться, что даже увидь он меня в петле, он бы отказался прозревать. Поднявшись, я на мгновение замираю. Я всё ещё на что-то надеюсь. Надеюсь, что папа откликнется. Ноги словно свинцовые, каждый шаг даётся с болью, через силу.

Или… Папа ведь услышал меня! Он принял мою правду, согласился в глубине души, но честь для него превыше всего. Я должна уйти…

Я тяну на себя дверь.

— Честь превыше всего, — папа вторит моим мыслям. — Иси, я бы не смог выбрать. Но я не буду осуждать твой выбор, каким бы он ни был. Я готов уйти, чтобы не быть обузой.

Нет, это совсем не то, чего я добивалась! Не разговора о самоубийстве. Я бросаюсь к папе, висну у него на шее. Слёзы текут ручьём.

— Па-а…

— Прости, — шепчет он и гладит меня по волосам.

— Всё в порядке, пап. Тебе не нужно беспокоиться. На самом деле нам достаточно ждать, избегая ловушек. Кому действовать, найдётся и без нас.

— Я…

— Честное слово, всё в порядке.

Ничего не в порядке, я бессовестно лгу.

Но папа должен разобраться сам, что есть честь, а что есть верность. Да и мне стоит о многом подумать. Начать с имперского периода истории нашего рода. Кем были Вадоры? Кем мы? Мой учитель истории начал наши уроки с легенды об освобождении полуострова. Для Вадора это в порядке вещей, интерес к более древней истории не считается чем-то хорошим. Возможно, папа рассказывал что-то Кею, как своему наследнику, будущему преемнику, но не мне.

А ещё стоит подумать о том, что папа ведёт себя несколько странно. Не исключено, что он связан не столько внутренним пониманием чести, сколько клятвой?

— Скоро Великокняжеская охота, — меняю я тему. — Официальное приглашение ещё не приходило?

— Пока нет.

— Завтра я хочу съездить на примерку охотничьего костюма. Обещаю вести себя хорошо.

Папа кивает, но как-то безвольно, сломлено.

— Ты расскажешь мне? — снова перескакиваю я с темы на тему.

— О чём, дочка?

— Как Кокберги стали вассалами Вадоров.

Папа отводит взгляд:

— Ничего особенного, Иси. Всего лишь долг жизни. Однажды глава рода Вадор спас нашего предка.

С каких пор спасение одной жизни оплачивается веками службы? Что-то папа точно не договаривает, и я обязательно разберусь. Чуть позже. После завершения Великокняжеской охоты я озадачу сеньора Поморро. Как имперец, он может найти что-то со стороны Таэля.

Мы молчим. Не уверена, что папе уютно, и я снова пристаю с вопросом:

— Я отвлекаю тебя от работы, да?

— Иси, — папа целует меня в висок, — для тебя у меня всегда есть время, но ты права, есть документы, которые нужно разобрать. Я хочу закончить до Великокняжеской охоты.

— Помочь?

За свой короткий брак я кое-чему научилась. Папа с улыбкой качает головой:

— Спасибо, но с этим я ещё справляюсь.

Вроде бы шутка, но настолько невесёлая, что я с трудом натягиваю на лицо бессмысленную улыбку, и киваю. Задерживаться в кабинете при-

чин нет, и я ухожу со странной смесью лёгкости и горечи.

Кей ждёт меня в коридоре. Я притворяюсь огорчённой выговором, и брат с готовностью провожает меня в мои комнаты.

— Как мама? — спрашиваю я по пути.

— Спит. Врач считает, что мама довольно легко перенесла силу богини.

Навещу маму ближе к вечеру, когда она выйдет на террасу пить чай.

— Кей, мама проверила дворецкого?

— Нет. Он же…

— Проверь, — перебиваю я. — У меня нет ничего, кроме дурного предчувствия.

— Понял, сделаю.

Оставшись в одиночестве, я глубоко вдыхаю-выдыхаю. Хватит на сегодня эмоций. Устроившись за столом, остаток дня я посвящаю воспоминаниям, касающимся “Веги” — упоминавшиеся в протоколах имена, факты. В надежде найти зацепку я читала документы слепленного на папу дела очень внимательно, в память въелись целые отрывки из протоколов. Наверное, я бы восстановила текст слово в слово.

Я выуживаю из памяти всё, что знаю и составляю для сеньора Поморро симпатичный

отчёт-предостережение. Завтра же вручу, потому что “Вега” слишком полезна, чтобы её терять. Заодно узнаю, распространил ли сеньор Поморро мои анонимки.

Впрочем, узнавать не приходится. О появившейся таинственной записке мне следующим утром по большому секрету рассказывает Кей. Бросающаяся в глаза чёрная картонка с кроваво-красными буквами неизвестным образом появилась в запертом верхнем ящике папиного письменного стола.

Можно не сомневаться, что и остальные послания нашли адресатов.

— Папа передаст это в Тайную канцелярию.

— Разумеется, — киваю я.

Сеньор Поморро, естественно, предусмотрел, что о записках станет известно. Ничего страшного — текст по смыслу и содержанию всего лишь укороченная и более прямолинейная версия статей, вышедших в газетах.

Вероятно, все получатели доложат в Тайную канцелярию.

— Мне пора на примерку, — улыбаюсь я.

Мне пора узнать, как подействовали мои анонимки. Реакцию князя Ардена я узнаю прямо сейчас — по поведению княжны Арден при

непредвиденной встрече со мной в модном ателье “Рио”.

Глядя на охотничий костюм, я… не нахожу слов. Госпожа Риона, надо признать, великолепна, причём во всех смыслах. За то, что я вынудила её пошить для меня наряд в кратчайшие сроки, она по-своему отомстила, воспользовавшись моим разрешением творить, что душе угодно.

Костюм эффектный, как я и заказывала, но…

Обычно для охоты выбирают плотные ткани, сдержанные цвета тёмной гаммы. Густая синева или, например, насыщенная, но приглушённая зелень, горький шоколад… Светлые и яркие ткани слишком легко запачкать и из достойной леди превратиться в замарашку — природа любит брызнуть растительным соком, прилипнуть кружевом раскидистой паутины, зацепиться сухими листочками.

Костюм, сшитый госпожой Рионой, белоснежный с вызывающей алой отделкой. Крупные квадратные пуговицы тянутся в два ряда и гармонируют с геометрическим узором на рукавах и клиновидной вставке подола юбки-амазонки.

— Вы превзошли мои самые смелые ожидания, госпожа, — признаю я.

Пожалуй, я и дальше собираюсь одеваться в

“Рио”.

— Княжне нравится?

— Очень.

Мне нравится смелость наряда, но тревожит ассоциация с кровью.

Помощницы хозяйки провожают меня в примерочную, помогают переодеться и набрасываются с булавками, кусочками мыла, иголками, нитками. Хозяйка пристально наблюдает издали.

— Вам идёт, княжна Кокберг.

Словам, сказанным серьёзным тоном без тени лести, я доверяю.

Госпожа Риона жестом отгоняет помощниц, окидывает меня с ног до головы оценивающим взглядом и, как мне кажется, остаётся довольна своей работой. Она лично поправляет одну из мыльных чёрточек — будущую правку — и кивает.

Костюм можно снимать, но, заслышав шаги и смутно знакомый голос, я выхожу из примерочной к зеркалу.

И при виде своего отражения невольно произношу:

— Потрясающе…

— Княжна Кокберг? — я не ошиблась, княжна Арден здесь.

Удачно…

Я оборачиваюсь:

— Княжна Арден. Доброе утро, — я стараюсь держаться нейтрально-доброжелательно.

Но не княжна Арден:

— Пфф! Доброе.

Она хотела сказать “злое”?

У меня складывается впечатление, что княжна кипит негодованием, будто я не просто заказала наряд в том же ателье, где заказывает она, а увела костюм, который изначально шили для неё.

Может быть, мой наряд выигрышнее?

— Занятный выбор, княжна Кокберг. Однако позвольте заметить, что броский белый едва ли поможет вам получить хоть одно обещание, но обязательно привлечёт внимание, когда охота завершится.

Княжна пересекает зал и садится на диванчик. Помощницы госпожи Рионы торопливо сервируют на столике чай с пирожными. Княжна манерно подхватывает чашку и делает вид, что меня нет. Продолжать разговор она явно не намерена.

— Я с нетерпением жду увидеть ваш наряд, княжна Арден, — хмыкаю я.

Её отношение чётко показало, что моя аноним-

ка не произвела на князя никакого впечатления.

Жаль…

Я возвращаюсь в примерочную, снимаю костюм. Госпожа Риона предупреждает, что времени на переделку нет. Она лично доставит костюм вечером незадолго до заката. Я благодарю, прощаюсь. Княжне Арден просто киваю, и та отвечает таким же скупым кивком.

Ожидания не оправдались. Погрузившись в размышления, я почти не замечаю, как выхожу на улицу, как кучер распахивает для меня дверцу.

Меня занимает только один вопрос — что же мне делать? Я не могу просто положиться на империю… Господин посол будет помогать, пока я полезна. Он не будет спасать нашу семью просто так.

— Прикажете возвращаться, госпожа? — кучер возвращает меня к насущной действительности.

— В салон на Брегской, — отвечаю я, почти не задумываясь.

Неоправданно частые поездки в ювелирный салон скоро вызовут подозрение, но… я слишком хочу увидеть господина Поморро. Каких-то несколько встреч, а я ловлю себя на том, что скучаю без нашего общения и с нетерпением жду кофе с молочной пенкой и шоколадной

крошкой.

Еду я, разумеется, не ради кофе. Я везу с собой бумаги.

В “Веге” старик, как всегда, спит. Меня встречает Манс и сообщает, что сеньор Поморро уже ожидает меня. Странно…

— Сеньор знал, что я приду? — может быть, кто-то видел в окно, как я иду?

— Сеньор догадывался, — улыбается Манс.

Ждать и правда не приходится, сеньор встречает меня в сумрачной приёмной с неизменной чашечкой кофе в руках.

— Со сгущёнкой, — зачем-то поясняет он. — Я отправил…

— Знаю, — перебиваю я. — Не подействовало.

Я показала себя дурочкой, да? Обидно. Пожалуй, меня удручает не столько провал затеи, сколько то, что свидетелем провала стал сеньор.

— О? — хмыкает он.

— Вот, — я протягиваю свой отчёт-воспоминание со всеми сведениями, которые у меня есть по “Веге”. — Надеюсь, вам пригодится.

Он забирает бумаги, погружается в чтение, однако беседу не прерывает:

— Княжна Исидара, позвольте выразить вам мои соболезнования в связи с безвременной

трагичной кончиной вашего несостоявшегося жениха господина Рея Лотта. Его нашли в петле. Следователи предполагают самоубийство, однако следы сопротивления наводят на мысль об убийстве. Неужели наследный принц избавляется от пятна на репутации?

— Спасибо.

Сеньор улыбается.

— Ваши сведения, Исидара…

— Часть, вероятно, не полностью соответствует действительности, — очень многое изменилось, полагаться на знание разрушенного варианта будущего нельзя. Однако кое-что всё ещё полезно.

— Первой же страницы достаточно, чтобы я захотел вас убить, княжна.

Когда я утратила страх перед сеньором Поморро? Умом понимаю, что он хищник, в логово которого я залезла, но чувства говорят иное, и я улыбаюсь в ответ:

— Но вы не хотите, сеньор, верно?

— Планы снова придётся менять. Княжна, я вынужден вас оставить.

— Понимаю.

Сеньор Поморро не двигается с места, он продолжает внимательно читать. Я в два глотка допиваю свой кофе, поднимаюсь. Сеньор выгля-

дит настолько увлечённым, что отвлекать его — преступление. Я тихо говорю до свидания. Хотя сеньор никак не реагирует, я уверена, что он услышал.

Я покидаю “Вегу” и вспоминаю, что обещала папе быть хорошей девочкой:

— Домой, — приказываю я кучеру.

В экипаже я откидываюсь на спинку сиденья и прикрываю глаза. Чем ближе Великокняжеская охота, тем тревожнее на сердце. Это естественное волнение или дурное предчувствие?

На полпути к дому экипаж резко тормозит. Слышится лошадиное ржание, человеческий крик.

Глава 13

Что опять?! В случайность не верится.

Хотя меня тряхнуло, на сиденье я удержалась. В этот раз остановка мягче… Я открываю окошко, в поле зрения появляется спина кучера, и я привлекаю к себе внимание лёгким стуком костяшками пальцев по дереву.

— Госпожа, прошу прощения, — тотчас откликается кучер. — Какая-то неуклюжая краля шлепанулась под колёса и воет, вставать отказывается. Небось мошенница.

В боковое окно мне видно, что на тротуаре собираются зрители. То, как я отреагирую, очень

быстро станет сплетней, а наша семья не в том положении, чтобы игнорировать мнение простых горожан, поэтому отсиживаться в экипаже не вариант.

Я выхожу, мельком оглядываюсь.

Мы остановились посреди дороги. На мостовой, поджав ногу, сидит коренастая девица. Цветастое платье, коса-колосок и ожерелье из рыбьих костей выдают в ней представительницу малого народа приморцев, во время нашествия нежити отказавшихся отступать вглубь материка и построивших огромный плавучий город.

Подол приподнят, девица массирует босую стопу, ботинок отброшен в сторону.

— Ноженька, це-це. А-ай.

— Что случилось? — обращаюсь я к ней, выдавливая доброжелательность.

— О-ой, госпожа-а, простите! Я перебежать думала и споткну-у-улась. Це-це. Это всё я виновата-а-а!

Чем дольше смотрю, тем меньше верю.

— Тебе нужно к врачу, девочка, — с прежней сладостью продолжаю я.

— Це-це! — она бодро вскакивает и тихим шёпотом сообщает. — Госпожа, я ваша новая горничная от господина таэльского посла, как

вы просили.

Сюрприз…

Я невольно оцениваю девушку заново: крепкая, не фигуристая мягко-округлая, а рельефная тренированная. Передо мной телохранительница, которую я с нетерпением ждала.

Я верю, что она действительно от господина посла. Кто ещё мог знать о той просьбе? Никто.

Девушка с визгом и цеканьем валится обратно на мостовую.

— Тебе нужно к врачу, — повторяю я. — Я отвезу тебя и, не беспокойся, оплачу осмотр и лечение.

В глазах горожан я буду доброй княжной.

— Спаси-и-ибо, госпожа.

Кучер морщится, но не спорить не смеет и помогает девушке забраться в салон. Экипаж быстро трогается. Не дожидаясь, когда кучер изменит маршрут, я снова приоткрываю окошко и командую:

— Домой.

— Госпожа?!

— Домой, — я захлопываю перегородку и оборачиваюсь к девице, успевшей вольготно растянуться на моём месте. — Ты действительно приморка?

— Нет, княжна, я из империи. Приморкой была

моя бабушка.

Я киваю. На самом деле мне безразлично, откуда она.

— Как к тебе обращаться?

— Моораца, госпожа. Имя не слишком подходящее для горничной дочери князя.

— Мина? — предлагаю я.

В Вадоре, да и в империи, насколько я знаю, если на работу служанкой поступает девушка с неблагозвучным именем, то вместо настоящего ей дают временное. В некоторых домах и вовсе принято имя менять всегда — у той же княжны Арден личную горничную зовут Лили, девушки меняются, а имя остаётся.

— Лучше Лина или Рина, Дина, Нина, Тина…

— Лина, — соглашаюсь я. Я думала, что Моораца захочет сохранить первую “М”, но нет.

За разговором дорога проходит незаметно. Экипаж останавливается перед крыльцом, и навстречу выбегает утренняя горничная, приглянувшаяся мне сообразительностью и спокойным характером. Девочка бросает на Моорацу один единственный взгляд, и в её глазах вскипает ревность. Как она поняла…?

— Познакомься, — представляю я, — это Лина, которая станет моей личной горничной вместе с

тобой. Ты согласна… занять место, освободившееся после увольнения Лали?

Ревность сменяется радостью, граничащей с чистым восторгом:

— Благодарю за доверие, госпожа!

Пфф, доверия как раз ни капли.

Мы проходим в дом. Если честно, я очень смутно представляю, как убедить родителей и брата, что принять на работу случайную девицу с улицы отличная идея…

— Госпожа, пока вы отсутствовали, из дворца пришло официальное приглашение на Великокняжескую охоту. Выезд состоится завтра. Я взяла на себя смелость без разрешения начать паковать багаж.

— Хорошо, — улыбаюсь я. — Лина тебе поможет.

Остаток дня я посвящаю сборам.

Госпожа Риона с моим костюмом прибывает незадолго до ужина. Подогнанный наряд с первого раза садится на меня идеально. В кричащей белизне, окрашенной алым цветом свежей крови я уже сейчас, без причёски и макияжа, выгляжу… нереально. В зеркальном отражении я вижу не себя, а лунную фею-воительницу. Не хватает только серебряной шпаги и развевающихся на

ветру волос.

— Исидара?! — брат заглядывает, когда я кручусь перед зеркалом. С минуту Кей молчит и, кажется, не моргает. Опомнившись, он отводит взгляд и смущённо хмыкает. — Сестрёнка, завтра ты затмишь её высочество Габриэль.

То ли комплимент, то ли предостережение, то ли всё вместе.

Кей уходит, и я, не считая служанок, остаюсь наедине с госпожой Рионой.

— Княжна Исидара, — задумчиво тянет она, — простите за бестактность, но на вашем месте я бы подготовила не меньше десяти лент. Лучше — больше.

— Вы мне льстите, госпожа, причём виртуозно.

Некому давать мне обещание. Моё увлечение Реем Лоттом в свете мне простят нескоро, в лучшем случае, в следующем сезоне. Титулованные аристократы меня проигнорируют. а не титулованных, чтобы не выглядеть жалкой брошенкой, согласной на любого кавалера, проигнорирую я сама.

Разве что господин посол? Хотя он имперец, он приглашён, а значит, может принять участие.

Я надеюсь, под благовидным предлогом он просто откажется…

На его месте я бы воспользовалась шансом спровоцировать очередной скандал, обвинение в покушении на убийство — это очень серьёзно. Это повод для начала войны. Едва ли господин посол упустит свой шанс…

Мне снова неспокойно.

Все мои мысли занимает господин посол, и после ужина я беру нитки, иголки. Сердце стучит, на шёлке расцветают буквы “И” и “К”. Я фантазирую, как повяжу ленту на его руку. Несколько раз я останавливаюсь, откладываю вышивку. Принять обещание таэльца — скандал, который мне совершенно не нужен, но… Неужели я действительно приму обещание? Может быть, господину послу хватит такта не ставить меня в трудное положение? Если он не предложит мне принять обещание, я… расстроюсь? Почему я хочу, чтобы на его запястье обнимала моя лента?!

Белая богиня! Неужели я…?!

Глава 14

Шатры яркими кляксами забрызгали пологий склон холма. Вдали белеет купол храма Белой богини, и я направляюсь к нему, в противоположную сторону от взгорка, за которым тянется полоса дикого разнотравья, отделяющая от открытых просторов Великокняжеские лесные

угодья. Под ногами мелкие камешки, тропка заросла и едва угадывается. Я толком не понимаю, зачем иду в храм. Просить богиню помочь мне обрести ясность ума или в поисках душевного равновесия?

— Княжна Кокберг? — окликает меня леди Аль. — Составьте нам компанию за чашечкой чая?

Габриэль ещё не приехала, а леди Аль всего лишь старшая фрейлина — показательно, что она приглашает на чай, а не на чаепитие. И я, небрежно шевельнув кончиками пальцев, спокойно отвечаю:

— Я присоединюсь несколько позже.

Из столицы мы выехали на рассвете, ещё до восхода солнца. На место прибыли в районе десяти утра. У слуг есть неполные два часа, чтобы закончить обустраивать лагерь — охота будет открыта Великим князем ровно в полдень.

Многие леди предпочитают отдыхать, но не я.

Идти оказывается даже дальше, чем я ожидала, тропинка не тянется по прямой, а петляет меж холмов, но я не сворачиваю, и храм встречает меня запахом болота. Зрелище… неожиданное. Рукотворный пруд высох, лишь на дне стоит буро-зелёная, подёрнувшаяся ряской жижа. Из-под

каблука выпрыгивает толстая, размером с кулак, лягушка и с хлюпаньем ныряет.

Пройдя под аркой, я поражаюсь запущенности, царящей внутри. Я понимаю, что храм “оживает” лишь во время охоты, нет никакого смысла, чтобы жрецы находились в нём круглый год. Но почему накануне охоты храм не привели в порядок?! Почему-почему… Потому что песчаники… Я замечаю наметённый ветром природный мусор, под потолком заброшенное гнездо неведомой птицы, замечаю трещину в колонне, что совсем никуда не годится.

Немного постояв, но так и произнеся ни одной молитвы, ни вслух, ни мысленно, я разворачиваюсь и, не оглядываясь ухожу.

Храм не только произвёл на меня тягостное впечатление, но и озадачил. Если я промолчу, что храм в ужасном состоянии, будет странно. Однако меня заботит не храм. Наступил день, которого я боялась…

Вернувшись в лагерь, я застаю оживление.

Одним из последних прибыл господин таэльский посол. Я не представляю, где его багаж — экипажа не вижу. Господин посол спрыгивает с монстроузного коня, треплет по гриве, и конь в ответ ласково фыркает. Неужели это тот самый

конь? Ночью он не казался настолько огромным.

Забывшись, я приближаюсь. Хах, мне совершенно не следовало подходить.

Меня, к счастью, опережают.

— Господин посол, — к нему обращается эффектная брюнетка с ярко-голубыми глазами и пухлыми розовыми губами. Синий костюм идеально подобран под цвет глаз, а лёгкий макияж довершает образ роковой соблазнительницы.

Рядом с брюнеткой вьётся миловидная блондинка-куколка, даже для охоты выбравшая наряд светлых тонов. Очевидно, что удаляться от шатров блондинка не планирует. Или делает вид, что не планирует…

Обе девушки из нетитулованных аристократок. Я даже не вспомню их имена, зато в памяти отложилось, что они часто появляются вместе. Играют на контрасте?

— Хм? — господин посол не выглядит впечатлённым.

— Вы тоже принимаете участие в охоте? Позвольте пожелать вам успеха!

Не будучи представленной, обратиться к мужчине первой, причём к высокопоставленному имперцу — вопиющее нарушение этикета, однако именно на охоте подобные вольности

приемлемы. Про девушек скажут, что они смелые или даже дерзкие, особенно про брюнетку, как про зачинщицу, но не осудят.

Девушки, я подозреваю, видят в господине после шанс зацепиться за аристократа при деньгах и власти. Жёнами им не стать, содержанками — легко.

— Благодарю, леди.

Пфф!

Он ведь преднамеренно уколол.

— Не леди, господин посол, — вынуждена признать брюнетка. — Госпожа Таффа Кариос и моя лучшая подруга госпожа Иона Плесс.

— Господин посол, — вступает блондинка, — а я пожелаю, чтобы леди, которую вы загадали, сберегла ленту для вас.

— Иона, ты говоришь глупости. Какая леди откажет принять обещание?

Разве можно так напрашиваться, а? Девушки явно хотят, чтобы господин посол взял ленту у одной из них.

Им обещание точно не светит.

Я должна уйти…

— Сейчас проверим, — весело откликается господин посол.

И, обогнув девушек, направляется прямиком

ко мне.

— Княжна Кокберг, вы вернулись! — у леди Аль чутьё, она появляется в самый неподходящий момент.

Господин посол ни капли не смущается чужим вниманием.

— Княжна Исидара Кокберг, — его голос чуть более громкий, чем следовало бы, и на нас оборачиваются многие, слишком многие. — Позвольте…

— Господин посол? — игнорировать будет невежливо.

Белая богиня, как же я хочу…

Сердце стучит, дыхание перехватило. Я воспаряю к небесам от восторга и одновременно проваливаюсь в пропасть ужаса — слишком хорошо я понимаю, что делаю то, что не следует, но устоять перед соблазном сил нет, голос разума тонет в вихре чувств.

Господин посол тягуче-медленно преклоняет передо мной колено. В чёрном камзоле с мечом на боку, он словно вышел прямиком из легенды о Дарене Вадоре и его рыцарях. Меня хватает только на то, чтобы держать лицо. Плечи расправляются, но кончики пальцев подрагивают, выдавая моё истиное состояние. Господин посол

с прежней медлительностью прижимает правую руку к груди, склоняет голову, нарочно затягивает паузу. Пока обещание не прозвучало, я не могу отказать.

Но отказать после столь грандиозной просьбы… Я могу согласиться без ущерба для своей репутации!

Краем глаза я замечаю, что к нам устремляется Кей с крайне злым выражением лица. Господин посол, вероятно, тоже замечает:

— Княжна Исидара Кокберг, я обещаю победить для вас, — произносит он самую короткую из традиционных фраз.

Я вытягиваю из потайного кармашка ленту с монограмой — я всё же завершила вышивку.

Мне не нужно ничего говорить.

Господин посол протягивает мне левую руку. Правая по-прежнему прижата к груди. Манжет от движения чуть приподнимается. Перчатки господин посол почему-то выбрал короткие, и мне видна полоска тронутой загаром кожи.

Пальцы дрожат.

Я заворачиваю ленту вокруг запястья, хватает на полных четыре оборота — счастливое число. Бант получается излишне пышным. Я затягиваю узел — нет ничего хуже, развязавшейся ленты

— и хулиганю, напоследок мимолётно касаюсь обнажённой кожи.

Господин посол вздрагивает, поднимает голову и немного нарушает традицию:

— Благодарю вас, княжна Исидара Кокберг, — он медленно поднимается, кланяется мне и только потом отступает.

Мне показалось, или в его взгляде действительно мелькнула вина?

— Поверить не могу! — брат появляется рядом слишком поздно. — Господин посол вынудил тебя принять обещание! Иси, если бы он не был официальным представителем империи, я бы непременно вызвал его на дуэль!

Стоит ли признаваться, что я сама хотела принять приглашение? Уж точно не тогда, когда на нас смотрят все.

— Кей, — улыбаюсь я, — не стоит принимать близко к сердцу. Лучше скажи, почему ты до сих пор без ленты?

Брат краснеет и отворачивается.

Я про себя хмыкаю, пытаюсь найти взглядом господина таэльского посла, но он уже скрылся за шатрами.

Белая богиня, пусть он выживет! Молитва всё-таки приходит ко мне.

Я успокаиваю себя мыслью, что господин посол предупреждён. Уж он-то сможет о себе позаботиться. Надо успеть сказать про храм до того, как начнётся охота…

Я с сожалением отворачиваюсь и перевожу взгляд на леди Аль.

— Чаю? — повторно предлагает леди Аль.

В её голосе мне чудится нервозность. Наверное, я фантазирую.

— Храм Белой богини в ужасающем состоянии, — сообщаю я. — Зал запущен, забит сухой листвой, намытой дождём грязью. Как старшая фрейлина, надеюсь, вы примете меры, леди Аль. Больше ведь некому.

Леди Аль поджимает губы:

— Княжна Исидара, вы преувеличиваете мои возможности. Привести храм в порядок до начала охоты невозможно. Мне известно, что жрецы не были приглашены, не о чем беспокоиться.

Она хоть осознаёт, что именно она сказала? Она открыто показала пренебрежение. Оговорка или нет?

Я зло сощуриваюсь:

— Великокняжеская охота, леди Аль, прославляет освобождение полуострова от нежити. Разве это не означает, что взглянуть приглашена сама

Белая богиня?

Больше не тратя времени на пустые пререкания, я скрываюсь в своём шатре и зову обеих горничных. Не обязательно заниматься багажом прямо сейчас, успеется. Пусть лучше, насколько возможно, отмоют храм. Я понимаю, что их усилия мало что дадут, однако не могу остаться безучастной. Я бы и сама не побрезговала взять в руки веник, но не сейчас, накануне охоты, когда утробный гул труб оповещает о приближении Великокняжеского кортежа.

Дальше оставаться в шатре нельзя. Я присоединяюсь к сбившимся в толпу аристократам и кланяюсь проезжающим мимо каретам. Пожалуй, я впервые задумываюсь о том, что по логике сын Великого князя должен носить титул князя или княжича, но никак не наследного принца.

Впрочем, пусть хоть императором обзавётся, титул его не защитит.

Сколько времени осталось до таэльского вторжения?

Великий князь обращается с короткой приветственной речью. Я не особенно прислушиваюсь. Его речь я уже слышала не раз, она не меняется из года в год.

Солнце ползёт к зениту.

Мужчины расходятся готовиться к выезду. Дамы и юные особы сбиваются в стайки. Парнишка лет шестнадцати, краснея, даёт обещание княжне Ярес, и та небрежно повязывает ленту на запястье очередного кавалера.

— Княжне пришлось вышить больше двух десятков монограмм, — вздыхает леди Аль.

— Только у леди Ненис больше обещаний. Кто же из них получит победу? — подхватывает одна из младших фрейлин.

— Княжна Исидара, неужели вы повязали всего одну?

Я игнорирую фрейлину, но не могу проигнорировать принцессу.

— Княжна Исидара, вы не решились участвовать? — улыбается Габриэль.

— Как я могу, ваше высочество? Я уже приняла обещание.

— Имперца, — едко замечает леди Аль.

Я пожимаю плечами — оправдываться не собираюсь. Господин посол принял удар на себя, в глазах света я жертва его бестактности.

Леди не успокаиваются.

— Княжна, вы выбрали наряд лунного цвета. Так… дерзко.

В обычной жизни белый цвет можно носить

свободно, хоть и с некоторыми оговорками, но сегодня играют ассоциации. Мужчины дают обещания, представая в образе рыцарей, очистивших полуостров, а принимающие обещание девушки выступают в роли Белой богини. Нарядиться в белое… действительно дерзость.

Я улыбаюсь, принимаю укол как комплимент.

Солнце достигает зенита.

Трубный гул оглушает — охота открывается.

Великий князь и наследный принц, оба верхом, ослепляют золотым блеском парадных мундиров, но, как по мне, безнадёжно уступают сдержанному великолепию господина таэльского посла. Я буквально прилипаю взглядом к выглядывающему из-под манжета банту. Свист сливается с лаем собак, и мужчины устремляются к лесу.

Участвуют и папа, и брат. Я просила их быть осторожнее… Папа обещал не удаляться в лес и вернуться вслед за Великим князем после небольшой прогулки, а Кей всё же примет полноценное участие — на его запястье я заметила ленту.

Отказался бы он от участия, если бы я сказала правду? Сомневаюсь…

Я ограничилась тем, что шепнула, будто по большому секрету её высочество предупредила меня о выпущенных в лес диких крупных хищ-

никах, якобы, ради таэльского посла.

Настроение портится. Я успокаиваю себя тем, что чувствую в себе силу вернуться на сутки или двое. Мне хватит и меньшего срока, таким образом всё должно быть в порядке, верно?

Я устраиваюсь в тени навеса, принимаю от дворцовой служанки чай.

Говоря откровенно, охота — скучнейшая вещь, если только ты не мчишься на быстроногом коне, загоняя добычу. Великокняжеская охота ещё более скучна. Хотя когда-то мне нравилось…

Сплетни, словесный яд, игра в фанты…

Из леса возвращается Великий князь с первой добычей — матёрый волк, сражённый с одного удара. Естественно, волк добыт стараниями егерей, но кого это волнует? Великий князь уходит в свой шатёр.

Вскоре начинают возвращаться мужчины старшего возраста — кто-то с подстреленным зайцем и прочей мелкой дичью, кто и вовсе пустой. Мужчины составят компанию Великому князь и жёнам… Я чуть ли не каждую минуту поглядываю в сторону леса, пока не замечаю папу верхом на его рыжем Криге.

— Княжна Кокберг, неужели вы думаете, что господин посол вернётся одним из первых?

Подразумевается — без добычи.

— Я жду новостей и победы, — я отвечаю чистую правду.

Мне хочется убедиться, что папа в порядке, но я сдерживаюсь и остаюсь среди приближённых к Габриэль леди. За мной наблюдают не только фрейлины с леди Аль во главе, но и сама принцесса. Мне следует быть сдержаннее.

Игра в фанты сменяется игрой в бридж.

Слуги сообщают о достижениях охотников — докладывают ведущему учёт дичи распорядителю, и новости распространяются по лагерю, девушки подсчитывают трофеи.

Кей подстрелил фазана.

О господине после пока ни слова…

Лёгкий обед-пикник, прогулка по живописным окрестностям в противоположной от храма стороне. Я повторно упоминаю, что храм в ужасном состоянии. Габриэль обещает разобраться, но не похоже, что она собирается предпринять что бы то ни было всерьёз. Кто проверит? После завершения охоты доступ в Великокняжеские угодья будет закрыт.

После прогулки мы возвращаемся к шатрам, и Габриэль предлагает посоревноваться в сочинении посвящённых красотам природы

четверостиший.

Слуга докладывает, что Кей убил лису. Новость радует и не радует одновременно. Хорошо, что с братом всё в порядке, но я беспокоюсь, что он увлёкся и забрался слишком глубоко в лесные дебри.

Час спустя Кей прибавляет на свой счёт зайца.

Близится вечер, и мужчины, принявшие в охоте участие не как папа, а по-настоящему, начинают стекаться к лагерю. Скоро ужин — слуги уже готовят на вертеле дичь.

Наконец, Кей возвращается. Уже на обратном пути он добыл молодого волка и попал в десятку лучших. Результат достойный.

Возвращается наследный принц.

Когда начинает смеркаться, в лесу остаются только трое охотников. Среди них господин Таэльский посол.

— Нам следует отправить на поиски егерей? — спрашивает один из лордов у Великого князя.

Ужин вот-вот начнётся, я сижу, опираясь на подушку и жду, когда слуги начнут разносить блюда с приготовленной дичью. Естественно, моё место подле Габриэль неподалёку от Великого князя, и вопрос, заданный громким басом, я прекрасно слышу.

Я оборачиваюсь.

Я уже придумала — свою нервозность я объясню тем, что господин посол дал мне обещание.

— Солнце ещё не зашло, — отказывается Великий князь.

Почему…? Разве слишком поздно начатые поиски не дополнительный повод для обвинений? Зачем провоцировать империю?

Или Великий князь знает. что ничего не получилось? Господин посол знал о покушении, он не мог позволить убить себя.

— Княжна Исидара? — удивлённо окликает леди Аль.

— Возвращается!

— Господин таэльский посол…

Вместе со всеми я оборачиваюсь. От леса движется… Господин посол слишком далеко, чтобы видеть его ясно, но это, без сомнения, он. Вороной конь, красуясь, гарцует, всадник, облачённый в чёрный камзол сливается с конём в единое целое… Чуть позади четвёрка егереей на лошадях с заметным трудом тащит к лагерю что-то очень большое и непонятное.

Даже Великий князь поднимается, чтобы выйти навстречу.

Господин посол со свитой быстро приближа-

ется. Перед самым лагерем он замедляет коня, чтобы егеря могли его нагнать.

Тёмное и непонятное оказывается тушами. Ящероподобные покрытые костяными наростами тела, тупоносые скошенные морды с огромными пастями, короткие, но мощные лапы, опавшие, порванные кожистые складки крыльев, хвосты с шипами… Я впервые вижу виверн не на картинке.

— К юго-западу отсюда я нашёл гнездо, — небрежно поясняет господин посол, будто говорит не о вивернах, а о гадюках в лучшем случае.

Виверны не нежить в полном смысле слова, скорее переродившиеся рептилии — во времена господства чудовищ виверны чувствовали себя на полуострове вольготно и были уничтожены вместе с нежитью, поскольку опасность представляют не меньшую, а то и большую. Здесь, в Великокняжеских угодьях, им есть, где разгуляться и найти пропитание, не беспокоя людей, однако в какой-то момент молодые особи покинут родительское гнездо, и тогда начнётся кошмар, будут разорены деревни, города.

Я подхожу ближе. Самый крупный, больше лошади раза в два, самец. При нём две самки, чуть уступающие ему в габаритах. Четыре мелких

виверны и два яйца.

Даже одна виверна способна разорить город. Если бы их вырвалось сразу несколько…

Как господин посол мог с ними справиться?!

Он, хотя этого совершенно не требуется, подходит ко мне и вновь опускается на одно колено. Кроме него вообще никто этого не делал. Я снова оказываюсь в весьма провокационном положении, краем глаза замечаю, как Кей стискивает кулаки и хочет вмешаться.

— Княжна Исидара Кокберг, я посвящаю вам свою скромную победу, — он прижимает кулак к груди.

— Благодарю, — охрипшим голосом отвечаю я.

Под манжетом мелькает лента с бантом.

Господин посол поднимается и, поклонившись, уходит к ожидающим его свободным подушкам.

Туши виверн остаются выставленными на всеобщее обозрение — своеобразная пощёчина Великому князю, ведь официально считается, что Вадор очищен не только от нежити, но и от всех чудовищ. Великий князь громогласно приказывает начать расследование, кто-то тотчас предполагает, что яйца были доставлены контрабандистами с моря. Лично я уверена, что виверн выводили песчаники с одобрения Великого кня-

зя, но своё мнение я оставлю при себе.

Начинается праздничный ужин.

— Кажется, победитель определился, — хмыкаю я.

Лучший охотник определяется отнюдь не по количеству добычи, один матёрый волк “дороже” пятёрки зайцев.

Даже если завтра и послезавтра — обычно Великокняжеская охота длится три дня — господин посол ничего не добудет, он останется первым.

И я тоже. Потому что даже сотня добытых хищников не так ценна, как освобождение земли от настоящего чудовища.

— Не спешите, княжна Исидара, — предостерегает Габриэль.

Я послушно умолкаю, хотя улыбка то и дело пробивается, как я ни пытаюсь сдерживаться. Я, конечно, радуюсь не пустой победе в негласном состязании между юными леди, в которой к тому же нет ни капли моей заслуги, а тому факту, что господин посол уничтожил угрозу. Не пострадают простые люди — это само по себе прекрасно. Но лично я эгоистично счастлива, что господин посол справился. Полагаю, в моей первой жизни господин посол нарвался на виверн и, не будучи готовым, погиб. Но теперь всё изменилось. И не

без моего незримого участия.

— Господин посол, поздравляю!

— Да-да, поздравляем, господин посол, — наперебой восклицают подружки, давешние брюнетка и блондинка. Их имена, хотя я их слышала, вылетели из головы.

Интересно, они просто не очень умные или временное затмение разума? Даже я впечатлена, что господин посол, будучи государственным “умником”, показал себя выдающимся воином.

— Не стоит, леди, — отмахивается он.

Девушки вынуждены вновь поправлять его, что они не леди.

Великий князь поднимает в честь господина посла тост за тостом. Вино льётся, опустошается бочка за бочкой, и постепенно атмосфера ужина меняется. Старшие дамы начинают, ссылаясь на усталость, расходиться, уводя дочерей. Некоторые мужчины тоже откланиваются.

Среди тех, кто уходит — господин посол.

Я не могла бы с ним прогуляться, тем более в сгущающихся сумерках, но столкнуться, притворившись, что это случайность, и обменяться парой фраз этикет не запрещает. Он, легко поняв моё намерение, обращается ко мне первым, и в глазах высшего света я окончательно превраща-

юсь в жертву имперской бестактности.

— Княжна Исидара, надеюсь, я могу надеяться на вашу благосклонность.

Вот же!

— Господин посол, вы говорите нечто двусмысленное. Я поздравляю вас с блестящей охотой.

— Из шкур виверн получится отличный кожаный охотничий костюм для холодной осенней и зимней погоды. Жаль, что я не смогу увидеть, как он подчеркнёт вашу красоту.

— Разве Таэль собирается вас отозвать, господин посол? — не тогда, когда появилась информация о песчаниках!

Что за новости такие?!

— Простите, что вынужден вас расстроить, — он разводит руками и прощается коротким поклоном.

Я не могу понять, что мелькнуло в его глазах. Возможно, он сам пожелал вернуться? Далеко не всё можно доверить бумаге, а долг значит слишком многое… Да о чём я? Я действительно подумала, что нравлюсь ему как девушка? С чего бы мне ему нравиться? Он ясно сказал, что наши отношения изначально обречены, а теперь ещё нас ждёт скорое расставание.

Когда господин посол уедет, по крайней мере у

меня останется сеньор Поморро…

Я рано ложусь спать.

На природе сон сладок.

Утром я провожаю господина посла. Уверенная, что всё страшное позади, полдня я пребываю в приподнятом настроении, пока не возвращается сопровождавший господина посла егерь:

— Господин посол Таэля трагически погиб, разорван диким зверем.

Глава 15

Что?

Невозможно!

Господин посол знал об угрозе, господин посол уничтожил гнездо виверн. Как какой-то хищник мог… разорвать? Я мотаю головой, будто это поможет отогнать нарисованную воображением картинку. Может быть, это ошибка? Или егерь сообщил о смерти господина посла, следуя плану, не зная, что виверны уничтожены? Нет, абсурд.

Шум, гам.

Реальность будто мозаика рассыпается на фрагменты. Великий князь требует подробный доклад. Группа егерей спешно выезжает к месту трагедии. Леди Аль картинно промакивает уголок глаза шёлковым платком.

В себя меня приводит чьё-то едкое замечание:

— Вчера молодой князь Кокберг был зол на господина таэльского посла.

Они всерьёз вознамерились повесить убийство на брата?! Нет-нет. Я крепко зажмуриваюсь и выдыхаю. Надо успокоиться.

Почему я разволновалась? Прямо сейчас я могу стереть сегодняшний день как стирается ластиком карандашный набросок. Я вернусь назад и переделаю будущее, всё хорошо.

Но, прежде, чем возвращаться, мне следует не только взять себя в руки, но и дождаться полноценного отчёта — узнать, где произошло нападение, что показывают следы. Надо выяснить, кто был рядом, почему егерь оставил господина посла одного.

Я прислушиваюсь к себе — да, я могу вернуться.

Но я действительно не понимаю, как, зная об опасности, господин посол позволил себя убить. В голове не укладывается…

Охота прервана, трубят общий сбор, и участники охоты начинают стекаться к лагерю.

Час спустя на краю леса появляется процессия — егеря. Я поднимаюсь со своего места и присоединяюсь к немногочисленным встречающим, ловлю косые взгляды, но вслух никто меня не

одёргивает — не по статусу.

Кроме брата. Кей оказывается рядом и непреклонно заявляет:

— Иси, я провожу тебя в шатёр.

— Ты вернулся, — немного невпопад отвечаю я. Его мнение меня не волнует.

— Иси, сестрёнка, ты слышала, что я сказал? — брат берёт меня под локоть и пытается утащить.

Если он догадается воскликнуть, что я теряю сознание и подхватит на руки…

— Слышала, Кей, — я поворачиваюсь к брату и одновременно освобождаю руку от слабого захвата. — Господин посол дал мне обещание. Уйти неправильно.

— Иси! — он повышает голос, смотрит на меня как на сумасшедшую.

Игнорируя Кея, я устремляюсь навстречу процессии.

Господина посла приносят на носилках. Тонкое покрывало насквозь пропиталось кровью.

— Исидара, — рядом оказывается папа. — Кей прав, ты должна вернуться немедленно. Забудь о нём. Он имперец.

Да не мешайте же мне!

Я бросаюсь к носилкам, срываю покрывало. И окружающий мир будто исчезает. Я не слышу, не

вижу, как отреагировали зрители. Для меня существует только лежащий на носилках мужчина. На груди безобразные рваные раны, похожие на следы огромных когтей. Возможно, егерь не солгал. Левая нога неестественно вывернута. Лицо же залито до такой степени, что кровь ссохлась уродливой коростой.

И только моя лента по-прежнему обнимающая его запястье идеально белая.

В душе вскипает буря. Я почти неосознанно повторяю:

— Я не прощу, даже если мне придётся стать призраком, не прощу, не позволю.

Хотя умом я понимала, что увижу, зрелище потрясло, и магия захлёстывает меня. Я проваливаюсь и тотчас рывком сажусь, озираюсь. Белый марлевый полог от насекомых, купол шатра над головой. Получается, в вернулась на несколько часов назад.

Господин посол ещё жив…

— Госпожа, вы проснулись?

— Госпожа, вам приснился дурной сон?

Я провожу ладонью по лицу, сердце стучит.

— Да, приснился. Воды и… помогите мне собраться.

В “черновом” варианте сегодняшнего дня я

обменялась с господином послом парой ничего не значащих фраз. Я собираюсь воспользоваться утренней встречей по полной. Со слов егеря, господин посол выехал на Зайцеву поляну, увидел впереди виверну. Егерь заметил лишь мелькнувшую смутную тень. Господин посол рванул вверх по ручью. Лошадь егеря безнадёжно отстала… Егерь нашёл тело господина посла на правом берегу сразу за Лебяжьем мостиком, коня не было.

Отказавшись от завтрака, я тороплюсь выйти из шатра.

Разгорячённую кошмаром кожу приятно обдувает утренней прохладой. Я подставляю лицо ветерку. Восток только алеет, солнце встало, но его не видно за плотным пологом облаков. Я останавливаюсь на краю лагеря.

— Княжна? — окликают со спины.

Я узнаю голос — господин посол! Ему тоже не спится? Я поспешно оборачиваюсь. В отличии от меня он выглядит блестяще, губы кривятся в усмешке.

Я должна вести себя подобающе — я переживаю день начисто, и очень скоро поползут сплетни.

— Доброе утро, господин таэльский посол, — я приветствую его лёгким книксеном и подступаю почти вплотную.

— Исидара? — господин посол пытается разорвать дистанцию.

Я его останавливаю:

— Только что мне стало известно, что одна виверна уцелела, — предупреждаю я.

— Откуда?!

— Вас это волнует?! — поражаюсь я.

Он смотрит, молчание затягивается.

Не понимаю…

— Иси, вы сами сказали, что где-то в лесу затаилась разозлённая потерявшая гнездо виверна. Простите, но я невысокого мнения о вадорцах, позволившим вивернам расплодиться, причём ни где-то на отшибе, а в угодьях, принадлежащих Великому князю. Благополучие его подданных не моя забота, однако оставшаяся самка может отложить новые яйца, и новый выводок станет проблемой империи. С полуострова твари уйдут не в океан, Исидара, а вглубь континента.

Хм?

— Откуда вы знаете, что выжившая виверна самка?

— Из бестиария, княжна. Самцы не терпят конкурентов, упустить мелочь я не мог. Остаётся самка, причём матёрая, сумевшая затаиться так, что я её не заметил.

Я судорожно вздыхаю.

Он прав… Виверны слишком опасны, а Великий князь не только не будет их уничтожать, но и попытается защитить. Наверное, это и есть план — противопоставить империи не людей, а нежить?

Но мне что делать? Я не имею морального права останавливать господина посла, потому что виверна должна быть уничтожена. Если бы, например, я могла уничтожить тварь ценой своей жизни, я бы согласилась без колебаний.

Я до крови прокусываю губу, отступаю.

— Я слышала, что она крутится где-то у Заячьей поляны и вверх по ручью к Лебяжьему мостику.

— Ваша осведомлённость, Исидара…

— Постарайтесь выжить, господин посол.

Он не отвечает. Я тоже замолкаю. Что я могу? Пойти следом? А смысл? Господину послу придётся не только сражаться, но и думать о моей безопасности, я стану обузой, помехой.

Попросить отца или брата, обоих? Я не окончательно сошла с ума, чтобы подвергать их риску, тем более огонь против виверн бесполезен, а папины тени чудовищ… Я подозреваю, что тоже. Виверны славятся устойчивостью к огню и магии, сражаться с ними следует простой сталью.

— Почему не собрать отряд?

— Потому что Великий князь помешает. Простите, Иси.

Я хочу протянуть руку, но нам мешают:

— Сестра?! — Кей проснулся.

— Доброе утро…, — здороваюсь я.

Кей игнорирует меня, игнорирует элементарные правила вежливости.

— Господин посол, ваше поведение в отношении моей сестры неприемлемо, — сходу набрасывается он на господина посла и становится до отвращения похож на задиристого петуха.

— О? Молодой князь, мне показалось, ваша сестра довольна нашей беседой, — очевидно, что господин посол не только не воспринял слова Кея всерьёз, но и забавляется.

А Кей, выпятив грудь колесом, продолжает:

— Вам показалось, господин посол. Пожалуйста, впредь не беспокойте мою сестру.

— Молодой князь, ошибаетесь именно вы. Княжна Исидара, не откажите рассудить нас?

Кей не даёт мне и шанса.

— Если бы не ваш дипломатический статус, господин посол, я бы вызвал вас на дуэль!

— Молодой князь, вы признали, что только кудахтать вы и способны. Я рад, что самокри-

тичность вам не чужда, — господин посол разворачивается и уходит, оставив последнее слово за собой.

Кей остаётся сжимать кулаки.

Я тоже собираюсь уйти.

— Иси, нас ждёт серьёзный разговор.

Отмахнувшись, я возвращаюсь в свой шатёр, но Кей настырно следует за мной. Следом за Кеем входит и папа, невесть когда упавший нам на хвост.

— Исидара, это правда?! — с порога восклицает он.

Я с трудом подавляю раздражение:

— Доброе утро, папа. Сегодня со мной, кроме господина посла, никто здороваться не хочет.

— Кей сказал, что ты..., — папа игнорирует упрёк, — приняла ухаживания господина посла? Дочь, это неприемлемо. Я категорически запрещаю тебе продолжать в том же духе.

А?

Разве мы не пришли к хрупкому взаимопониманию?

— Папа? Когда я увлеклась господином Лоттом, ты не был столь категоричен.

— Как можно сравнивать, Исидара? — папа скрещивает руку на груди. — Господин Лотт при

всех его недостатках аристократ Вадора. Господин посол имперец.

— И…?

— Он враг.

Говорил, что не будет вмешиваться или осуждать…

Я молча киваю. Не соглашаюсь, просто хочу прекратить бессмысленный в своей пустоте разговор.

— Исидара.

— Иси, я буду следить за тобой, — обещает Кей и копирует папину позу.

Не дождавшись хоть какой-то реакции, папа и брат продолжают воспитательную беседу. Я не особенно вслушиваюсь, но всё равно улавливаю враждебность, которую трудно объяснить политическим противостоянием Вадора и Таэля.

В конце концов папа уходит, Кей, как и грозился, остаётся со мной.

— Братик, разве тебе не пора готовиться к выезду? Второй день Великокняжеской охоты.

— Я решил пожалеть куропаток. Леди Юань хватит тех, которых я подстрелил вчера.

Удачно. Если Кей не поедет, мне будет капельку спокойнее. Я буду волноваться только за господина таэльского посла.

Я достаю пилочку и демонстративно сажусь заниматься ногтями. Я заступаю за грань приличия, но и брат, усевшийся в моём шатре без приглашения, не прав. Кей только губы поджимает и упрямо остаётся на месте.

— Ты очень изменилась, Иси.

— Прозрела.

— Лишь бы не забыла, что ты Кокберг. Ты княжна по крови, а не по магии.

Он имеет в виду, что из-за отсутствия магии я впадаю в бесчестье? Ха…

— Именно так, Кей. Я княжна.

Брат сверлит меня взглядом.

Я продолжаю подпиливать ноготки.

До полудня я остаюсь в шатре. Когда я выхожу, брат не препятствует, но следует за мной по пятам. Его поведение начинает слегка утомлять, однако, во-первых, на самом деле, он просто не знает, это я за ним присматриваю, а не он за мной, а во-вторых, лагерь точно не место для выяснения отношений.

Я словно случайно выхожу к границе лагеря со стороны леса. В “черновом” варианте приблизительно в это время вернулся егерь, сопровождавший господина посла. Я делаю вид, что любуюсь луговыми цветами.

Ожидание мучительно.

Время идёт, никто не появляется. Отсутствие новостей — это уже по-своему хорошая новость.

Кажется, предупреждение сработало, и следует ждать до вечера — ждать триумфального возвращения. Я резко теряю интерес к цветам, собранный букетик рассыпается.

Словно нарочно дождавшись, когда я поверю в успех, из леса, мчась во весь опор, вырывается всадник, одетый в егерскую форму.

Не может быть!

Вчера господин посол справился с целым выводком, одна самка не могла бы его убить. Я ведь не просто предупредила, я назвала точные ориентиры.

Может быть, егерь скажет, что господин посол ведёт бой с виверной и позовёт подкрепление? Или, хуже, господин посол победил, но был ранен и нуждается в первой помощи?

— Господин посол Таэля трагически погиб в схватке с последней виверной.

Не-е-ет!

Ноги подкашиваются, я оседаю. И если бы не подхвативший меня Кей, я бы распласталась на земле.

— Иси?! — брат перепуган, а я могу только меш-

ком висеть в его объятиях.

Как это возможно? Почему? Я отказываюсь это принимать!

— Даже призраком…

— Иси, что ты говоришь?

В душе сосущая пустота. Я тону в эмоциях, но магия больше не откликается. День словно выцветает, обращается сумерками, переходящими в непроглядную ночь. Я бессильна, и сознание уплывает.

Не знаю, сколько длится беспамятство. Придя в себя, я обнаруживаю, что лежу под куполом шатра. Лоб холодит влажное полотенце, обе горничные встревоженно хлопочут вокруг. Взгляд цепляется за Моорацу. Надо бы её расспросить, но не при Кее. Он здесь, тормошит меня пустыми вопросами, разрывается между желанием пригласить врача и желанием сохранить моё обморок в тайне, насколько это возможно. Врач мне точно не нужен, я отвечаю что-то успокаивающее.

Первым делом я прислушиваюсь к себе — всё та же пустота, в прошлое не вернуться.

Возможно, у меня получится отмотать время вспять завтра или послезавтра?

Немного успокоившись, я скидываю полотенце

и сажусь. Головокружение роняет меня обратно на подушки.

— Иси?!

— Помоги, Кей.

Брат сомневается. Я сама приподнимаюсь на локте, пережидаю новый приступ, и как только шатёр перестаёт вращаться, сажусь. Кей следит за мной с недоверием.

— Иси?

Соврать?

— Кей, что случилось? Я собирала букет…

— Ты… не помнишь? — осторожно спрашивает брат.

Я качаю головой.

— Я хотела собрать для мамы цветы. Где они?

— Тебе стало дурно.

— Я обронила? — я тру лоб, словно пытаюсь вспомнить.

Кея явно не захочет, чтобы я вернула память о минутах до обморока. И он не обманывает ожиданий, вскакивает:

— Я принесу.

— Правда? — радуюсь я. Вполне искренне — кто же знал, что выпроводить братца будет настолько легко?

— Да, Иси. Приляг, хорошо?

Я послушно ложусь, позволяю укутать себя пледом, но как только Кей выходит, я… вскакиваю.

Шатёр не каменное здание, при желании выползти можно с любой стороны, благо на второй день охоты я выбрала обычный немаркий костюм из твида. Белым я планирую повторно блеснуть на торжественном закрытии охоты, но в ином варианте — с пышным жабо на груди и коротким плащом за спиной. Отвлечённые размышления помогают закрыться от наваливающегося ужаса действительности.

Обогнув лагерь с таким расчётом, чтобы избежать столкновения с Кеем, я подхожу к носилкам.

Тело доставили…

Злость вспыхивает, магия откликается. Её слишком мало…

Я рискую.

Я сдёргиваю покрывало, одно мгновение, кажущееся и вечностью и кратким мигом одновременно, я впитываю открывшуюся картину. Шаг назад. Я возвращаюсь в прошлое не больше, чем на пару минут. Для всех я просто стою в толпе, для зрителей к носилкам я никогда не подходила.

Понять бы ещё, что именно я увидела. Раны

отличаются, борозды когтей проходят иначе, но в то же время… располосована грудь, полностью залито лицо, сломана не нога, но рука. И моя лента снова чудесным образом осталась идеально чистой, без единого пятнышка.

Наконец я замечаю виверну. В прошлом варианте она ушла от господина посла живой.

— Иси!

Кей…

Если я смогла вернуться на несколько мгновений…

Я пытаюсь, снова и снова мысленно как заклинание повторяю, что буду сражаться, даже если мне придётся стать призраком. От разверзшейся в душе пустоты физически больно, и в конце концов, окончательно обессилев, я сдаюсь — выдыхаю, прекращаю бесплотные попытки, прекращаю мучить себя. Нет, сдаюсь не по-настоящему.

Достаточно на сегодня, я попробую завтра.

А сегодня… Мне давно следовало задуматься о своих способностях.

В первый раз я смогла вернуться больше, чем на год. Самое короткое моё возвращение последнее — на считанные минуты. Не похоже, что длительность временного промежутка имеет

хоть какое-то значение. Магия каждый раз отзывается на эмоции и я возвращаюсь незадолго до мига, который хочу изменить, причём играют роль именно чувства. Началом своего краха я в душе посчитала день, когда выбежала к Рею и преклонила колени вместе с ним, хотя по уму можно было выбрать поэтический вечер, на котором с подачи Габриэль я обратила внимание на Рея. Второй раз ещё интереснее. Умом я хотела вернуться домой, но в глубине души ошибкой считала не сам факт прихода за письмами, а задержку у сейфа. И я очнулась у сейфа. Когда я вернулась в сегодняшнее утро, я чётко осознавала, что мне нужно исправить разговор с господином послом.

Что я хочу исправить теперь? Что нового я могла бы сказать? Отправиться следом? Повести за собой отряд? Ни одной здравой выполнимой идеи. Отряд мне точно никто не даст.

Вернуться в более раннее время и поговорить с сеньором Поморро?

Я позволяю Кею увести себя и сказываюсь больной. Я даже не отказываюсь от горькой микстуры, по уверениям брата, благотворно действующей на нервы. Я хочу забыться сном, я готова проспать сутки, двое, я хочу встать бодрой, полной сил и

планов, как предотвратить трагедию.

Такое чувство, будто я с самой судьбой сражаюсь.

Я просыпаюсь на узком сиденье кареты. Наверное, Великокняжеская охота прервана раньше срока, и все возвращаются в столицу. Жёсткая спинка поразительно похожа на стенку гроба. Я проваливаюсь в кошмар.

Следующий раз я просыпаюсь вечером, уже в своей спальне.

Самочувствие неожиданно хорошее, хотя вялость и ощущение раздавленности не исчезли. Спать больше не хочется. Я приказываю Мооране заварить кофе, и, как только она ставит поднос с моим новым любимым напитком на прикроватную тумбочку, отсылаю обеих горничных — мне нужно побыть одной.

Кофе горчит. Я пью мелкими глотками и думаю о ерунде — о том, что кофе, заваренный Мансом во сто крат вкуснее.

Отставив пустую чашечку обратно на поднос, я вновь прислушиваюсь к себе. Я готова… Выспаться было правильным решением — пустота исчезла, магия полностью восстановилась, а кофе помог взбодриться. Ко мне снова вернулась ясность мысли.

— Я буду сражаться, даже если мне придётся стать призраком, — повторяю я свою коронную фразу-заклинание.

Я чётко представляю, что хочу вернуться в день, когда последний раз виделась с сеньором Поморро. Я буду действовать через него. Я в деталях представляю полумрак приёмной “Веги”, скрывающегося в густых тенях сеньора, его полумаску.

Магия послушно отзывается.

И… не происходит ни-че-го.

Прошлое словно отказывается меняться. Я пробую, пока снова не выбиваюсь из сил, пока не приходит осознание, что переделывать один и тот же день бесконечно невозможно. Подаренное господином послом чувство защищённости, чувство твёрдой опоры и уверенности в завтрашнем дне уходит.

Какая-то часть меня умирает вместе с господином таэльским послом.

Я задыхаюсь, хватаюсь за шею.

Почему?! Ну же! Магия есть — если сейчас не получится, то значит, что уже никогда не получится.

Ни-че-го.

Я проиграла.

Но у меня всё ещё есть семья: мама, папа, брат.

А значит:

— Я буду сражаться, — клянусь я.

Роняю голову на руки и беззвучно плачу.

Глава 16

Утро следующего дня я начинаю с кофе, газет и сплетен. Мооpаца охотно пересказывает, что успела услышать от слуг из других домов — она специально сходила на рынок за свежим молоком для кофе.

— Вас обсуждают, госпожа.

— Угу.

Это было неизбежно. Я дала повод.

Наверное, я могла бы вернуться в прошлое и “стереть” свою бурную реакцию, показать сдержанную отстранённость? Я… не хочу. Осознание, что я не смогла спасти господина посла, угнетает.

Я задаюсь вопросом, почему Мооpаца со мной. Её прислал господин посол, и ему я доверяла до определённого предела. Чьи приказы она выполняет теперь? Мооpаца заверила, что следует только указаниям господина посла…

— Говорят, что господин посол погиб на охоте после того, как на него разозлился молодой князь Кокберг.

— Чушь. Нет никаких оснований обвинить Кея.

Империя не примет.

— Слово, бывает, убивает, — очень серьёзно возражает Моораца.

— Да.

С нами произошло ровно то, что недавно с Великим князем — на репутации расползлось чёрное пятно. Опасно, однако причин беспокоиться нет, достаточно через два-три дня отработать слухи.

— Говорят, что вы влюбились во врага. Говорят, что вы ветреная.

— Пфф.

После истории с Реем замуж не очень-то и хочется, так что в какой-то степени я даже приветствую подобные слухи.

Слушая Моорацу, я пью кофе и шуршу газетами. Интересного мало. “Светская хроника” сообщает, что тело господина посла с почестями отправлено в Таэль. У меня перед глазами встаёт кровавая картина. Я отставляю чашку, задумываюсь. Да, мелких странностей слишком много, начиная с моей ленты, но… я верю своим глазам. Это был он, и он… был мёртв. Что касается сходных ран, то их можно объяснить — вероятно, господин посол применял одну и ту же связку боевых приёмов.

На глазах закипают слёзы, и я их смахиваю.

Внимательно, не пропуская ни строчки, я про-

читываю только статью в “Деловом вестнике”. Империя с дивной быстротой прислала ноту протеста, отношения Вадора и Таэля предельно обострились, однако речи о бряцании оружием пока не идёт. Обозреватель уверен, что война неизбежна, и я с ним согласна.

Лишившись виверн, какой трюк используют песчаники?

В дверь раздаётся стук.

— Да?

— Доброе утр…, — войдя, Кей резко теряет дружелюбный настрой, принюхивается и, не договорив приветствие, восклицает. — Имперский кофе?!

Ха…

— Кей?

Он замечает газеты, “Светскую хронику”. Понять, о ком я читаю, не трудно.

— Ты совершенно не умеешь выбирать, Иси, — качает головой он. — А ведь тебе пора думать о замужестве.

— О женитьбе своей подумай, — грубовато огрызаюсь я. На вежливость меня не хватает.

— Леди Юань из семьи, преданной Великому князю.

В моём прошлом Кей был убит, поэтому я

понятия не имею, чем могут закончиться его отношения с леди Юань. Мне нечего сказать.

— Достойная невеста, — кривлю я губы.

— Почему бы тебе не присмотреться к среднему сыну лорда Фейерана?

— Это тот, который, напившись, в доказательство своей верности, разбил кувшин собственным лбом и теперь щеголяет мелкими шрамами по всему лицу? — уточняю я.

Кей смущённо отворачивается.

Я допиваю кофе, довольно громко звякаю пустой чашкой о блюдце.

Надо выпроводить Кея и… навестить “Вегу”. Может быть, что-то прояснится на встрече с сеньором Поморро?

Зло хлопнув по подлокотнику, я скрываюсь в спальне. Мооpаца понимает мои намерения с полуслова, помогает переодеться, переодевается сама. Сверху мы надеваем привычные платья — я дневное, а она свою форму.

Когда я возвращаюсь в будуар, брат всё ещё упрямо сидит и таращится на пустую чашку из-под кофе. Так и хочется сказать, что напиток не имперский, а заморский. Чай, между прочим, в Вадоре тоже не растёт, но чувствую, что слишком утомлена для пустого спора.

— Иси?

Я прохожу мимо. Кей вскакивает. Я выхожу в коридор, оглядываюсь — слуг нет. Мооpаца выходит за мной, хлопает дверью, и, не сговариваясь, мы припускаем по коридору. Когда Кей появляется, нас уже нет в поле зрения.

На зов я не откликаюсь. Мы прячемся, и Кей, торопясь, проходит мимо.

Из дома я сбегаю тайком. Платья остаются в небольшом тайнике. Как оказалось, Мооpаца давно устроила, причём, подозреваю, далеко не один. Меня озноб пробирает от повеявшей в затылок смертельной опасности. Но прямо сейчас бояться нечего, мне следует сосредоточиться на более важных проблемах.

Сбегаю я, разумеется, не одна. Меня будет сопровождать Мооpаца. Прежде всего она телохранительница, а ещё, в отличии от меня, видевшей город из окна экипажа, она ориентируется в столице и меньше, чем за полчаса, по проулкам выводит на широкий проспект, где нанимает экипаж.

— Княжна, — обращается она ко мне, как только экипаж и вполовину не такой удобный, как я привыкла, трогается.

— Да?

— Если молодой князь не полюбит кофе, ему будет трудно, когда полуостров вернётся в состав империи.

— Наивность лечится болью, — пожимаю я плечами.

Когда-то я тоже была доверчивой дурочкой, да и сейчас от прошлой себя недалеко ушла. Чаще я думаю, что обратиться к господину послу и сеньору Поморро было гениальным решением, но время от времени я вспоминаю, что совершила глупость. Я совершила государственную измену и собираюсь пойти дальше.

На кого мне положиться? Уж точно не на Кея…

Вздохнув, я прикрываю глаза.

Может быть, прямо сейчас запросить у сеньора Поморро информацию по Аарону Кокбергу? Полуостров долгое время оставался под пятой чудовищ. По какой причине будущий первый Великий князь и его верные рыцари отправились сражаться? Легенда гласит, что Дарен Вадор во сне увидел страдания Белой богини и поклялся спасти, но в эту часть сказки я не верю.

И не только по легендарному предку. Из редких обмолвок следует, что нечто серьёзное произошло между императорским родом и Кокбергами. Но что это могло быть? И как с расколом связаны

Вадоры? Ха… У меня начинает болеть голова, когда я обо всём этом думаю.

Экипаж останавливается.

Мооpаца первой выпрыгивает на мостовую, расплачивается. Я озираюсь. Почему-то Мооpаца не стала называть местом назначения ювелирны салон, выбрала ничем не примечательную улицу, выходящую на площадь, за которой начинается нужная нам Брегская.

Пройтись пешком тоже хорошо… Так я думаю, пока за поворотом не открывается зрелище, к которому я совершенно не готова. К небу поднимается чернильно-чёрный дым.

На Брегской улице каменные здания все, кроме одного.

Мооpаца равнодушно подтверждает мою догадку:

— Княжна, горит “Вега”.

Боль вспыхивает в ладонях, и, когда я опускаю взгляд, понимаю, что раню себя ногтями до крови. Усилием воли я разжимаю пальцы, выдыхаю.

То, что “Вега” горит… Дым слишком чёрный, чтобы принять его за случайный. Я помню пожар из прошлого, помню, что деревянное здание было нарочно пропитано горючими зельями, чтобы гарантированно уничтожить любые доказатель-

ства шпионской и диверсионной деятельности отделения скромной. Я сама предоставила сеньору Поморро сведения о раскрытии “Веги”. Ничего удивительного, что день пожара наступил. Но почему сейчас, сразу после гибели господина посла?

— Идём, — командую я.

Здание пусть горит, мне нужны люди, и я уверена, что о моём приближении сеньор Поморро уже знает, его соглядатай наверняка побежал вперёд и предупредил.

Я совершенно не удивляюсь, когда в ювелирном салоне знакомый мальчик приглашает меня в одну из переговорных. Я удивляюсь, увидев напротив себя не сеньора Поморро.

— Княжна.

— Манс, — здороваюсь я также скупо.

— Чем могу вам помочь, княжна?

Манс вежлив, однако кофе не предлагает.

— Я бы хотела обсудить некоторые детали с сеньором Поморро.

В груди поселяется нехорошее предчувствие.

Манс разводит руками:

— Сожалею, княжна. Это невозможно. Сеньор Поморро ещё вчера направился в империю. “Вега” преимущественно выполнила свою задачу и,

как видите, ликвидирована. Я здесь, чтобы завершить некоторые незначительные дела и помочь новому дипломатическому посланцу империи, если наши страны продолжат переговоры.

Когда начнётся война?

Нет, мне хватает ума не задавать глупых вопросов вслух. Всё изменилось… Думаю, до начала вторжения не больше месяца. Хах, возможно, имперцы пересекут границу уже завтра.

— Вот как…, — Манс всего лишь доверенный помощник. На многие вопросы он просто не ответит.

— Чем я могу вам помочь, княжна? Кстати, впредь ищите меня в книжном на проспекте Вито.

Стоит ли посвящать Манса в историю моей семьи? Я ведь не представляю, какие тайны могут всплыть…

— Вы располагаете информацией, что именно случилось на охоте? Почему, будучи предупреждённым, господин посол не смог избежать опасности?

— Княжна… Простите за грубость, но, боюсь, вы не представляете, кто такие виверны.

— Не представляю, — соглашаюсь я.

Когда-то я читала о чудовищах в Бестиарии. Ви-

вернам, как и прочим видам тварей, отводилась пара страниц, причём одна — под гравюру.

— Прежде всего виверны опасны полной устойчивостью к магии, а взрослые особи и вовсе подавляют магию вокруг себя. Чтобы победить виверну, нужно, как минимум, не уступать ей в ловкости и скорости.

— Для человека подобное невозможно.

В Бестиарии упоминалось, что против одиночной виверны выходили армии и несли колоссальные потери… На самом деле, в этом свете победа господина посла выглядит абсурдной, особенно первая.

На крошечный миг Манс позволяет улыбке появиться. Нет, не улыбка. Это и насмешка, и оскал хищника одновременно. Я вспоминаю, что добровольно вошла в тигриное логово, хозяин которого вёл себя как котёнок, всё это время оставаясь тигром.

Намёк Манса я понимаю.

Если в Вадоре живут люди, то Таэль приветствует все расы без исключения. Про императора шепчутся, что он демон…

Господин посол победил виверн потому что… Кей бы сказал: “Потому что он сам чудовище”.

— Верно, княжна. Для человека подобное невоз-

можно.

Я знаю только одну расу, представители которой способны сражаться с виверной на равных — демоны. Но разве господин посол был демоном или хотя бы полукровкой? Я не замечала отличий от человека. Разве что с гончей он справился подозрительно ловко, будто не с тварью сражался, а от козявки отмахнулся. Качественная маскировка? Хах, какая теперь разница?

Манс пристально наблюдает за выражением моего лица. Я пожимаю плечами — мне надо сосредоточиться на своих проблемах, а не вникать, как демон, которых в империи единицы, мог оказаться в роли посла.

Я прощаюсь с Мансом и выхожу из приёмной. В задумчивости, я просто позволяю Мооряце увести себя.

Меня никак не отпускает ещё одна странность. По правде, она захватывает меня полностью — сеньор Поморро исчез тогда же, когда погиб господин посол. “Задача решена”, — звучит неправдоподобно. С одной стороны. А с другой… Сеньор Поморро скрывал своё лицо и пах кофе точь-в-точь как господин посол.

Сеньора Поморро… его тоже больше нет?!

Нет-нет, я должна сосредоточиться на своих

проблемах…

— Госпожа, мы вернулись, — окликает меня Мооpаца.

Так быстро?

Мооpаца только головой качнула. В глубине её глаз появляется непонятное сочувствие. Она помогает мне надеть платье, сама переодевается в форму горничной.

А дома…

Кто бы сомневался — Кей.

Стоило нам открыто появиться, брат буквально набрасывается:

— Иси, где ты пряталась?! Мы тебя всем домом ищим!

Зачем?

— Хотела побыть одна, — отмахиваюсь я, пытаюсь пройти мимо.

— Иси!

— Что? — похоже, легко от Кея не отделаться, учитывая, что он размахивает у меня перед лицом конвертом.

— Приглашение из дворца. Её высочество срочно вызывает тебя.

— Что? — повторяю я.

Мне одного выбора слов достаточно, чтобы догадаться — ничего хорошего во дворце меня не

ждёт. Напротив, быть беде. До сих пор принцесса присылала мне только приглашения. Но “вызывает”? Пфф! Однако я не в том положении, чтобы отказываться.

К тому же побывать во дворце полезно — я хочу узнать о последних планах Великого князя. Спокоен ли он или потеря виверн стала сокрушительным ударом?

Кивнув Кею, я трачу около четверти часа на приведение себя в порядок. День давно перевалил за половину, утреннее платье не годится, но вечерний наряд ещё не уместен. Я останавливаюсь на строгом платье из тяжёлого шёлка цвета спелой вишни. Хотя фасон прост, ткань делает платье роскошным.

Я надеваю “Плачущее серебро”. Поколебавшись, добавляю совершенно не подходящий сюда опаловый браслет. Ради дополнительной защиты я потерплю упрёки в безвкусице. Мооpаца подаёт мне тончайший палантин и хитро пропускает под браслетом, закручивает.

— Спасибо, — неуместное украшение будет прикрыто. — Я поеду… одна.

Горничную со мной не пропустят.

— Простите, госпожа, но сопровождать вас мой долг. Я не смогу пройти с вами на территорию

дворца, но я могу убедиться, что в пути вы будете в безопасности.

Я тронута — Моораца не пытается халтурить.

— Экипаж подан, госпожа!

Да…

Я оглядываюсь с чувством, что я что-то забыла, но на ум ничего не приходит, и я спускаюсь.

До экипажа меня провожает Кей:

— Иси, ты должна быть уважительна с её высочеством.

— Конечно.

Чтобы избежать ловушки становиться грубой совсем не обязательно.

Глава 17

В первой половине дня Габриэль предпочитала встречаться в саду, зимой — в тёплом павильоне с видом на стеклянный розарий. Я никогда не понимала этого сочетания — алые розы на фоне снега как кровь на белом полотне. Теперь, когда я знаю истинную сущность правящей семьи, вкус Габриэль не кажется мне странным.

Танцевальные или поэтические вечера проходили в Янтарном зале или Чайной гостиной.

При всей моей “дружбе” с принцессой, я никогда не была допущена в её личные покои.

— Её величество ожидает вас в будуаре, княжна

Кокберг.

Плохо…

Значит ли интерес принцессы, что Великий князь собирается отправить папу и брата на войну с империей?

В отличии от виверн демоны против магии не защищены. Не говорю уже об обычных солдатах, которых приведёт Таэль.

Ощущение неправильности царапает, но в то же время я чувствую уверенность в своих силах, в способности отмотать время вспять.

Обычно я находила дорогу сама, но сегодня меня провожает леди Аль. Я жду, когда она поделится со мной последними сплетнями — заговорит о моём поведении на охоте или упомянёт конфликт Кея с господином послом, но почему-то она не только помалкивает, но даже расщедрилась на пару комплиментов.

— Проходите, княжна. Её высочество пожелала говорить с вами с глазу на глаз.

Небрежно кивнув, я прохожу в распахнутую для меня дверь. Леди Аль лично открыла. Отчасти это знак уважения, отчасти — тревожный звоночек. Горничных нет, других фрейлин нет. Я приседаю в реверансе.

— Исидара, мы одни. Пожалуйста, не будьте та-

кой формальной. Я рада вас видеть. Пожалуйста, проходите.

Принцесса сидит на диване. На круглом столике неизменный чай. Интерьер выдержан в холодных бело-голубых тонах. Весьма сдержанно, надо признать.

За принцессой наискось стоит восточная ширма из шёлка. По бледному полотну летят вышитые яркими нитями певчие птицы. Я даже помню эту ширму — пару лет назад её подарил купец, просивший о налоговой льготе на торговлю экзотической роскошью с противоположного края материка. Ширма гармонирует с интерьером, но в то же время… Зачем её сюда втиснули? Чтобы за ней кто-то спрятался? Мне было бы неприятно сидеть к ширме спиной. Я выбираю левое кресло.

— Благодарю, принцесса, — улыбаюсь я.

— Исидара… Я попросила тебя прийти… Нехорошие языки говорят, что господин посол вызвал гнев твоего брата и сразу же погиб. Безусловно, это трагическое совпадение, никто не может всерьёз заподозрить Кея, однако злые языки не умолкают, и Таэль может нацелиться на Кея.

— Хм?

— Потребуют, чтобы Кей прибыл для дачи пока-

заний, например. Что угодно. Как ты понимаешь, их подлинной целью будет ослабить Вадор, лишить нас Огня.

Фактически, принцесса заявляет, что Таэль готовит убийство.

— Ваше высочество… Я глубоко признательна за ваше беспокойство. Пожалуйста, не поймите меня неправильно, но… Почему мы обсуждаем… дипломатию?

Тема больше подходит для правителя и главы рода, для Великого князя и князя Кокберг. У меня нет полномочий принимать решения. Какой смысл говорить о чём бы то ни было со мной?

— Потому что князь Кокберг слишком преданный.

— Ч-что, простите?

Я удивляюсь непритворно, но реакцию показываю сильнее, чем есть на самом деле.

— Твой отец, Исидара, слишком предан своему долгу, чтобы принять защиту, которая поставит Великого князя в трудное положение.

Да-да, защита, верю…

— Признаться, я всё ещё не понимаю, принцесса.

— Наша армия небоеспособна, Исидара. У нас есть только гвардия, годная лишь на парадное

шествие по праздничной площади. Вадор всегда полагался на своих князей, со дня основания и даже раньше. Империя готовится к объявлению войны, но прежде попытается дипломатическими методами нас ослабить. Мы должны пресечь их жалкие попытки.

Строгий тон, почти обвиняющий. Габриэль давит, чтобы у меня и мысли не возникло отказаться от её предложения.

— Ваше высочество, но что именно я могу сделать?

— Защитить свою семью и Вадор тем способом, которым дочери благородных семей испокон веков служат благу своего рода и своей страны. Исидара, я понимаю, что прозвучит неожиданно и отчасти сожалею. Говорю откровенно — отчасти, потому что я эгоистично рада новому повороту судьбы. Ты должна стать женой Джердена.

Ха?!

Вот теперь я шокирована.

Я качаю головой.

— Ва…

Но принцесса перебивает:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Исидара. Что у нас нет времени, что до прибытия посланца

империи мы в лучшем случае успеем заключить помолвку. Есть другой метод. Мы пустим слух, что на самом деле господин Лотт не стремился к деньгам и силе рода Кокберг, а прикрывал твои отношения с Джерденом. Сегодня вы перешли черту, и Дарен взял ответственность на себя. Я говорю о тайном браке.

С Реем я это уже проходила — меня явно собираются напоить ритуальным Вином послушания. Папу и брата вынудят пойти против империи.

— Ваше высочество, я благодарна за помощь, но… я такая же Кокберг, как и мой отец. Честь превыше всего, я не могу принять защиту.

Вполне сносное оправдание.

Я отвечаю жёстко. Впервые перед принцессой я говорю не как благородная леди, стоящая в иерархии на ступень ниже, а как полноправная княжна. Да, я ниже. Но разница между нами настолько незначительная, что я могу позволить себе отказ. Отношения обострятся… Но вспоминать про отношения, когда правящая семья желает нашего уничтожения, по-своему забавно.

Отказ ничего не даст. Я не верю, что принцесса меня отпустит. Я лишь хочу знать, что она предпримет — в прошлое я должна вернуться подготовленной.

— Исидара…, — принцесса то ли теряется, то ли притворяется.

Из-за ширмы выходит наследный принц.

Я всё ещё должна быть вежливой. Я поднимаюсь с кресла и приветствую его высочество реверансом.

В отличии от принцессы Джерден не проявляет ни капли дружелюбия. Он не разрешает мне выпрямиться, заставляет стоять со склонённой головой.

— Княжна, разве это не лицемерие? Прячась за словами о чести, вы отказываетесь исполнить вассальный долг перед Вадором.

Я вскидываю голову и медленно выпрямляюсь.

— Исидара, — вмешивается принцесса, — прежде, чем ты окончательно откажешься, я хочу тебе кое-что показать.

Наследный принц с нехорошей усмешкой открывает боковую дверь. По планировке за ней мог бы оказаться рабочий кабинет принцессы или комната для рукоделия, однако я убеждена, что за дверью будет нечто иное.

Я подозреваю, что именно.

— Княжна, пожалуйста.

Они не просто хотят, чтобы я вошла. Они хотят, чтобы я вошла первой и оставила их за своей

ничем не защищённой спиной.

Глава 18

— Княжна.

Принцесса пугает меня меньше, хотя кто знает, на что она способна.

Я поворачиваюсь полубоком — этикет запрещает показывать спину. Именно таким образом, полубоком, я вхожу. И замираю.

Комната превращена в домовый храм, и посвящён он отнюдь не Белой богине. В шаге от меня бортик бассейна, только заполненного разноцветным песком. Оттенки перетекают один в другой: золотисто-жёлтый, тёмно-рыжий, светло-бежевый, сочно-оранжевый, охряный и даже розовато-золотой.

Стены расцвечены разноцветной галькой ярких оттенков. Под потолком светильники. Я опускаю взгляд на алтарь, за которым, гордо расправив плечи, стоит мужчина в золотом одеянии жреца. В стенной нише за алтарём инструменты, предметы, какие именно толком не рассмотреть. Мне достаточно кувшина и догадки, что в нём то самое ритуальное Вино.

Наследный принц обгоняет меня, останавливается у бортика и кланяется.

Габриэль заходит последней и плотно закрыва-

ет дверь. Отчётливо щёлкает замок.

— Храм… Кадора, — я демонстрирую спокойствие. Я бы не смогла достоверно показать “правильную” реакцию.

— Верно. Вы не удивлены, княжна? Может быть, вы согласны, что пришло время сменить богов. Белая богиня отвечает мольбам имперцев ничуть не меньше, чем мольбам жителей Вадора. Мы обречены существовать осколком империи, отрезанными от континента. Песчаный Кадор открывает для нас горизонты.

Мне восхититься?

— Разве со временем в качестве платы Кадор не превратит нашу землю в бесплодный пустырь?

— Разве пустыня не прекрасна? — отвечает мне жрец. Он проводит ладонью над песком будто гладит невидимый бархан. — В самой суровой пустыне цветут оазисы, княжна Исидара.

Цветут, да. Но не для всех. Разговор не имеет смысла.

Я морщусь.

— Княжна, на священный песок нельзя ступать в обуви. Вы ведь понимаете, что вам не избежать брачного ритуала? Великий Кадор спрашивает лишь мнение жениха и не возражает против многожёнства. Вы желаете сохранить достоин-

ство или… вас тащить?

Так и хочется ступить на песок в обуви, но это ребячество. К тому же наступить на священный песок означает оскорбить Кадора. У меня же претензии не к нему, а к его последователям.

Я медленно разуваюсь.

— Одного не понимаю. Когда Белая богиня лишит благословения не только род Вадор, но князей, кто защитит полуостров от посягательств империи?

— Пустыня.

Не такого ответа я ждала. Не похоже, что принц произносит пустые слова. Скорее…

— О, Исидара поняла наш план? — усмехается Габриэль.

— Вы сумасшедшие.

Я думала, они выставят против империи тварей, но всё хуже, гораздо хуже. “Пустыня” означает, что они осквернят первохрам Белой богине, отдадут землю Кадору, и плодородная земля превратится в пустошь за считанные дни.

— Пустыня поглотит империю.

Всё может быть.

У меня остался последний вопрос — почему правящая семья тянет время? Почему они не осквернили первохрам до сих пор? Или… им мало

осквернить алтарь? Магия, подаренная богиней, это искра её собственной силы. Возможно, по плану князья должна быть принесены в жертву? Домыслы…

Одно я знаю наверняка — на песок ступать нельзя! В храме чужого бога я едва ли сумею воспользоваться даром Белой богини.

Я резко разворачиваюсь к принц:

— Я не прошу, даже если ради мести я стану призраком.

— Что? — теряется принц.

Жрец, что-то почувствовав, не иначе, вскидывает кривой позолоченный посох. Магия вскипает в крови, но я не проваливаюсь, как обычно. Что-то мешает. Хотя почему что-то? Сила жреца, сила Кадора. Вокруг меня сжимается невидимый кулак. Я чувствую себя бабочкой, пойманной нерадивым мальчишкой, которую вот-вот раздавят.

— Благословение?! — восклицает Габриэль.

Так бездарно раскрыть свой козырь…

Возможно, мне стоило вернуться назад после брачного ритуала, когда бы меня оставили в покое. Но я боялась двух вещей. Во-первых, не известно, осталась бы у меня магия после ритуала в храме Кадора, и, во-вторых, запрета сбегать. Побег в прошлое, тоже побег.

Я должна вырваться. Во что бы то ни стало.

Схватив туфельку, я швыряю в жреца. Промахиваюсь, но второй попадаю идеально — в лоб. Удар, конечно, слабый, но этого хватает, чтобы сбить концентрацию. Удерживающий меня кокон чужой силы не исчезает полностью.

Щёку обжигает пощёчина. Я падаю на пол. Моей магии, наконец, удаётся прожечь в коконе дыру, и падение продолжается, комната исчезает, наваливается темнота, в которой раздаётся родной голос:

— Ты совершенно не умеешь выбирать, Иси. А ведь тебе пора думать о замужестве. Иси, тебе дурно?!

Кей встревоженно заглядывает мне в лицо.

Я качаю головой:

— Всё в порядке. Лёгкое головокружение. Не обращай внимания.

— Иси, тебе стоит показаться врачу. Или… ты настолько близко приняла гибель имперца?

Дура-ак.

Устало потерев виски, я прислушиваюсь к себе — ощущение пустоты привычно. Меня интересует не оно. Рука невидимого гиганта исчезла или след остался? Хочется отмыться, будто я окунулась в грязь, но никакая вода мне не поможет.

Разве что вода из священного Лунного озера…

Повторять поездку в “Вегу” смысла нет. Первую половину дня следует потратить с куда большей пользой.

Я знаю, что совсем скоро придёт вызов из дворца. Сбежать? Допустим, я могла бы сорваться за город, в путешествие, поехать в по магазинам, что угодно. Но… Долгая поездка не годится. Как я брошу семью? К тому же Великий князь легко свяжет мой отъезд с их затеей. Короткая поездка не имеет смысла — как только меня найдут, мне придётся ехать во дворец. В лучшем случае я выиграю день.

Положиться на защиту “Плачущего серебра”? Артефакт ничем мне не помог. Или помог? В любом случае, слишком ненадёжно, да и нельзя мне попадать в храм Кадора.

Что остаётся?

Мне нужно придумать что-то такое, чтобы Габриэль приняла меня в будуаре и сама отказалась от идеи тащить меня на алтарь.

Ха…

— Кей, я беспокоюсь за имперца хотя бы по той причине, что Таэль возложит вину на нас. Несчастный случай произошёл на Великокняжеской охоте. Кто должен ответить? Великий

князь.

— Спекулировать на трагедии бесчестье, как раз в духе империи, ты права.

Я не это пыталась сказать.

— По крайней мере они не начинают войну. Прибудет новый представитель империи.

— И ты, Иси, должна держаться от него подальше.

— Да… Кстати, Кей, что ты думаешь о появлении виверн. Легендарное чудовище…

— Я думаю, имперцы могли доставить яйца! Дипломатическая неприкосновенность позволяет какую угодно гадость протащить через границу!

Логично, кстати.

— Думаешь, есть ещё твари? — серьёзно спрашиваю я. — Кей, а ведь, если это правда, имперцы натравят их на дома князей, чтобы лишить Вадор защитников. Разве не следует принять меры?

— Иси, ты права! Я сейчас же займусь.

— Верно, Кей. Если нас с мамой защитишь ты и папа, то слуги будут под ударом. Надо подготовиться.

Как удачно я спровадила братика, хоть делом займётся.

И мне тоже пора подумать о своей безопасности. Я поворачиваюсь к Мооряце.

— Госпожа?

Я хотела спросить, какие храмы, кроме посвящённых Белой богине, Песчаному Кадору и Ио, есть в столице, но передумала. От жреца одного бога прикрыться благословением жреца другого бога — очевидное решение. Однако будет очень странно выглядеть, если я воспользуюсь "посторонней" помощью.

Поэтому я встаю и направляюсь к маме.

Она всё ещё слаба, но уже не отдыхает весь день в постели, а проводит время… на диване.

— Мама? — тихо окликаю я.

— Иси. Что-то случилось?

Я присаживаюсь рядом:

— Я не могу зайти без причины?

— И когда же ты в последний раз навещала меня без причины? — хмыкает мама.

Когда у меня не болела голова за семью.

— Ты завершила "Обретение магии"?

— Н-нет.

Плохо… Я рассчитывала на другое. На самом деле, завершённая композиция могла бы меня выручить. Но чего нет, того нет.

— Тогда не буду больше отвлекать, — я поднимаюсь, но мама меня останавливает.

— Иси, у меня есть несколько завершённых

статуэток Белой богини. Работы показались мне неудачными, и я оставила их, не стала передавать в храм. Если тебе пригодится…

— Пригодится! Мама, как насчёт того, чтобы поехать прямо сейчас?

Я понимаю, что маме будет тяжело… Но мне сегодня очень нужна её помощь. И мама кивает, врёт, что небольшая прогулка по городу пойдёт ей на пользу. Я притворяюсь, что верю и прошу поторопиться. Нам нужно уехать до того, как из дворца придёт приглашение. Времени в запасе не так уж и много, а ещё ведь упаковывать статуэтки… Мама быстро сжимает мои пальцы в своей прохладной ладони и поднимается. Я слежу, как горничные поддерживают её с двух сторон, и только когда мама скрывается в спальне, я возвращаюсь к себе.

Моораца уже подготовила строгое песочно-коричное платье без излишеств, идеально подходящее для визита в храм. На плечи ложится кружевная накидка, талию стягивает широкий пояс с золотой пряжкой, повторяющей пряжки на закрытых уличных туфельках.

Я спускаюсь вниз, опередив маму на каких-то пять минут. Пудра скрыла её бледность, но дрожь в пальцах ничем не скрыть. Я подхватываю маму

под руку, и мы садимся в экипаж. Её горничные заносят коробки с упакованными статуэтками.

— Трогай, — приказываю я кучеру. Нельзя нам сталкиваться с посланником из дворца, нельзя, чтобы наш экипаж остановили и вынудили меня повернуть во дворец сейчас, когда у меня нет сил вернуться на шаг назад.

Мне стоило пытаться вернуться во вчерашний день… Тогда бы, выспавшись, я бы, возможно, восстановилась. Я всё ещё недостаточно понимаю, по каким именно правилам работает мой дар.

— Расскажешь? — осторожно спрашивает мама.

— Я хочу случайно получить благословение Белой богини и взять пару-тройку фигурок.

— Иси, я всё ещё жрица.

— Прежде всего ты моя мама, и я беспокоюсь о твоём здоровье. Божественный свет тебе его не добавит, а вот сожжёт — запросто.

Мама понуро вздыхает, но не спорит, молчаливо признаёт мою правоту.

— Прости, Иси.

— Мам, о чём ты? Зачем тебе делать то, что другие могут сделать не хуже? Но никто, кроме тебя не позаботится о нашей семье, как княгиня.

Экипаж тормозит, и я осторожно выглядываю

за занавеску. Честное слово, я готова спрятаться под сиденье, если нас остановил дворец. К счастью за стеклом храм Белой богини.

Я дожидаюсь, когда кучер распахнёт дверцу и помогаю маме выйти. Мамина горничная забирает коробки.

Храм Белой богини одноэтажный. Слева блестит зеркальная гладь небольшого озерка, окружённого гранитным парапетом с деревянными поручнями — простолюдинки верят, что в если ночью в полнолуние окунуть лицо в отражение луны, то богиня дарует красоту. Влюбившись в Рея, я однажды тоже попробовала. И вроде бы красивее не стала. За озером открытый павильон, сад.

Мы проходим под аркой. Двустворчатые двери закрываются за нашими спинами слишком громко, и горничная сбивчиво извиняется за то, что не придержала створки. Я на её лепет не обращаю внимания, оглядываюсь. Что-то в интерьере меня смущает, но сходу никак не поймать, что именно.

На грохот створок выходит жрец. И меня, и маму он узнаёт, ни слова не говоря, он склоняется в поклоне и жестом приглашает нас в боковой коридор.

В большинстве городских храмов обычно несколько алтарных залов, и здесь их два или три. Большой — для торжественных празднований, открытых церемоний и встреч простых горожан, малый же используется для деликатных бесед с визитёрами особого статуса и, возможно, есть некий закрытый зал, куда даже маму без причины не пригласят.

Пока мы идём за жрецом, я замечаю усик шёлковой нити, выглянувший из-под рукава его мантии, словно манжет был искусно подшит, но шов снова начал расходиться. С каких пор жрецы продолжают носить порвавшиеся одеяния? Раньше ткань резали на полосы, красили и раздавали нуждающимся. Я, наконец, понимаю, что меня смутило в интерьере — нет привычного блеска свежести, словно за камнем перестали ухаживать, и лишь пыль стирают, да и то не каждый день, сладкий аромат благовоний настолько слаб, что кажется выветрившимся, и в подсвечниках оплывшие свечи, вместо того, чтобы заменить их и отдать беднякам, свечи оставили.

— Что привело княгиню и её дочь к нам? — в малом зале нас встречает одна из старших жриц. На загорелом лице выделяются яркие злые глаза.

Мама вежливо передаёт коробки с фигурками,

и их, не открывая, забирает жрец, а я, дождавшись, когда он выйдет, обращаюсь к жрице:

— Мне нужен сосуд лунного благословения.

— Иси?!

Скажи я, что мне нужно всё золото и серебро, что есть в храме, я бы шокировала окружающих меньше.

— Какое нахальство! Лунное благословение предназначено лишь для посвящённых.

Пфф.

Я не только княжна, но и дочь жрицы. Я разбираюсь.

— Чушь, — усмехаюсь я с откровенным вызовом. — Прямые потомки легендарных рыцарей могут получить драгоценный сосуд трижды в своей жизни.

Жрица поджимает губы. Ха, почему у неё такой вид, будто я обкрадываю её лично? Но возразить ей нечего, и она кивает:

— Я вас провожу, княжна Кокберг. Не к добру…

— Что именно? — мама делает шаг к жрице.

— Сегодня я видела сон, как озеро лунного света выходит из берегов и обрушивается на бескрайние барханы, тянущиеся до самого горизонта. Сможет ли луна победить песок?

— У Луны нет причин в одиночку сиять на небо-

склоне, — вмешиваюсь я. По крайней мере мне стала понятна причина враждебного настроя.

Жрица взмахивает ладонью:

— Избавьте меня от политических бесед, княжна Кокберг, и следуйте за мной.

Мама остаётся в зале. Горничная подхватывает её под локоть и отводит к тянущейся у боковой стены уступке, на которую можно присесть или даже прилечь. Мама устало закрывает глаза. Думаю, на неё не столько поездка подействовала, сколько наши с жрицей откровения.

Впервые я оказываюсь в храмовых подсобных помещениях. Мы минуем две или три запертых комнаты. Жрица открывает замок на следующей и пропускает меня первой. Вместо сокровищницы, которую я успела нафантазировать, меня встречает квадратная кладовка. Вдоль стен тянутся широкие полки, заставленные статуэтками богини и скульптурными композициями, иллюстрирующими события из легенд. Меньшая из статуэток размером с мой мизинец, самая большая — ростовая фигура, стоящая в левом углу на круглом беломраморном постаменте.

Я уверена, что все без исключения статуэтки благословлены. Но я ни за что не поверю, что в каждой из них скрыт свет подлинного лунного

благословения.

— Хм?

— Княжна Кокберг, вы торопитесь?

— Да. Но к чему вопрос?

— Вы верно сказали, что прямые потомки могут получить лунное благословение, но вы не стали упоминать, что получить сосуд можно после ритуала очищения в полнолуние. Вы можете либо шесть дней подождать полнолуния, либо выбрать наугад. В пяти из этих статуэток скрыта луна.

Она издевается?

— Разве Белая богиня не хочет затопить пустыню? — поворачиваюсь я к жрице.

Она же сама сказала, за язык никто не тянул!

Но жрица отрицательно качает головой:

— Кто знает, княжна? Мой сон был ночным кошмаром, и я не смею судить, хочет богиня, чтобы я вам помогла или предостерегает от помощи. Я отдамся воле судьбы.

Тьфу.

К счастью, переписывать судьбу как раз по моей части.

— Я должна выбрать при том, что угадать почти нереально, можно только сердцем почувствовать истину… Что же, я принимаю ваши условия, но поклянитесь не допускать в мой выбор вмеша-

тельства, пока я не выйду в коридор, — прошу я.

Жрица не особенно задумывается о скрытом смысле и легко соглашается:

— Клянусь.

Полагаю, её успокаивает, что шансы выбрать правильно мизерные.

Я прислушиваюсь к себе. Естественно, никаких подсказок внутреннего голоса я не слышу, и чутьё молчит. Но это всё не важно, так как я изначально рассчитывала только на свою силу. Я сбрасываю ближайшую фигурку на пол. Глиняная Белая богиня крошится черепками, а я уже швыряю на пол следующую статуэтку, и ещё, ещё, безжалостно опустошаю начало полки.

— Княжна!

Жрица в ужасе?

Я усмехаюсь. Вмешаться она не сможет, другим тоже не позволит — ведь сама поклялась. Нет нужды обращать на неё внимание, и я продолжаю громить фигурки, опустошаю пару полок. Пол застлан черепками как ковром.

— Да? — я подхватываю очередную фигурку, взвешиваю на ладони и с замаха отправляю в короткий полёт.

Статуэтка изображает Белую богиню сидящей, нежно обняв колени. Легко представить, будто

она присела на берегу. Капюшон скрывает лицо, а вот выглядывающая из-под подола изящная стопа вылеплена с невероятной дотошностью.

Я с улыбкой разбиваю маленький шедевр.

— Белая богиня не простит, — в бессилии жрица способна лишь пугать пустыми угрозами.

— О? Вы даже не знаете, хотела богиня мне помочь или помешать. Откуда же у вас ответ на куда более сложный вопрос?

Из разбитой фигурки выплёскивается слепящий молочно-белый свет. На долгое мгновение мир будто перестаёт существовать, я растворяюсь в прохладном божественном свете и одновременно чувствую, как меня наполняет сила.

Пожалуй, я смогла бы вернуться в день накануне охоты, а то и раньше… Но толку возвращаться, если я понятия не имею, как спасти господина посла? Предупреждение не сработало. Лезть к виверне самой — сделать только хуже, ведь господину послу придётся не только сражаться, но и думать о моей безопасности.

Я возвращаюсь назад всего на несколько минут.

— В пяти из этих статуэток скрыта луна. Княжна, вам дурно? — в голосе жрицы неожиданно прорывается искреннее беспокойство.

Пол чист, статуэтки целы, смотрят на меня с полок. Коснувшаяся меня сила пропала без следа, я чувствую глубокое опустошение, голова кружится. Вероятно, на восстановление мне потребуется не один день.

— Пять? Я возьму эту, — я уверенно снимаю с полки сидящую Белую богиню.

— Эту?!

— Я так чувствую, — хмыкаю я.

Сжимая фигурку в руке, я чувствую себя готовой к встрече с принцессой.

Глава 19

Перед домом, перегородив проезд, стоит экипаж с государственным гербом на дверце. Лакировка отбрасывает солнечных зайчиков. Кучер поигрывает кнутом, бросая задумчивые взгляды в сторону парадного крыльца. На нас с мамой он сперва даже внимания не обращает.

Похоже, посланец принцессы решил дожидаться лично. Почему такие изменения? Этот раз отличается — я не сбегала тайно, а уехала сопровождать маму в храм. Да и из “Веги” я вернулась заметно позже…

Кучер спрыгивает на мостовую, кланяется, рассыпается в извинениях.

Я игнорирую его, помогаю маме спуститься, но

при этом не выпускаю из рук прикрытую палантином драгоценную статуэтку.

— Я в порядке, Иси, — шепчет мама.

Так я и поверила, хотя надо признать, цвет лица у мамы улучшился. Возможно, пребывание в храме действительно пошло ей на пользу.

— Приветствую, княгиня, княжна, — посланец дворца, опередив слуг, встречает нас в холле, кланяется. — Её высочество принцесса Габриэль просит княжну Кокберг прибыть немедленно.

И передаёт мне конверт.

Одна из горничных протягивает руку, чтобы забрать у меня тканевый свёрток. К счастью, Мооараца её ловко оттесняет под предлогом помощи моей маме. Удерживая закутанную статуэтку, я одной рукой кое-как открываю конверт, благо он не запечатан. Пригласительная карточка лаконична. Приказ небрежно замаскирован вежливостью.

Я невольно хмурюсь. Не из-за тона приглашения. Я в полной мере осознаю, что дважды использовала свой дар. Если что-то пойдёт не так, я не смогу исправить.

Ехать страшно… Ехать прямиком в логово песчаников, зная, что у меня нет возврата.

— Да, разумеется! Что же столь деликатное мог-

ло случиться? — я притворяюсь обеспокоенной, чтобы замаскировать свои истинные чувства.

Кивнув Кею и быстро попрощавшись с мамой, я выхожу. Краем глаза я замечаю, как Мооpаца с силой наступает горничной на мысок — очень невовремя та снова захотела отобрать у меня свёрток.

Я сажусь в экипаж. До последнего опасаюсь, что посланец предложит воспользоваться дворцовым экипажем. Если он сам воспользуется лошадью, то это будет уместно и покажет заботу её высочества. К счастью, обходится — посланец предпочитает ехать с комфортом, а не верхом.

Страшно… Об этом лучше не думать. Как и о том, что я упустила шанс — мне следовало сообщить Мансу, что в покоях принцессы устроен храм Песчаного Кадара. Ладно, не важно — прямо сейчас Манс мне ничем бы не помог.

Во дворце встреча повторяется, леди Аль провожает меня в перечёркнутый ширмой будуар Габриэль.

Как и в прошлый раз я исполняю реверанс.

— Исидара, мы одни. Пожалуйста, не будьте такой формальной. Я рада вас видеть. Пожалуйста, проходите, — Габриэль нежно улыбается.

Я благодарю, сажусь и выслушиваю весь тот

словесный поток, который она обрушивала на меня в тот раз: про злые языки, про угрозу со стороны империи, про то, что империя постарается лишить Вадор Огня.

Пока что не сказано ничего по-настоящему опасного.

Габриэль собирается предложить мне брак с наследным принцем после моей ответной реплики. Ей же нужно сперва оценить мою реакцию.

Я ей с удовольствием покажу.

— Но они же не могут быть настолько бесстыдными! — восклицаю я, в порыве чувств вскакиваю с кресла, сжимаю края палантина таким образом, чтобы статуэтка выпала.

Мы одни, не считая прячущегося за ширмой принца. Габриэль не успевает отреагировать и статуэтка Белой богини разбивается. Выплёскивается заточённый в ней лунный свет.

Габриэль, вскрикнув, пытается закрыть лицо руками, и мир тонет в молоке.

Привычное восприятие реальности исчезает. Я больше не чувствую пола и словно парю в воздухе. В одном уверена — не я провалилась в небытие, а оно пришло в реальность, выплеснувшись со светом луны.

Зрение возвращается нескоро. Приподнявшись

на локте, я понимаю, что лежу в осколках на полу, рядом бессознательная принцесса.

— Ваше высочество! — вскрикиваю я.

А что принц? Он тоже в глубоком обмороке? Хотело бы. Я бросаю опасливый взгляд на закрытую дверь, за которой скрывается храм. Я не рискну проверять, коснулся ли свет алтаря Песчаного Кадора или его жреца. В худшем случае я об этом узнаю.

Я продолжаю громко звать принцессу, слуг. Никто не отвечает, даже леди Аль.

Самым естественным будет искать помощь в коридоре. Я толкаю дверь, но створка сопротивляется, причём мешает не замок, а препятствие снаружи. Я прилагаю чуть больше усилий, наваливаюсь всем телом. Створка сдвигается.

По ту сторону на полу лежит леди Аль. Я бесцеремонно отталкиваю её, на пробу даю пару лёгких пощёчин. Леди Аль по-прежнему без сознания. Принцесса — я оборачиваюсь — тоже.

— Кто-нибудь! — зову я.

Габриэль постаралась отослать лишние глаза и уши, но покои принцессы остаются покоями принцессы.

— Княжна Кокберг? — на мой крик выходит гвардеец.

— Немедленно позовите врачей и жриц Белой богини, — приказываю я. — Её высочество плохо себя почувствовала. Скорее же! Врачей и жриц Белой богини.

Врачи придут. Пригласить жриц попытка заведомо провальная, но если есть хоть малейший шанс, я им воспользуюсь.

Уйти невозможно. Точнее, я могла бы воспользоваться неразберихой и ускользнуть из дворца, но это повод для обвинений. Я продолжаю играть, возвращаюсь в будуар с несколькими последовавшими за мной горничными.

— Леди! — восклицают он, бросившись к леди Аль.

— Её высочество в приоритете, — отрезаю я.

И леди Аль, и принцесса, обе всё ещё без сознания.

Горничные поднимают Габриэль на диван, ахают. На лбу у принцессы, я только сейчас замечаю, ссадина.

Скромно отойдя в сторону, я застываю у стены.

Девочки суетятся, брызгают холодной водой, зовут, подносят нюхательную соль, однако бестолку. Габриэль никак не реагирует, рука безвольно свисает.

Если принц в таком же состоянии, то про сва-

дьбу можно смело забыть. На сегодня.

Хотя… Как там он сказал? Кадор не против многожёнства? Я не учла Великого князя.

Мне просто нужно выбраться без потерь…

Врач появляется быстро, перво-наперво слушает дыхание, пульс.

— Княжна Кокберг, что случилось?!

Отвечать следует правильно.

— Я случайно разбила статуэтку Белой богини, пролился лунный свет. Похоже, у её высочества очень хрупкая душевная организация. Удивительное совпадение! Утром я сопровождала матушку в храм, и старшая жрица предложила мне статуэтку на выбор. Поскольку её высочество желала меня видеть, я торопилась и так и приехала с благословлённой статуэткой. Неужели?! Неужели Белая богиня таким образом благословляет новую родословную Вадор?!

Я несу всю эту чушь в надежде, что она распространится до того, как Великий князь успеет принять меры. В идеале эта чушь должна меня защитить.

— Габи?! — Великий князь не заставляет себя долго ждать, появляется меньше, чем через четверть часа.

Затянутый в военный мундир, невысокий,

крепко сбитый, с выдающимся покатым лбом. Левая половина волос тронута сединой. Каштановая прядь падает на лицо и закрывает глаз практически полностью, завитком изгибается на нос. Разве ему не должно быть щекотно до чиха? Великий князь подаётся вперёд всем телом, склоняется над дочерью. Руки сцеплены за спиной, костяшки побелели.

Он не пытается ничего предпринять: не тормошит, не зовёт, даже пальцем не притрагивается. Я замечаю слабый молочный свет исходящий от кожи Габриэль, будто её и впрямь коснулось благословение. Для меня это хорошо — сплетни будут доброжелательными и свяжут Великому князю руки. Между тем он рассматривает осколки, цепкий взгляд достаётся пребывающей в обмороке леди Аль, причём её кожа излучает лишь лёгкое сияние. Великий князь смотрит на ширму, на дверь, за которой скрыт храм, медленно поворачивает голову, и мы встречаемся взглядами. Я немедленно склоняюсь в глубоком реверансе.

Врач наивно повторяет мои слова про жриц Белой богини, которых следует немедленно пригласить. Думаю, Великому князю придётся это сделать. Другое дело, что у него на службе могут быть ряженые самозванки вместо жриц.

— Перенесите её высочество в спальню, — приказывает Великий князь. — У Габи действительно… хрупкая душевная организация.

Леди Аль благополучно забыта.

Великий князь снова косится на ширму и стискивает челюсти — показать толпе придворных потерявшего сознание наследного принца не в его интересах.

— Княжна Кокберг, следуйте за мной, — Великий князь не терпящим возражений тоном с плохо скрываемой злостью приглашает меня в кабинет Габриэль. — Я хочу услышать, что именно произошло во всех деталях. Княжна, пожалуйста, расскажите самым подробным образом, ведь вы единственная, кто видел случившееся.

Намёк… скверный намёк, но пока бояться рано.

Антикварный столик на гнутых ножках, когда за него садится крупный мужчина, начинает казаться комично-игрушечным. Я сдерживаю рвущуюся насмешку. Гораздо труднее сдержать гримасу брезгливости.

Штора на окне не задёрнута, и солнечный луч слепит. Я склоняю голову:

— Ваша светлость, сегодня я сопровождала маму в храм. Мама передала для благословения

изготовленные ею изображения Белой богини. Старшая жрица упомянула, что видела во сне лунное озеро и предложила мне выбрать статуэтку из уже благословлённых. Я взяла первую попавшуюся. Когда мы с мамой вернулись из храма, оказалось, что её высочество желает поговорить на деликатную тему и просит немедленно прибыть. О чём именно должен был пойти разговор в приглашении не упоминалось. Я поторопилась и не оставила статуэтку дома. Её высочество приняла меня в будуаре тет-а-тет, речь пошла о тех нелепых слухах… Я забылась, занервничала и случайно выронила статуэтку. Произошло настоящее чудо — хлынул лунный свет! Вероятно, Белая богиня таким образом благословляет Вадор.

— Вы единственная не потеряли сознание, княжна.

Я знаю истинную причину — Габриэль и остальные пострадали из-за связи с песчаниками. Но объяснение, естественно, будет иным:

— Хотя у меня нет дара, я всё ещё прямая наследница Аарона Кокберга. Возможно, в этом дело?

То, что Великий князь может заподозрить у меня пробуждение магии я не боюсь — я легко докажу обратное, пройдя проверку на родовом

артефакте.

— Логично, — соглашается он, устало трёт переносицу.

— Ваша светлость, лунный свет нашей богини не может причинить вред. Уверена, с её высочеством всё будет в порядке. Не может быть, чтобы статуэтка разбилась случайно.

Великий князь хмурится:

— Разве вы не противоречите сами себе, княжна?

— Я имею в виду, что благословение пришло, когда обострились отношения с империей. Если быть точной, накануне прибытия представителя Таэля.

Я упоминаю империю не без причины — напоминаю князю, что Кокберги ему всё ещё нужны, ведь сейчас он лишён не только виверн, но и жреца. Смыла ли луна чужой алтарь?

Предпримет ли Великий князь меры или отпустит?

Я спокойно жду и прислушиваюсь к себе. Если в храме лунный свет мне помог, то в этот раз пустота осталась незаполненной. Я могу лишь гадать, почему так.

— Габриэль успела сказать, какое решение она предлагает, чтобы защитить молодого князя от

Таэля?

Плохо!

Или это шанс избежать неприятного разговора?

— Нет, ваша светлость. Я вскочила как раз, когда её высочество раскрыла для меня, насколько обстоятельства серьёзны и как далеко Таэль готов зайти, чтобы лишить Вадор Огня.

Великий князь вновь берётся за переносицу, теребит.

Я отчётливо осознаю, что моё “случайно” слишком подозрительно. На месте Великого князя я бы не поверила. Именно поэтому я пытаюсь скинуть ответственность хоть на жрицу из храма, хоть на саму Белую богиню, а себя выставить в роли инструмента — в роли проводника божественной воли, но никак не самостоятельного игрока.

— Принц прибудет завтра, — устало вздыхает Великий князь.

— Простите, ваша светлость?

О чём он?

Великий князь откидывается на слишком узкую для него спинку девчачьего кресла.

— Посланцем империи выступит их принц. Он прибудет завтра, княжна Кокберг, — его рот кривится. — Империя намерена показать нам,

что магический мост для них нечто обыденное.

Да!

Да-да-да!

Мне нет дела до моста и желания империи продемонстрировать нам свою непревзойденную мощь. Меня радует, что протокол подразумевает присутствие княжеских семей. Я почти готова поверить в свою безопасность.

— Их мости ничто перед Огнём и Тенями чудовищ, ваша светлость, — уверенно заявляю я, прижав ладонь к груди.

— Княжна, благодарю, — улыбка у него получается вымученная. — Кокберги всегда были надёжной опорой нашего княжества. Исидара, — Великий князь поднимается, — я прошу вас немного подождать. Я должен проверить, очнулась ли Габи.

— Пожалуйста, не говорите так, ваша светлость, — улыбаюсь я. — Разумеется, я буду ждать. Я тоже беспокоюсь за её высочество.

Чутьё и логика мне подсказывают, что Великий князь хочет проверить не Габриэль, а принца, вероятно, до сих пор валяющегося за ширмой, жреца и храм. Мне снова становится тревожно, но я стараюсь держать страхи в узде.

Дожидаясь разрешения вернуться домой, я

принимаю решение — завтра, во что бы то ни стало, я непременно познакомлюсь с имперским принцем.

Глава 20

Ожидание затягивается. Почти час я скучаю в одиночестве в кабинете её высочества. Я замечаю корочки пары интересных книжек, но тронуть без разрешения нельзя, и всё, что мне остаётся — повернуться к окну, любоваться дворцовым парком, думать.

— Княжна Кокберг, — окликает меня одна из фрейлин Габриэль, — вы можете вернуться.

Я игнорирую предложение выметаться.

— Как себя чувствует её высочество?

— К счастью, принцесса пришла в себя. Княжна Кокберг, вы были очень неосторожны.

Хм?

Прищурившись, я склоняю голову к плечу и озадаченно спрашиваю:

— Леди, что вы пытаетесь сказать? Вы пытаетесь назвать лунное благословение несчастливым событием?

— Совсем нет, княжна. Я лишь обеспокоена тем, что вы позволили изображению Белой богини разбиться вдребезги.

Фрейлина разворачивается и уходит, а я зада-

юсь вопросом, когда же мной стали пренебрегать? Я возвращаюсь в будуар, благо дверь распахнута. Ширма сдвинута, что означает, что принца с пола подобрали-таки.

Леди Аль сидит в кресле, распластавшись по широкому подлокотнику, держится за голову и слегка постанывает. Нечего и думать пройти мимо неё в храм Кадора. Да и зачем? Риск неуместен.

Я лишь с показной заботой спрашиваю:

— Как вы, леди Аль? Вам так повезло сегодня, Луна коснулась и вас!

— Княжна Исидара. Я думаю, что сегодня больше всех повезло вам.

— О чём вы? — улыбаюсь я. Я именно этого и хотела — чтобы причастные поверили, что мне сегодня потрясающе повезло.

Взмахнув на меня кончиками пальцев, леди Аль вновь хватается за лоб.

— Везение не будет вечным, — бормочет она.

Я притворяюсь, что не слышу, прошу фрейлин передать её высочеству мои наилучшие пожелания и прощаюсь.

По безлюдным коридорам дворца я иду одна, и шаги тонут в меху ковровых дорожек. Меня сопровождает давящая тишина пустых залов. Ни

одна из фрейлин не вызвалась меня проводить. Впрочем, они и не обязаны. Если я хочу провожатую, мне следовало просить. Или позвать дворцовую служанку. Я не стала — ни присутствие фрейлины, ни, тем более, присутствие горничной, меня не защитит. Я полагаюсь на трезвый расчёт — завтра Великому князю нужна поддержка моей семьи. Но если ритуальное Вино подчинения уцелело, то у меня проблемы… К счастью, мне позволяют выйти беспрепятственно, и я благополучно добираюсь до дома.

Когда я выхожу из экипажа, меня встречают все: мама, папа, Кей, обе мои горничные.

— Иси, наконец-то! Я начала волноваться! — мама протягивает мне руку.

— Дочка, почему её высочество вызвала тебя так внезапно? Что-то случилось?

И только Кей ничего не говорит вслух.

Заверив, что всё в порядке, я увлекаю семью в холл, мимоходом сообщаю, что завтра ожидается прибытие нового посланца империи, и что предположительно Таэль пришлёт принца.

— О? Они его признали?

— Ты о чём? — не понимаю я.

Отвечает папа:

— Правящая семья Таэля следует демонической

традиции. Дети императора признаются принцами и принцессами крови по факту рождения, но не могут использовать титулы и претендовать на привилегии, пока не пройдут инициацию, причём обычно право на инициацию нужно заслужить. Исключение делается для наследника короны, если император умирает и нет времени ждать, когда наследник “заслужит” титул.

— Хорошая традиция, — ляпаю я.

— Исидара!

— Умолкаю.

О лунном благословении я рассказываю за ужином. И выдаю ложную версию — статуэтка разбилась случайно. И если мама стискивает вилку, зажмуривается, папа смотрит с подозрением, но спокойно, то Кей верит сразу и безоговорочно.

Я только вздыхаю. И меняю тему — вновь упоминаю прибытие имперского принца и предстоящее торжественное вручение верительных грамот.

Магический мост в современном виде появился, насколько я знаю, около сорока лет назад. Артефакторы давно мечтают найти способ перемещаться на дальние расстояния, не теряя времени на дорогу, но пока что они так и не

смогли преодолеть денежный тупик, как его называют в газетах и журналах. Чтобы пройти по мосту, нужно использовать энергетические кристаллы-стабилизаторы высшего качества. В процессе кристаллы разрушаются, и получается, что переход стоит как ларчик бриллиантов.

— И они собираются ради пафоса выбросить четверть годового бюджета? — хмыкает Кей. — Что этому принцу так срочно у нас понадобилось?

А ведь брат попал в точку — имперцам нужны песчаники, именно из-за Кадора имперцы торопятся. По крайней мере у Кея есть потенциал…

— Узнаем, — беспечно отмахиваюсь я.

— Нам следует держаться от имперцев подальше. Особенно тебе, сестра.

— Иси, Кей прав. Имперцы опасны.

— Да.

И как мне при такой навязчивой опеке ловить принца? Ну, никто не обещал, что будет легко.

Мама всё ещё плохо себя чувствует. Извинившись, она первой поднимается из-за стола, и папа, естественно, поднимается следом, чинно предлагает маме локоть, но я как только они выйдут из столовой, папа обязательно подхватит маму на руки.

Мы с Кеем переглядываемся и дружно берём по

второму десерту. Он — эклер с заварным кремом, а я — фруктовую тарталетку. В столовой повисает молчание, кажущееся мне неловким, но не похоже, что брат чувствует стеснение.

— Иси, может быть, завтра ты не поедешь? — внезапно выдаёт он.

— А?! Кей… Как ты себе это представляешь? Присутствовать завтра долг каждого из нас. Ты не хуже меня знаешь, как мама не любит появляться в свете, как она себя сейчас чувствует, но она идёт. К тому же я должна увидеться с её высочеством.

— Ты, конечно, права, — разочарованно вздыхает Кей.

Я поднимаюсь и выхожу из столовой. Завтра очередной тяжёлый день — стоит лечь раньше. Но прежде, усевшись у зеркала и вручив Мооране гребень, как обычной горничной, я принимаюсь расспрашивать об имперском принце, но, увы, ничего конкретного выудить не удаётся. Да, талантливый юноша, поступивший на государственную службу наравне с детьми дворян и показавший себя блестяще. Да, умный, находчивый, талантливый. Мооране взахлёб делится восторгом, будто хвастается.

Для себя я уяснила одно — с принцем точно

следует сблизиться, мы найдём общий язык. И именно ему я расскажу про храм Кадора в покоях принцессы.

Ночью меня мучает бессонница.

Беспричинно ворочаясь с боку на бок, я никак не могу заставить себя расслабиться. Наоборот, меня охватывает трепет, сердце стучит от нетерпения. В своё время я так свиданий с Реем не ждала, как сейчас жду знакомства с посторонним принцем.

Почему…?

Я встаю, едва солнце окрашивает восток расплавленным золотом. Несмотря на бессонную ночь, я чувствую себя отдохнувшей, полной сил и готовой повернуть время вспять.

Официальное приглашение во дворец приходит через час после завтрака — видимо, империя до последнего тянула время и окончательно не подтверждала визит принца. Меня не особенно интересует дипломатическая игра, мне в ней места нет. А вот в каком уголке зажать имперского принца…

Я выбираю бледно-розовое строгое платье с длинным жилетом на пару оттенков сочнее. Серебряный гарнитур не вписывается в стиль, но красоте я предпочитаю безопасность и сгла-

живаю неудачное сочетание вычурным поясом с серебристыми кистями.

Кей оказывается глазастым там, где не надо:

— Сестрёнка, я заметил, ты дорожишь новым гарнитуром, хотя украшения выглядят обыденно. Тебе его… кто-то подарил?

Шагнув к Кею, я касаюсь его плеча кончиками пальцев:

— Вообще-то, это секрет, но…

Широко распахнув глаза, брат подаётся вперёд:

— Иси?

— Имперский принц подарил, — почти не соврала. “Посол” тоже на букву “п”.

— Не шути так!

Я кривлю губы в улыбке.

Кей обиженно отворачивается.

В холл спускаются родители, и брат не решается продолжать при них, однако взглядом показывает мне, что разговор не завершён. Я едва заметно фыркаю, чтобы увидел только Кей. Брат ещё больше хмурится, задор боевого петуха так и искрит.

— Идём? — окликает нас папа.

Тот редкий случай, когда во дворец мы поедем все вместе — на вечерние торжества полагается прибывать кортежем в четыре-пять экипажей,

в последних едут слуги и сменные наряды. Но сегодня иначе — всего лишь официальное приветствие. Интересно, даст ли Великий князь бал в честь его высочества? Сомневаюсь.

Большую часть пути я молчу, а вот папа и брат наперебой обсуждают, какая империя высокомерная и насколько нелепа эта демонстрация силы и богатства:

— Даже если они запустят тысячи мостов, и их солдаты придут в столицу, мы остановим их Огнём и Тенями.

— У империи нет магов, — вклиниваюсь я, — но есть артефакты. Откуда нам знать, что имперцы не вооружили солдат магией?

— Невозможно, — отмахивается Кей. — Невозможно перевооружить армию незаметно. Всегда останется след, особенно финансовый, который заметят представители наших торговых гильдий.

Спорное утверждение.

— Дочка, не волнуйся, живая магия всегда превзойдёт созданную. Кей просто сожжёт любые артефакты.

— Да, сестра, не волнуйся! У империи нет ни единого шанса.

Угу. Только в расклад не вписывается третья

сила — песчаники.

Мама отодвигает штору — за окном Дворцовая площадь, мы приближаемся к воротам. Движение замедляется, ведь предполагается, что присутствовать будут не только князья и их семьи, но и лорды, влиятельные придворные, высокопоставленные чиновники. Вадор постарается показать свою мощь…

Как можно показать то, чего нет?

Мы проползаем под аркой ворот и ещё минут через десять останавливаемся, дверца распахивается — нас встречают облачённые в парадную форму гвардейцы. Папа выходит первым, помогает спуститься маме. Мы с Кеем следуем за родителями. Когда мы начинаем подниматься по лестнице, наш экипаж отъезжает, уступая место следующему. Кажется, за нами прибыли Ардены.

Гулкий вестибюль, парадная лестница, ведущая на второй этаж, широкие, устланные ковровыми дорожками коридоры и, наконец, тронный зал, сохранившийся со времён Дарена Вадора.

— Князь Кокберг с семьёй, — объявляет церемониймейстер.

Зал полон, только центр свободен для имперцев. Сегодня чем выше статус, тем позже можно

прибыть, но очерёдность значения не имеет, разве что Великий князь, наследный принц и принцесса появятся последними, перед самым прибытием имперской делегации.

Князь Ярес с семьёй уже здесь, занял место на нижнем ярусе тронного возвышения. Папе с мамой предстоит встать рядом с ним, а мы с Кеем, как и младшие члены семьи Ярес, останемся у тронного возвышения в самом низу. Появляются Ардены, я не ошиблась. Шерсы чуть опаздывают, но вскоре прибывают и они.

В прошлом нижний ярус создавался из расчёта на пятерых князей с супругами. Свободное пространство смотрится брешью в обороне Вадора.

— Его светлость Великий князь, — церемониймейстер объявляет о прибытии правящей семьи.

Распахиваются створки за тронным возвышением. Я разворачиваюсь полубоком к трону и склоняюсь в глубоком реверансе. Я стою близко, и мне слышны приглушённые шаги. Великий князь подходит к трону, останавливается.

Стихают шаги принца и принцессы.

— Лорды и леди, сегодня империя Таэль, обеспокоенная трагической гибелью господина посла в результате несчастного случая на охоте, выразила желание прислать в качестве ново-

го полномочного представителя два дня назад инициированного принца Шенайского. Я рад встретить высокого гостя плечом к плечу с вами, чтобы империя увидела единый сильный Вадор.

Приветствие прозвучало, можно выпрямиться.

Кей явно в восторге.

Вспыхивает и стихает гул.

В центре зала по сторонам от красной дорожки медленно наливаются столбы света. Я впервые вижу магический мост. Между столбами в метре над полом появляется такая же световая перемычка. Свет протягивается в входным дверям, но не дотягивается.

Сияние с яркими блёстками смутно похоже на лунный свет Белой богини, но при взгляде не возникает ни ощущения подавляющей мощи, ни трепета.

В сиянии появляются очертания силуэтов — имперцы идут.

По мере приближения силуэты обретают чёткость. Игра блёсток уступает место цветам, и вот уже просматриваются парадные мундиры. Первым идёт принц Шенайский. На долю мгновения он замирает между столбами света, словно паря над полом и намекая на недостижимость имперской высоты для Вадора.

Он… издевается!

Принц одет идеально, за исключением одной детали. Его лицо скрыто за нарочито небрежной уродливой деревянной маской. Толстый, в палец толщиной, овал размалёван тёмно-красной краской. Чёрные зрачки-кляксы неровно обведены белым. Чёрной же чертой проведён рот. Мазком обозначен выпирающий клык. Будто ребёнок рисовал. Но изображение ни с чем не спутаешь — демоническая рожа.

Это нормально — так открыто заявлять о своём происхождении?

Кей на грани слышимости отпускает весьма нелестный комментарий.

Маска держится на двух широких ремнях, стянутых на затылке. Не похоже, что маску можно просто приподнять. Если принц откажется её снять полностью… то забудьте про званый ужин. Будет весьма странно, если гость не только не притронется к еде, но и не поддержит ни одного тоста.

Сопровождающие выстраиваются за принцем полукругом и в знак приветствия не кланяются, а лишь склоняют головы. Принц не делает даже этого, наоборот, он почти запрокидывает голову, пока свет за его спиной медленно исчезает.

— Его высочество принц Шенайский, полномочный представитель Таэля, со свитой, — зычно объявляет церемониймейстер.

Один из сопровождающих принца выходит вперёд, и, поравнявшись с его высочеством, протягивает к трону ларец на бархатной подушке. С нашей стороны ларец забирает лорд Ликс, на вытянутых руках он относит ларец к тронному возвышению, и пока он идёт, имперец возвращается в полукруг. Другой лорд открывает крышку, бережно вынимает верительные грамоты и демонстративно ломает печать. Треск разносится на весь зал. Гости терпеливо ждут окончание ритуала. Церемониймейстер зачитывает послание императора, удостоверяющее личность и полномочия принца.

И, наконец, вступает Великий князь:

— Добро пожаловать в Вадор, ваше высочество принц Шенайский. С прибытием.

— Ваша светлость Великий князь, — откликается принц.

Скупость в словах отчётливо показывает напряжение в отношениях наших стран. Я действительно не понимаю, зачем этот фарс с мирным урегулированием? Почему Таэль не нападает? Нет, я не желаю вооружённого вторжения, но я

не представляю, как иначе очистить полуостров от песчаников.

Меня другое заботит. Я вслушиваюсь в слова принца. Голос у его высочества ясный, звонкий, почти мальчишеский, совсем не такой, как у господина посла, но… есть что-то знакомое, есть!

Начинаю понимать…

Я верила, что он жертвует собой во имя избавления от виверн, а он…

Но я же собственными глазами видела окровавленное тело, именно поэтому посчитала, что он мёртв.

Если это действительно он… Прибью!

Господин посол не давал мне ложных обещаний, предупреждал, что я не должна придумывать лишнего и тем более влюбляться, но здравый смысл ничто, когда в душе кипит обида. Ярость опаляет изнутри.

Я чувствую себя кипящим котлом, и кого-то прямо сейчас ошпарит.

Взгляд цепляется за манжет.

Точнее за край белоснежного шёлка. На его запястье почему-то до сих пор моя лента, чудесным образом не пострадавшая на охоте.

И я срываюсь. Выругавшись сквозь зубы, я выбегаю вперёд на красную дорожку.

— Иси?! — слышу я крик Кея, но зрители для меня сейчас не существуют.

Я налетаю на принца, буквально набрасываюсь.

Он, словно испугавшись, отступает на шаг. А я, ни заботясь ни о чём, протягиваю руку и быстрее, чем он успевает отреагировать, хватаюсь за край маски и рывком сдёргиваю её, отбрасываю.

Где-то там, далеко, деревяшка ударяется о мрамор, по залу прокатывается вздох удивления, ведь у принца лицо погибшего господина посла.

Ну да, живой, целый и невредимый.

Его высочество смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Такого он от меня явно не ожидал.

Я же…

Ярость кипит и требует выхода.

— Ты! — хватаю его за ворот. — Я думала, ты действительно погиб! Ты знаешь, что я чувствовала?!

На самом деле он мне ничего не должен, моя боль — моя беда, но его взгляд наполняется виной. Мне всё равно — мои упрёки будут стёрты, как будто их никогда и не было. О чём беспокоиться? С моим даром прямо сейчас я могу позволить себе, что угодно. И я пользуюсь возможностью

— обеими руками обхватываю его за шею, привстаю на цыпочки и целую.

Целую так, что дух захватывает. Страсть затмевает всё и вся.

Господин посол дезориентирован окончательно и бесповоротно, а я чувствую наваливающееся опустошение. Эмоциональное выгорание, да? Отстранившись, я быстрым шагом возвращаюсь к тронному возвышению. Не потому что нужно вернуться, а чтобы перевести дыхание, унять сердцебиение, отдышаться, собраться с мыслями.

Магия послушно сжигает время.

Покачнувшись, я слышу, как Великий князь завершает приветствие:

— С прибытием.

Я никогда не выбегала к послу, ни срыва маски, ни поцелуя не было.

Кей крепко стискивает меня за локоть, не позволяя потерять равновесие и упасть.

Я оглядываю зал, убеждаюсь, что гости спокойно наблюдают за прибытием имперцев, никто не шокирован, скандальная выходка существует лишь в моей памяти. Принц в маске, как и должен быть.

Но почему он отвечает на приветствие с бес-

причинной заминкой?

— Ваша светлость Великий князь.

Наверное, и пауза и хрипота, как у сеньора Поморро мне почудились — в голове кавардак, трудно воспринимать повтор нормально, я всё ещё переживаю поцелуй. Мне по-настоящему жарко.

— У тебя горят щёки, — замечает Кей. — Иси, ты простыла?

Братик, знал бы ты, что сейчас было… Нет, тебе лучше не знать.

— Я в порядке, — шепчу я.

Дышать тяжело…

Я стараюсь не смотреть на господина посла. То есть на принца.

Почему он продолжает таскать мою ленту?

Нет, не о том мне надо думать. То, что я узнала его личность, ничего в моих планах не меняет. Я должна зажать его в угол и, во-первых, рассказать про храм во дворце, во-вторых, раз уж он так удачно подвернулся под руку, расспросить об истории Кокбергов имперского периода, то есть до возникновения княжества.

Я слишком погружена в себя, что что-то происходит, я замечаю слишком поздно — по тому, как напряглась рука брата.

— Таэль, — говорит его высочество, — настаивает на подтверждении взаимных мирных намерений через брачный союз.

— Ваше высочество, вы не можете не знать, что принцесса Габриэль уже помолвлена.

— О? Разве я упоминал её высочество? Мне доподлинно известно, что свободна и не имеет дара, а значит не связана долгом защищать границы Вадора, княжна Исидара Кокберг.

Интерлюдия 3

— Ты уверен, что действительно готов к инициации? — отец хмурится, но позволяет принять решение самостоятельно, не препятствует. И я очень ценю его доверие.

— Да, — уверенно лгу я.

Империя нуждается в принце прямо сейчас. Если быть точным, империя нуждается в демоне, способном противостоять жрецам Песчаного Кадора. Поскольку император лично не может отправиться на передовую, это буду я.

После инициации магия перестанет быть для меня угрозой — прямой удар не сможет причинить мне ни малейшего вреда. К сожалению, неуязвимым я не стану и к тому же стану невосприимчив к целительству, но преимущество настолько очевидно, что я не могу его не полу-

чить.

Я спускаюсь на пару ступенек лестницы, ведущей в зал Испытания. Пожалуй, есть кое-что, что я хочу прояснить прямо сейчас, до начала. Я останавливаюсь и оборачиваюсь:

— Я намерен жениться на княжне Исидаре.

Отец не выглядит удивлённым. В его глазах появляется понимание, будто он лучше меня знает, почему я заговорил о браке именно сейчас. Что, впрочем, не мешает ему усмехнуться:

— Неужели? Занятно… Кажется, когда министр иностранных дел рекомендовал присмотреться к принцессе Фиотской, ты согласно кивал.

Тогда у меня не было причин возражать.

Сейчас…

— Княжна полезнее. Вадор похож на курицу без головы, нынешнюю семью у власти я за правящую не считаю. Ты позволишь Вадору существовать дальше, после того, как мы решим проблему с песчаниками, или… вернёшь в состав Таэля?

Возвращение ударит только по аристократии Вадора — столичные лорды, привыкшие считать себя вершиной иерархической пирамиды, обнаружат, что теперь они провинциалы, провалившиеся на пару ярусов вниз. В иерархии

имперских аристократов своя элита, в которую никто, кроме вадорских князей, не впишется.

Простолюдины же от воссоединения только выиграют — исчезновение таможенных пошлин повлечёт за собой резкое снижение цен, активизируется торговля, начнётся бурный экономический рост.

— Аристократы найдут, кого назначить претендентом на трон, — пожимает плечами отец.

— Брось. Тебя волнует только реакция Белой богини, и я убеждён, что лучшего момента получить её одобрение у нас не будет.

У богини есть справедливая причина на нас злиться — наши предки не отстояли её первохрам, бросили полуостров.

— Именно поэтому ты женишься на княжне?

— Брак станет залогом мира между нашей семьёй и княжескими семьями.

Политическая выгода огромна, я не преувеличиваю.

— Сын, я, конечно, слепой и не вижу, что каждый раз, когда ты упоминаешь княжну, взгляд у тебя становится кристально-чистым, лишённым всяческого намёка на интеллект, зато счастливы-ым. Я не возражаю. Я согласен, что наладить отношения с княжескими семьями лучшее ре-

шение. Кстати, княжна Исидара Ярес, Арден или Шерс?

Хм?

— Кокберг.

— Что? Кокберг? — разочарование настолько явное, что я теряюсь. — Сын, как тебя угораздило? Однозначно, нет.

То есть?

Конечно, князь Кокберг на всю голову… Кокберг. Да и сынок, Исин брат, недалеко ушёл, хотя и не безнадёжен. Его бы в нашу школу, чтобы в мозгах порядок навести. Но их… идеализм никак не может быть причиной запрета.

Я что-то упустил?

Пока я думаю, отец хлопает меня по плечу и уходит. Он прав — я должен сосредоточиться на деле, обсуждение брака подождёт, тем более решение я уже принял, осталось получить согласие самой Исидары. С отцом уж я разберусь.

Зал Испытания встречает меня полумраком и тишиной. Каменная плита медленно опускается, отрезая возможность выйти. Она поднимется только после моей победы. То, что право на инициацию нужно заслужить, чушь. К ней нужно готовиться, это правда. Часто младшие вообще отказываются проходить Испытание. Что за

радость — ради титула застрять в ловушке и умереть от жажды? Смертельные исходы время от времени случаются, и только следующий испытуемый сможет забрать истлевшие останки. Если победит.

Вдоль стен клубится иллюзорный дым. Алтарь вспыхивает мягким светом — хороший знак. Я читал, что сияние появляется далеко не всегда, однако его появление совершенно не гарантирует, что я пройду Испытание.

В горле начинает першить, едкий запах дыма раздражает нос. Хотя я стараюсь концентрироваться на окружающей реальности, внимание постепенно рассеивается. Так и должно быть, но отец советовал сопротивляться, насколько возможно.

В какой-то момент я забываю, где я нахожусь и зачем.

— Исидара? — почему мы наедине в незнакомой гостиной?

— Я скучала, — улыбается она. — Я рада тебя видеть.

— Я тоже рад.

Какая в самом деле разница, как я оказался… Иси протягивает мне руку и я, как зачарованный, делаю шаг навстречу, касаюсь её ладони пальца-

ми. Её рука пугающе холодна, а её слова сладкие до приторности:

— Угоститесь, господин посол? С кофе. Я полюбила… ваш кофе, господин посол. А её высочество прислала конфеты.

Ни конфет, ни сервиза на столике не было, и вдруг появились… Что-то неправильное происходит, и Исидара, которую я знаю, держалась бы иначе, но я не успеваю осознать, что именно неправильно. Я только понимаю, что коробка вскрыта, пары шоколадных шариков, облепленных кокосовой стружкой, не хватает, а Исидара сдавленно, словно задыхаясь, всхлипывает.

— Иси?!

Она падает. Я чудом успеваю подхватить и опустить на диван. Из уголка её губ течёт алая кровь. Яд, без сомнения, принцесса использовала яд.

Если прямо сейчас ничего не предпринять… Нужен либо целитель, либо жрица Белой богини. Добраться до храма проще всего.

Я поднимаю Иси на руки.

— Больно, — жалуется она едва слышным шёпотом.

Проклятье! Насколько больно ей должно быть, раз она призналась?!

Хотя количество жриц и жрецов сократилось,

в столице нет заброшенных храмов, Великий князь скрывает предательство богини весьма грамотно. Найти ближайший храм — пять-семь минут, надо только спуститься на улицу. Иси, умоляю, держись.

Дверь отказывается открываться. Я пробую сильнее, дёргую створку — безрезультатно. Иси стонет.

— Прости. Потерпи. Я сейчас, — я опускаю Иси-дару на пол.

Она пытается удержать меня непослушными пальцами:

— Не бросай меня.

— Я здесь, потерпи.

Она продолжает звать. Ужасно…

Я пытаюсь выбить дверь, но с таким же успехом я мог бы биться в каменную стену. Дом будто вымер, на крики никто не отвечает.

Я бросаюсь к окну.

С каких пор на окнах решётки?! Не выбраться… А Иси становится всё хуже и хуже.

Меня накрывает чувством полнейшего бессилия. Всё, что мне остаётся — смотреть, как гибнет важный для меня человек. Я лихорадочно ищу выход из западни, но бесполезно, всё бесполезно.

Иси протягивает руку:

— Просто проводи меня, — просит она, явно подразумевая чертоги Белой богини.

Проклятье!

Не может быть, чтобы выхода не было, чтобы дом был пуст, а улица — безлюдной. Это ненормально! Я сажусь рядом с Исидарой, и она тотчас прижимается к моему плечу, стонет. Она ещё может меня обнять… Будто спелёнывет.

Зачем давать яд, который действует настолько долго, что жертву можно спасти? Принцесса могла применить любой другой яд. Вся ситуация несмотря на её реалистичность, абсурдна.

Я привстаю. Иси откликается стоном, полным боли.

— Прости…

Оглядываясь, я начинаю видеть сквозь иллюзию. Дверь не открывалась, потому что она действительно из камня, её не вышибить, окон вовсе нет. Иллюзия тает, я узнаю зал Испытания. Я наконец-то вспомнил, где я и что происходит.

— Больно, — жалуется Иси, теребя меня за рукав

— Сейчас… Тебя посмотрит императорский целитель, хорошо?

Почему плита не поднимается?! Чтобы выйти, нужно выбраться из иллюзии, я справился, от

гостиной не осталось и следа.

Может быть зал иллюзорен тоже? В смысле иллюзия, повторяющая реальность, накладывается словно вторая кожа? Я всматриваюсь в стены, в алтарь. Не похоже, что моя догадка верна.

Иси затихла. Тяжёлое дыхание успокаивает — она ещё жива. Я пытаюсь отстраниться, но Исидара крепко стискивает меня в объятиях, ещё и ногами обхватывает для надёжности. Откуда только силы взялись?

Нет, неправильный вопрос. Откуда Исидара взялась здесь, в зале Испытания? И почему ей плохо, если и конфеты, и отравленная начинка ненастоящие? Как только я замечаю очередное несоответствие, Иси на глазах становится лучше — дыхание выравнивается, бледность исчезает, Иси больше не стонет от боли и вообще оживает, а вот руки остаются холодными.

До меня наконец доходит, что я не справился с самой главной иллюзией Испытания. Иси… не настоящая, слишком легко льнёт ко мне, как будто вышла из моих фантазий.

Я пытаюсь встать, но Исидара не пускает. И не исчезает, как все прочие разоблачённые иллюзии.

— Если ты хочешь выйти, тебе придётся убить

меня, — с прежней улыбкой заявляет она.

Это правда или часть испытания?

Я закрываю глаза, чтобы отстраниться. Помогает слабо — я всем телом ощущаю её близость, слышу её дыхание, и понимания, что это не по-настоящему, не хватает — меня бросает в жар. Тело желает продолжения. Я стискиваю кулаки до того, что ногти ранят кожу, заставляю себя сосредоточиться.

Почему она не исчезает? Потому что… в глубине души я не хочу?

Плохо…

Открыв глаза, я ловлю её лицо ладонями, заставляю встретиться со мной взглядом. Иллюзорная Исидара не возражает. Губы чуть приоткрыты, в глазах поволока. Мы могли бы прямо сейчас… Но я не хочу с подделкой, каким бы идеальным воплощением мечты она ни была.

— Исчезни, фальшивка, — приказываю я. Теперь я уверен в своём выборе, и иллюзия послушно тает.

— Тогда ты останешься один, — хмыкает она, прежде чем окончательно развеяться.

Я поднимаюсь на ноги. Надо признать, угроза неприятно царапнула. Я не боюсь одиночества, но в то же время… я не хочу быть один. В Таэле во

мне прежде всего видят сына императора. Кому интересно, могу я официально пользоваться титулом или нет? Всё равно я в очереди на корону. С Иси иначе. Княжна априори по статусу выше какого-то там господина посла. Впрочем, Иси никогда не смотрела на меня сверху вниз, держалась… да никак она специально не держалась, просто общалась, и это подкупает.

Алтарь вспыхивает. Или у меня в глазах темнеет?

Очнувшись, я вижу открытый проём.

Испытание пройдено?

Затылок тянет. Кажется, падая, я приложился головой. Потерев шишку, я не тороплюсь бежать на выход. Вдруг это очередной обман зрения? Я прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Что-то изменилось… Опустив взгляд на руку, я без усилия… выпускаю когти. На коже проступают мелкие костяные пластинки, создающие естественную броню, меняется форма кисти. О подобном я только читал: инициация открывает новые способности, но у всех по-разному. Отец, насколько я знаю, менять ипостась не способен. Впрочем, не исключено, что он скрывает свои истинные возможности, как их буду скрывать я.

Я получил гораздо больше, чем ожидал.

Алтарь медленно гаснет.

Вернув руке человеческий вид, я оглядываюсь. Зал очень долго пустовал, до меня инициацию проходил мой отец, он забрал останки своего старшего брата, погибшего на Испытании…

Пожалуй, мне стоит поторопиться и дать знать, что я жив, причём не только отцу. Я вдруг впервые усомнился, что оставить Иси в неведении было правильным решением. Конечно, правильным — чувства не повод ставить под угрозу государственную безопасность. Уверен, Иси поймёт… Хах, почему мои оправдания звучат откровенно жалко?

Плита приходит в движение, и я, отбросив пустые мысли, выскакиваю из зала. Плита точтас с грохотом перекрывает проём, и в будущим она откроется только перед следующим кандидатом.

На вершине лестницы появляется отец:

— Сын?!

Кто же ещё?

— Я справился, — улыбаюсь я.

— Ты… быстро.

— Я же обещал, — хмыкаю я, быстро взбегаю по ступенькам и на миг обнимаю отца.

Переживая потерю Исидары, я осознал, что если кто-то не показывает чувств, не позволяет

эмоциям брать верх над здравым смыслом, это не значит, что чувствами человека можно пренебрегать.

Для нас обоих обниматься и показывать эмоции непривычно, отец смотрит на меня с удивлением, но не отстраняется.

— Тебе было тяжело, — почему-то решает он.

На самом деле нет. Я проходил Испытание не ради титула, не ради обретения силы как таковой. У меня была цель, и именно она меня вела.

Тот, кому было по-настоящему тяжело — отец. Если бы он не волновался, разва бы он ждал меня у дверей? Каково ему было отпускать меня в зал, откуда не вышел его брат, отпускать, зная, что я толком не готов? А я вёл себя так легкомысленно…

— Нет, не тяжело, — заверяю я.

Отец отстраняется. Пожалуй, впервые я вижу его смущённым.

— Иди отдыхай. Визит назначим на завтрашний полдень. Судя по последнему сообщению твоего Манса, песчаники готовятся к Большому жертвоприношению.

— Да.

Ожидание займёт неполные сутки…

Когда отец уходит, я, естественно, поворачиваю

в противоположную от своих покоев сторону — в архив.

Отец не стал возвращаться к теме моей женитьбы на Исидаре. Вероятно, посчитал, что я принял его запрет, раньше я никогда не бунтовал. Спрошу о причинах, если не разберусь сам. Я приблизительно догадываюсь, что именно могло произойти между нашей семьёй и Кокбергами…

Ускоренная подготовка первого зарубежного визита наследного принца не шутки, нагрузка ложится не только на всё министерство иностранных дел, но и на императора лично. Проблема не в визите как таковом, а в том, как его воспринимают наши соседи — как желание расширить территорию, за счёт захвата соседнего княжества. Ну, они правы.

Нормально поговорить с отцом больше не получается. Уже перед самым отбытием он сообщает:

— Посол Лидсана намекал, что принцесса Фиотская до сих пор не помолвлена. Я подтвердил, что второй твой зарубежный визит будет в Лидсан.

Артефакторы развёртывают магический мост, и я шагаю в свет. То, что я стал невосприимчив к магии, не помешает мне пройти через искажённое пространство.

— Не получится, отец, — я имею в виду не сам

визит в Лидсан, а помолвку с посторонней принцессой.

— Что?

Я поправляю на лице уродливую деревянную маску.

— Разве после возвращении я буду заключён в тюрьму по обвинению в неподчинении императорским указам? Прямо сейчас я иду свататься к Исидаре.

Что отвечает отец, я уже не слышу.

Каких-то пять шагов, и я в Вадоре, в тронном зале столичного Великокняжеского дворца. На миг я замираю, ищу Исидару взглядом, хочу увериться, что она жива и в полном порядке. И, только найдя её взглядом, спускаюсь на ковровую дорожку, позволяю остальным членам делегации пройти.

Начинается нудный, но необходимый церемониал.

— Его высочество принц Шенайский, полномочный представитель Таэля, со свитой, — объявляет церемониймейстер.

Пока что от меня требуется только стоять и наблюдать за передачей верительных грамот.

Зачитывается послание императора. Я слушаю, но не особенно вслушиваюсь — обычная

дипломатическая муть, текст я читал до того, как грамоту запечатали.

Представление завершено, начинается приветственная часть:

— Добро пожаловать в Вадор, ваше высочество принц Шенайский. С прибытием, — Великий князь не утруждает себя многословием.

Я отвечаю в той же манере:

— Ваша светлость…

— Исидара!

Иси?!

Она ломает построение, ломает протокол. Безрассудство, которое совершенно не в её стиле… Я не могу понять, что происходит до последнего, до того момента, как Иси просто срывает с меня маску, не думая о толпе зрителей, о том, какой скандал разразится и как ударит по отношениям наших стран.

Разве она прямо сейчас не провоцирует войну?!

Откуда в ней столько уверенности в собственных действиях?! Безумие каким-то чудом сочетается с трезвым расчётом. Иси хватает меня за воротник, сыплет обвинениями. Она права… Я причинил ей боль и в этом виноват.

Она не даёт мне и шанса опомниться, прижи-

мается губами к моим губам, целует. И… я сдаюсь. Смысл отказываться, когда вся дипломатия уже в руинах? Я что-нибудь придумаю, обязательно придумаю, но чуть позже, как только отдышусь. Едва ли Великий князь меня опередит. Вадорцы шокированы куда больше.

Не важно, сейчас для меня есть только Исидара. После фальшивки, оставившей острое чувство неудовлетворения, настоящая Иси сводит меня с ума.

Исидара отстраняется и сбегает, зачем-то возвращается к трону. Что она делает?! Как я смогу её защитить, когда она ушла? За сорванную маску её бы похвалили, но за поцелуй с имперцем… порвут свои же.

Воздух вспыхивает невидимым огнём.

Незримая сила дёргает, заставляя сменить позу. На миг я чувствую себя шарнирной куклой в руках ребёнка-великана. На лицо возвращается маска, причём она не прилетает по воздуху, а просто возникает на лице.

Что за…?!

— С прибытием, — говорит Великий князь абсолютно спокойным тоном.

Что?

Это же финал короткого приветствия…

В зале тишина, будто не было только что ни скандального разоблачения, ни ещё более скандального поцелуя.

Исидара, глядя на меня… заливается румянцем?

— Ваша светлость Великий князь, — отвечаю я после заминки.

Занятно…

Дикая кошечка попалась. Помнится, Исидара поклялась выполнить любое моё желание, если я узнаю её источник информации. Узнал — она черпает сведения из будущего. Оказывается, княжна, считающаяся обделённой, на самом деле обладает потрясающим даром. Огонь и Тени рядом с ней смотрятся… ущербно.

В общем, я получил ещё один довод в пользу брака с Иси.

— Таэль настаивает на подтверждении взаимных мирных намерений через брачный союз, — объявляю я.

Кто-то сзади давится воздухом. При подготовке визита мои матримониальные планы не были озвучены, так что, господа дипломаты, сюрприз. С отцом перед отбытием я говорил тихо, они могли не слышать.

— Ваше высочество, вы не можете не знать, что

принцесса Габриэль уже помолвлена.

Естественно, я знаю.

— О? Разве я упоминал её высочество? Мне доподлинно известно, что свободна и не имеет дара, а значит не связана долгом защищать границы Вадора, княжна Исидара Кокберг, — я строю ответ так, чтобы заранее разбить все возможные аргументы.

Великий князь задумывается на долю мгновения:

— Если Таэль настаивает, то во имя мира Вадор принимает условия и добрые намерения империи. Ваше высочество, мы даём наше согласие на ваш брак с княжной Исидарой Кокберг.

— Ха?! — не сдерживается Кей. Дурной мальчишка…

Исидара молчит, а вот старший и младший князья Кокберги в бешенстве. На лицах гнев и жажда крови, но им хватает выдержки не броситься убивать меня прямо в зале. Наверное, подождут с расправой до момента, пока мы не останемся без свидетелей.

Обмен любезностями продолжается.

Глава 21

Кей подаётся вперёд, будто собирается броситься на имперского принца. Он разум потерял?! Я

стискиваю его руку, заставляю очнуться, вспомнить, что мы вообще-то во дворце.

— Как он смеет? — шипит Кей.

— Кто?

— Имперец.

Тронный зал не место для споров. Достаточно, что мама точно так же придерживает отца.

Интересно, почему Великий князь с удивительной лёгкостью отказался от собственных планов? Не думает, что дело дойдёт до свадьбы или уцепился за возможность оттянуть вторжение? Будущее слишком изменилось, я больше не могу предсказывать, что у кого творится в голове….

Церемония приветствия не затягивается, вскоре Великий князь приглашает принца проследовать в выделенные для представителей Таэля покои, но принц отказывается, и тон жёсткий, непримиримый:

— Надеюсь, ваша светлость примет во внимание моё желание остановиться в посольстве.

— Как вам будет удобнее, ваше высочество.

Хм?

То ли его высочество открыто демонстрирует недоверие, то ли хочет получить свободу манёвра. Для меня важно, что встретиться с принцем в посольстве будет гораздо проще, чем во дворце,

а благодаря его предложению, у меня есть отличный повод для беседы, моя поездка в посольство не будет выглядеть излишне подозрительной, хотя неизбежно привлечёт внимание.

Делегация покидает тронный зал, двери захлопываются, и Великий князь поднимается. Приём окончен, правящую семью следует проводить поклонами и реверансами. Как только Великий князь, принц и принцесса уйдут, мы свободны.

Если честно, я хочу как можно скорее вернуться домой, выпить чашечку кофе, привести мысли в порядок, но…

— Княжна Исидара, поздравляю! Кто бы мог подумать, что вы обретёте счастье так скоро!

Сколько яда…

— Князь Кокберг, вы станете тестем принца Шенайского и, возможно, однажды — императора Таэля.

Надо уходить… Пока леди и лорды не довели папу до смертоубийства.

— Князь Кокберг.

Неприметный мужчина, круглый, лысый, с широкой неестественной улыбкой оказывается среди обступивших нас аристократов. У секретаря Великого князя удивительная способность до последнего оставаться незаметным, но при

необходимости без капли усилий привлекать внимание. Разговоры стихают.

— Лорд…

Секретарь Великого князя перебивает:

— Князь Кокберг, его светлость ожидает вас. С вашего позволения я вас провожу.

— Д-да…

Я напрягаюсь. А не собирается ли Великий князь прямо сейчас разделить нашу семью и… И что “и”? Что я могу сделать, кроме как отмотать время вспять? Я бессильно наблюдаю, как папа скрывается в толпе придворных.

Маловероятно, что Великий князь навредит…

— Мама, стоит ли нам выйти в сад, пока мы ожидаем князя? — спрашиваю я.

Кей отпускает меня, с тревогой всматривается в мамино лицо. Вернулась бледность или нет, не понять, лёгкий макияж скрывает усталость, мама выглядит свежей, но хрупкой. Она всегда старается выглядеть хрупкой.

— Выйти на свежий воздух было бы неплохо, — улыбается она и с благодарностью опирается на руку Кея.

— Княжна, — отвлекает меня полузнакомая леди, — поздравляю!

Началось…

Несмотря на дурные предчувствия, ничего плохого вроде бы не случается. Папа возвращается довольно быстро, и больше никто не препятствует, мы свободно покидаем дворец. Странность я замечаю уже в экипаже — папа не просто спокоен, он будто в приподнятом настроении.

— Па… Великий князь пригласил тебя из-за имперского принца, да? — осторожно уточняю я.

— Да, Иси. Ты можешь не бояться. Свадьбы не будет. Его светлость обещал принять меры.

— Он предложил какое-то решение?

— Тебе не стоит волноваться, Иси. Великий князь пообещал, что защитит тебя. Он обещал, что придумает решение.

То есть конкретного плана ещё нет? Или папа скрывает? А если скрывает, то почему? Не доверяет? Я окончательно отделилась от семьи?

В любом случае мне нужно встретиться с… женихом. И я вспомнила, как это сделать не через посольство.

— Хорошо, — улыбаюсь я папе. — Кстати, было бы неплохо почаще видеться с её высочеством. Но я не знаю, будет ли принцесса устраивать вечера…

— Ты права, — соглашается папа.

Я поддерживаю пустую болтовню, пока мы

не доезжаем до дома. Экипаж останавливается, разговор прерывается. Кучер открывает дверцу, и родители выходят из экипажа первыми. Кей помогает мне спуститься. Я замираю стоя одной ногой на мостовой, другой — на подножке.

— Иси? — удивляется Кей.

— Па-а-а… Если я поеду к её высочеству, у меня совершенно нечего надеть! Почти во всех платьях, которые у меня есть, я уже появлялась. Мне нужно в ателье!

— Иси…

Я поворачиваюсь к кучеру и называю в качестве места назначения не самый популярный салон готовых платьев. Я выбрала его по одной единственной причине — на соседней улице я найду Манса. То, что последней нашей встречи в реальности не было и вообще-то я не могу знать новый адрес… мелочь, которой я собираюсь пренебречь.

— Дочка, ты уверена, что это хорошая идея?

— Но мне нужны новые наряды, — я изображаю полнейшую растерянность. — Поехали!

Папа не успевает возразить, я ныряю обратно в экипаж. Кучер, естественно, ждёт указаний, в присутствии главы семьи моего слова не достаточно.

— Иси…

— Если тебе нужны платья, конечно, съезди, — вмешивается мама.

Папа сдаётся.

Кучер тянется, чтобы закрыть дверцу.

Кажется, что Мооpаца буквально материализуется на крыльце, настолько быстро она выскакивает. Кей только глазами хлопает, а Мооpаца уже кланяется родителям с грацией и достоинством горничной в седьмом поколении, не меньше. Она поворачивается ко мне:

— Госпожа, следует ли кому-то из горничных сопровождать вас?

— Да, Лина, ты мне пригодишься, — удачно получается. Сейчас мне телохранительница нужна как никогда.

Ещё один поклон, и Мооpаца изящно прогнувшись в спине, протискивается в экипаж, сумев даже краем подола не зацепить Кея. Брат моргает. Выглядит, если честно, глуповато.

— Ты ему понравилась, — хмыкаю я, как только дверца, наконец, захлопывается.

— Ага, — беззаботно откликается она и, хитро прищурившись, внезапно сообщает. — Я шпионка-диверсантка по призванию, но по крови я имперская аристократка.

— Кей в надёжных руках…

Не уверена, что в надёжных, но в цепких — без сомнения.

Хихикнув, Мооpаца меняет тему:

— Княжна, я должна знать, куда мы направляемся?

— За покупками. И мимоходом навестим Манса.

— Княжна?

В глазах Мооpаци вопрос, но я лишь загадочно улыбаюсь. Ни перед Мансом, ни, тем более, перед Моорацей я отчитываться не обязана. А с сеньором Поморро у нас договорённость — он не задаёт вопросов, а ищет ответ сам.

Уверена, что раскрыть мою тайну просто невозможно, ведь мой дар действует на меня саму, Грубо говоря, я проваливаюсь в прошлое. Никто не может помнить то, что в будущем никогда не произойдёт.

Мооpаца, не скрываясь, смотрит на меня очень внимательно, но вопросов не задаёт.

В молчании мы подъезжаем к магазину готовых платьев.

Тёмно-коричневый фасад, в окне выставлено алое платье с золотой вышивкой по всему подолу. С первого взгляда ясно, что про элегантность в

магазине не слышали. Платье может быть ярким, кричащим, вызывающим, но оно не должно быть вульгарным. Заходить в магазин — позориться. Мооpаца едва слышно бормочет, что платье в витрине ужасно, но открывает для меня дверь, и я вхожу.

Одетая как во дворец, я ведь сбежала не переодевшись, в магазине я выгляжу нелепо. Старшая продавщица, до моего появления жевавшая за прилавком булку, так и застывает с хлебом во рту. Я бросаю пару взглядов по сторонам. Неожиданно, но есть по-настоящему неплохие платья, сдержанные, годные для дневной прогулки. Но… ткани дешёвые, пошив плохой. Если я появлюсь в чём-то подобном, меня не поймут.

— Кажется, мне дали неверный адрес, — морщусь я.

Продавщица, избавившаяся от булки, сгибается чуть ли не до пола:

— Простите, госпожа. Прошу прощения!

Я только бровь приподнимаю. Ошиблась я — за что она извиняется?

— Забудь.

По моему знаку Мооpаца успокаивает продавщицу щедрыми чаевыми и тихо просит выпустить нас через боковое крыльцо. Естествен-

но, нам рады помочь.

Проспект Вито встречает нас разноголосицей толпы. Я будто в другой мир окунаюсь. Привычная аристократическая умеренность исчезла, обычные горожане шумят, толкаются, ругаются, мелькают пёстрые шали, лошадь-тяжеловоз тащит повозку. Я верчу головой. Мооpаца подхватывает меня под руку и увлекает в толпу. Она ориентируется гораздо лучше меня, и вскоре мы входим в тесный книжный.

В нос ударяет запах пыли. Я оглушительно чихаю.

Тесно, сумрачно. Стеллажи заставлены от пола до потолка. Если честно, книжный мало похож на книжный. Как в нагромождении найти нужного автора? Как в полумраке разобрать текст?

Из-за полок выходит… Манс.

— Княжна?!

В его памяти нашей последней встречи нет.

Я улыбаюсь:

— Аромат кофе не обманул, вы здесь.

— Ха-а…

Моему объяснению невозможно поверить.

— Манс, где мы можем поговорить?

— Прямо здесь.

Быстро оправившись от удивления и вернув

непринуждённый вид, он приглашает меня вглубь помещения. У стены между забитыми книгами шкафами всунуты два кресла и столик. Рассчитано на посетителей? А нас не подслушают? Впрочем, о сохранении тайны пусть Манс заботится.

В этот раз он не угощает меня…

— Княжна? — он садится в соседнее кресло и подпирает подбородок кулаком.

Я прищуриваюсь.

Господин посол оказался принцем. Сеньор Поморро исчез в то же время, что и господин посол. Между мужчинами определённо есть сходство, да и лицо за маской сеньор Поморро прятал не без причины.

— Я пришла увидеться с сеньором Поморро. Немедленно. Я располагаю действительно важными сведениями. К сожалению, я готова сообщить их только лично.

Манс разводит руками:

— Сожалею, княжна, но встреча невозможна.

— Да-да, задача выполнена, “Вега” сожжена, сеньор Поморро вернулся в империю. Сеньор Поморро и господин посол одно лицо.

— Вы знаете…

Признаться, я не ожидала, что Манс подтвер-

дит мою догадку. Или “вы знаете” просто фигура речи? Не важно.

Я усмехаюсь:

— Да.

— Княжна, господин посол трагически погиб.

— Господин посол отлучался на родину, чтобы пройти инициацию и прибыть в Вадор не как высокопоставленный, но всё же обычный дипломат, а как принц. Пожалуйста, свяжитесь с его высочеством немедленно и передайте, что я прошу о встрече.

Манс качает головой.

— Княжна, принц сейчас в Посольском доме. Увидеться прямо сейчас никак не получится. Но я передам. Его высочество найдёт вас сам.

Точно?

Вряд ли Манс скроет мой приход. Однако я сомневаюсь, что Манс поторопится.

Я закрываю глаза и поднимаю руку, жестом прося Манса немного помолчать. С того момента, как я выбежала на ковровую дорожку и сорвала с принца маску, я не в порядке. Эмоциональный поступок, но в целом правильный — я получила подтверждение своих догадок. Вряд ли у меня бы появился более удобный шанс проверить принца наедине. Да и зачем? Всё равно по факту никто

ничего не видел и не знает.

А вот после поцелуя… Я хочу увидеть господина посла, потому что хочу, потому что соскучилась и волновалась, потому что мгновений в тронном зале мне мало. Храм Кадора в покоях принцессы я использую как предлог, а это ошибка. Да, самой передать информацию надёжнее. Откуда мне знать, что Манс, например, не предатель? С таким же успехом я могу заподозрить принца в двойной игре… Нет, с ума сходить не надо. Мне удалось избежать пары устроенных Великим князем ловушек и я почувствовала себя в безопасность, расслабилась? Но угроза-то по-прежнему здесь. Надо просто вспомнить, что для меня важно, а что не слишком. Выжить важно, защитить родителей и брата важно. Чувства… Господин посол предупреждал, чтобы я держала чувства в узде. Он прав.

Я открываю глаза.

— Манс…

— Княжна?

— Я настаивала на немедленной встрече, поскольку уверена, что у его высочества возникнут уточняющие вопросы, которые я не берусь предугадать. В покоях Габриэль, в комнате, примыкающей к будуару, устроен храм Песчаного

Кадора. Я лично видела и алтарь, и жреца, когда Габриэль потеряла сознание из-за лунного благословения, но я не поняла, повлиял ли лунный свет на жреца. Зато подействовало на старшую фрейлину принцессы леди Аль.

— Это очень серьёзно, княжна. Я немедленно отправляюсь к его высочеству. Но я должен спросить. Вы уверены?

— Абсолютно.

— Кроме принцессы, леди Аль и жреца кто-то ещё попал под лунный свет?

— Я и прятавшийся за ширмой Джерден.

— Понял.

Я поднимаюсь и, не оборачиваясь, выхожу из закутка.

С господином послом встретиться не удастся…

— Госпожа? — окликает меня Мооpаца.

— Едем домой, — решаю я. Что ещё делать?

На ум ничего лучше не приходит, и вообще я устала, нет настроения ехать за обновками в нормальный магазин.

Мооpаца ловко маневрирует в уличной толпе, мы знакомым переулком возвращаемся на улицу, где нас ожидает кучер. Мооpаца выглядывает из-за угла, убеждается, что кучер не увидит, откуда именно мы появились.

Домой…

С каких пор мысль о доме перестала меня радовать? Когда всё закончится, я обязательно отправлюсь в грандиозное путешествие. Хочу увидеть империю, континент… Родители будут против. Точнее, папа и брат.

Предложение господина посла… Прозвучало захватывающе, и на миг я почувствовала себя счастливой невестой, но сватовство слишком показушно. Чего на самом деле добивается принц? Зачем ему я? Я не знаю всех его планов, но общую последовательность событий спрогнозировать могу. Рано или поздно так или иначе правда о песчанниках будет открыта. Я допускаю, что кто-то из аристократов встанет на сторону правящей семьи. Таэль очистит полуостров, и неизбежно государственность Вадора будет разрушена, очевидных претендентов на трон не останется. Я не верю, что имперцы позволят хоть кому-то захватить корону силой, а значит Вадор вернётся в состав Таэля. Имперцы легко установят контроль над территорией бывшего княжества. Что касается семей Кокберг, Ярес, Арден и Шерс, то полагаю, что Белой богине будет достаточно, что имперцы сохранят за нами титулы и высокое положение, по крайней мере формально. Едва ли богиня за-

хочет передать трон потомкам рядовых рыцарей. Зачем ей это, когда именно имперцы покажут себя защитниками? Получается, что нашим семьям придётся смириться с политическими изменениями или мирно покинуть родные края навсегда. У его высочества нет причин жениться на обычной аристократке, какой я стану в империи.

Кажется, принцу Шенайскому прочат в невесты принцессу Фиотскую.

Ха…

А ведь я до сих пор не знаю, почему Кокберги последовали за Вадорами, но это терпит.

Когда я возвращаюсь домой, обнаруживаю, что мама ждёт меня в моей комнате. Мооpаца тактично выскальзывает за дверь. Не уверена, попытается ли она подслушать…

— Ма?

— Я надеялась, ты похвастаешься обновками, Иси, — мама разводит руками. — Как-нибудь нам нужно вместе выбраться в ателье. Как раньше.

— Обязательно, мам. Я ничего не купила, не нашла подходящего.

Я даже не сажусь в кресло, а почти падаю.

— Иси, ты встречалась с его высочеством?

Что?! Мама…

— С его помощником, — признаю я.

— Иси, предложение его высочества…

Я пожимаю плечами:

— Не стоит принимать близко к сердцу. То, что Великий князь обещал воспрепятствовать, это одно. Я не уверена, что его высочество захочет довести сватовство до брака и не отзовёт предложение.

— О? Иси, мне так не показалось. Кей грозился вызвать принца на дуэль. Мужчины…

— Мам, ты о чём?

— Вскоре после того как ты уехала, прибыли имперцы и от имени его высочества принца Шенайского доставили первые помолвочные дары.

— Что доставили? И что значит “первые”?

Мама мягко улыбается:

— Помолвочное кольцо его высочество наденет на твой пальчик лично. Пока же мы получили “незначительные безделушки”. Это не мои слова. Если верить имперцам, так выразился сам принц.

Подарки ещё ничего не значат.

— Папа отказался принять? — предполагаю я.

— Я приняла, — мама кивает на инкрустированный перламутром ларец, он сам по себе драгоценность. — Иси, ты впервые видишь имперского принца, но брак с ним вызывает у тебя

куда больше трепета, чем брак с господином Лоттом.

— Как можно сравнивать таракана с драконом?!

— Иси?

Я откидываю крышку ларца. Под ней тёмно-вишнёвый бархат. Я сдвигаю ткань. Подарки упакованы каждый отдельно. В первой шкатулке гранатовый гарнитур, в следующей — сапфировый. В третьей вовсе насыпаны драгоценные камни. Помимо гарнитуров я нахожу бриллиантовую тиару.

— Он разграбил сокровищницу? — поражаюсь я.

Господин посол действительно намерен жениться на мне? Я невольно расплываюсь в улыбке. Наверное, со стороны я выгляжу дурочкой, но я никак не могу погасить улыбку. Меня буквально распирает от счастья.

А самый поразительный подарок я нахожу на дне ларца.

В футляре дарственная. На город Скандер в провинции Шенай.

Глава 22

Ужин проходит в непривычной атмосфере. Разговор вертится вокруг незначительных тем:

премьера в опере, лишение должности мелкого чиновника, пойманного на взятке, интерес к северному морскому маршруту и сообщение об успешном продвижении от капитана Шайса, которого я рекомендовала. Иногда разговор касается прибытия имперской делегации, но вскользь. Папа с Кеем заговорщицки переглядываются. Мама привычно отмалчивается, почти не встревая в разговор, но изменился её взгляд, стал цепким, наполнился жизнью. Я так и не призналась маме, что принц Шенайский и есть господин посол. Как я могла открыть не свою тайну?

Слуги подают десерт.

— Великий князь упомянул весьма деликатные обстоятельства. Наследный принц, уверенный, что Иси благосклонна к Рею, хранил молчание, но на самом деле его высочество с юности влюблён в нашу девочку.

Что?!

— Па-а-а? Ты в это поверил?!

— Конечно.

Ерунда какая-то. Невозможно. Папа словно забыл

А что если… папа под ментальным контролем? Я знаю, что у песчанников есть как минимум один способ контроля — ритуальное Вино под-

чинения. Но кто сказал, что у них нет других методов. Я думаю, что есть.

Мне следовало догадаться раньше.

Вопросов появляется больше, чем ответов. Почему под ментальным контролем папа и, возможно, Кей, но не я? Почему контроль именно такой — затуманивающий разум, но не лишающий воли полностью? У папы ведь были “озарения”.

Надо разбираться…

— Неужели его высочество принц Джерден готов на мне жениться?

Вторая попытка, да?

— Принц Шенайский создал препятствие, — папа уклоняется от прямого ответа.

Аппетит испорчен.

Я остаюсь за столом до конца ужина, и когда родители встают, собираюсь пожелать им доброй ночи, но Кей опережает:

— Сестра, пойдём в комнату?

Ха…

— Да, — фальшиво улыбаюсь я. Я бы предпочла в другой раз, но будет ли этот другой раз? Так почему бы не провести время вместе? Сыграть, например, партию в вист?

Напряжение, царившее за ужином, исчезает.

Мы смеёмся, болтаем о пустяках, однако беседа получается уютной, искренней. В игре жребием я оказываюсь в паре с Кеем, и мы выигрываем у родителей, а затем удача оставляет меня, ни в паре с папой, ни с мамой забрать победу не удаётся.

Увлёкшись, я забываю обо всех проблемах и по-настоящему наслаждаюсь вечером. Хотя правильнее сказать — ночью. За окном темень, время давно перевалило за полночь. Мама зевает и устало пристраивает голову папе на плечо.

— Доброй ночи, — мы, наконец, расходимся по спальням.

Мооpаца ждёт меня, сидя на кушетке в спальне. Странно, что она не ушла, оставив старшую горничную, но я не особенно задумываюсь, прохожу прямиком в ванную, чтобы смыть сегодняшний день. Я бы с удовольствием понежилась в тёплой воде, но уже поздно. Мооpаца помогает высушить волосы полотенцем, подаёт мне спальную сорочку. Разве у меня был персиковый многослойный шёлк? Не помню такого в своём гардеробе.

Обычно горничная помогает госпоже лечь, поправляет одеяло и только после этого уходит. Но не Мооpаца. Попрощавшись, она уходит, оставив гореть тусклый ночник. Хоть на этом спасибо — не промахнусь мимо кровати.

Я откидываю одеяло, собираюсь лечь.

— М-м-м… Иси, я уснул, пока тебя ждал.

Не знаю, поражаться наглости или восхищаться? А Моораца… сводница. Я прищуриваюсь, но по-настоящему никакого внутреннего отторжения не чувствую. Я искренне рада, что господин посол нашёл для меня время.

Он обезоруживающе улыбается и тянется к верхней пуговице рубашки, медленно расстёгивает, открывая горло. Я сглатываю, завороженно наблюдая. Почти не осознавая, что делаю, опускаюсь на край кровати, хочу протянуть руку, но всё же возвращаю контроль над собой и позволяю шёлку свободно скользить по коже, в полумраке, разгоняемым ночником, персиковый тон оттеняет кожу. Я провожу по плечу вниз. Господин посол замирает, глядя на меня, зрачки расширены, дыхание сбито.

Своим появлением он хотел меня смутить? Не выйдет. В то, что он действительно уснул, пока ждал, я не верю.

— Вы пришли, — отвечаю я.

— Иси, тебе не кажется, что “ты” для спальни подходит больше? Ах, да. Я здесь, чтобы спросить. Исидара, — он приподнимается на локте, — ты согласна стать моей женой?

Означает ли его вопрос, что я могу отказаться?

Я колеблюсь:

— Почему ты хочешь жениться на мне?

Я не вижу политической выгоды. Она, вероятно, есть?

— Точно. Забыл сказать… Иси, я хочу, чтобы мы были вместе, потому что полюбил тебя. Когда я вернулся домой, я понял, что мне тебя очень не хватает. Я по-настоящему скучал. Мне жаль, что между нами оказались государственные интересы.

— Без проблем, — перебиваю я. — Я знаю, что такое долг.

Чисто по-человечески я зла, но это не мешает мне признать — молчать было единственно правильным решением.

Он улыбается шире:

— Есть тайны, которые я не имею права раскрыть даже невесте, но мне ничего не нужно скрывать от супруги.

— Ха…

Полюбил?

Я боюсь быть обманутой и в то же время в глубине души я верю. Я ведь не совершаю ошибку, нет? Сердце бьётся как сумасшедшее.

— Тебе не обязательно давать ответ прямо

сейчас, Иси, — мягкий голос, улыбка. Кажется, господин посол понял моё молчание неправильно.

— Ты полюбил… взаимно, — хмыкаю я и чувствую, как щёки начинают пылать.

Изначально я была благодарна за помощь и просто полагалась на господина посла, искала делового союза, но то, что я испытываю к нему теперь иное. Я люблю.

— Иси…

Он касается моей ладони, я ощущаю тепло его пальцев. Прикосновение бережное, невесомое. Я в любой момент могу освободиться, но не хочу.

— Да-а? — я подаюсь вперёд, вободной рукой опираюсь на его плечоо.

Что бы ни было дальше, сейчас у меня нет никаких причин отказываться.

— Ты мне должна желание.

— М-м-м?

— Ты дала слово, а потом при всех сдёрнуда с меня маску.

Что?!

— Ты… помнишь?! Как это возможно?! — я же не лишаю людей воспоминаний, я просто возвращаюсь в прошлое, мой дар никак на окружающих не воздействует.

— Я уехал, чтобы пройти инициацию. На меня больше не дейтвует магия.

— Не может быть.

— Что именно и почему? — удивляется он.

— На императора магия тоже не действует, однако будущее он не помнит, иначе бы ты располагал куда большей информацией.

— Логично. Но в отличии от императора я, во-первых, находился рядом, а не на другом краю света. Во-вторых, ты использовала дар непосредственно против меня. Я не имею в виду вред. Но ты ведь хотела, чтобы я тоже забыл. Я не знаю, какой фактор сыграл. Возможно, оба. Возможно, какой-то третий, неучтённый. Зато я знаю, что теперь ты должна мне желание.

А знаю, что прямо сейчас сотру его самодовольную усмешку. Первый испуг прошёл. Даже не испуг, а потрясение. Я отчётливо осознаю, что попала в очень уязвимое положение, но в то же время я доверяю. Желание будет шуточным и уж точно не во вред…

Интересно, что будет, если я вернусь назад на пару месяцев. Допустим, в день Великокняжеской охоты. Память всё равно сохранится? Экспериментировать я, конечно, не буду.

Зато прямо сейчас я буду сладко мстить за

все свои переживания. Я наклоняюсь вперёд, утыкаюсь носом в его щёку, между пальцами пропускаю шелковистые прядки на волос, целую. Раз уж он всё помнит, незачем сдерживаться.

— Иси, прежде, чем соглашаться на свадьбу, надо хотя бы для приличия узнать, как жениха зовут.

В Вадоре тёплых чувств к имперцам не испытывают, обращаются по должности или титулу. Имя сын императора разве что в Министерстве иностранных дел знают.

— Я могу звать тебя Ян, — ляпаю я первое пришедшее мне на ум имя.

— Вообще-то я Ксанден.

— Ксан…

Я добираюсь до ещё не расстёгнутых пуговиц рубашки, а Ксан стягивает шёлк с моего плеча, целует шею, ключицу. Я крепче прижимаюсь, и Ксан опрокидывает меня на подушку, нависает сверху, замирает. Взгляд с поволокой, но в то же время внимательный. Ксан проверяет, не передумаю ли я? Нет, не передумаю. А… Ксан, он не разочаруется? Для юной леди я веду себя излишне раскованно. Я невольно вспоминаю, как в первую брачную ночь в прошлой жизни лежала, крепко вцепившись в простыню. Притворяться я точно

не собираюсь.

Сомнения исчезают, Ксан удивительно бережен и шепчет на ухо, какая я красивая, желанная. Любимая.

Ничего не имеет значения, кроме нас и того, что происходит между нами.

По телу разливается истома, Ксан ложится рядом, убирает с моего лица упавший на глаза локон. Я наслаждаюсь мгновением и чувствую, как наваливается сон. Усилием воли я прогоняю сонливость, приподнимаю голову.

— Иси?

Я прищуриваюсь.

Ксан до сих пор не задавал вопросов о моей прошлой жизни. Не знаю, отложил он расспросы или ждёт, когда я буду готова к откровенности.

— Считается, что юные леди должны выходить замуж невинными.

— Иси, ты… жалеешь?

— Я? Разумеется, нет.

Пришло время для маленькой мести.

Магия откликается, жаром выплёскивается в окружающее пространство, и я оказываюсь одетой, сидящей на краю кровати. Ксан только-только расстегнул на рубашке первую пуговицу.

— Иси?!

— М-м-м? Что-то не так? — поддельно недоумеваю я.

— Ты…

— Что?

Я ложусь рядом и устраиваюсь у Ксана на плече, натягиваю на нас одеяло — всем своим видом я показываю, что собираюсь спать, просто спать. Так хорошо, тепло, уютно в объятиях… А вот Ксан в отличии от меня ни малейшего удовлетворения не испытывает, сквозь тонкую ткань я это отчётливо чувствую.

— Иси, это жестоко.

— Сладких снов, — фыркаю я.

Ксан тяжело вздыхает, но ни уйти, ни повторить не пытается. Нам надо поговорить… утром. По уму, конечно, надо было задать важные вопросы, рассказать о планах Великого князя расстроить наш брак, хотя Ксан и без меня наверняка догадывается, уж точно не нырять в пучину страсти.

Обманчивое чувство безопасности подействовало расслабляюще.

Я не сразу понимаю, что происходит, когда кто-то касается моего плеча и настойчиво зовёт.

— Мооpаца? — спросонья я называю телохранительницу именем, которым она представилась, а

не временным.

— Доброе утро, княжна.

За окном рассвет. Я широко зеваю и никак не могу понять, что случилось. К подушке я тянусь раньше, чем успеваю осознать зачем. Ксан уже ушёл.

— Княжна, просыпайтесь. Князь просит спуститься. Около получаса назад девушка, одетая как младшая жрица Белой богини, доставила письмо. К сожалению, мне не удалось увидеть текст послания. Князь распорядился подготовить экипаж. Он, княгиня, молодой князь и вы едете в храм.

Зачем?

Возможно, старшей жрице снова приснился вещий сон или что-то вроде того? Не важно. Просьбы жриц — это не то, что можно игнорировать.

Я встаю, быстро привожу себя в порядок, проглатываю завтрак. Мооpаца помогает мне одеться, убрать волосы в низкий пучок. В холл я выхожу последней.

— Доброе утро. Папа, что-то случилось?

— Доброе. Ничего особенного, нас приглашают в храм, в который вы с мамой недавно ездили.

Папа протягивает мне руку, и мы выходим из

дома. Кей с мамой же в экипаже. Я бросаю взгляд на крыльцо. Мы едем без слуг, а значит рассчитывать на Моорацу не приходится.

Не нравится мне внезапная поездка…

Отдёрнув штору, я поворачиваюсь к окну, прислушиваюсь к сонным улицам за стеклом. Я не подозреваю папу в обмане, но в то же время не доверяю.

Экипаж проезжает знакомые места, направление верное. Мерное покачивание навевает дремоту, но я продолжаю держать глаза открытыми до самого храма. Я отмечаю, что мы единственные ранние гости, чужих экипажей нет, безлюдно. Юный жрец, по виду совсем мальчик, выбегает навстречу. Традиционная одежда велика и волочится по земле, мальчик одной рукой удерживает полы, чтобы не запутаться, другой сам открывает для нас дверцу, кланяется. Совершенно нетипичное для жреца поведение. И лицо незнакомое.

Вместе со всеми я вхожу в храм. Дверь захлопывается за спиной, и я передёргиваю плечами. Жрец сразу же зовёт нас в малый зал, хотя обычно приглашение должно исходить от старшей жрицы. Родители уверенно сворачивают в боковой коридор. Мы с Кеем идём следом. Кроме нас,

гостей, и мальчика-жреца по-прежнему никого.

В Малом зале тихо. Мальчик заискивающе просит подождать и быстро-быстро, пока мы не остановили, сбегает.

— Па-а…, — закончить фразу я не успеваю.

— Князь Кокберг, княгиня, молодой князь, княжна, — к нам выходит… Джерден.

За ним, отставая на шаг, следует жрица. Фигура закутана в безразмерный плащ, лицо скрыто плотной вуалью.

Неужели…?!

— Ваше высочество? — удивляется папа.

— Лучший способ защитить княжну Исидару — это брак, — спокойно объясняет Джерден. — Любые требования Таэля станут просто бессмысленными.

Я так и знала…

— Ваше высочество, — я делаю шаг вперёд и приседаю в реверансе. — Я благодарна, однако я отказываюсь принимать помощь. Моя жизнь важнее благополучия Вадора. Получив отказ, Таэль развернёт войну.

— Иси, — хмурится папа.

— Княжна, вы ошибаетесь. Таэль вторгнется в любом случае, они найдут повод и без вас, поэтому нет причин отказываться.

Всё это пустая болтовня.

На поясе у Джердена закреплена фляжка, и я не сомневаюсь, что в неё налито ритуальное Вино подчинения. Только зачем? Мы ведь в храме Белой богини. Если только… храм не был захвачен.

— Я отказываюсь, — повторяю я. Самой смешно. Моё мнение ничего не значит.

Мне другое не понятно — как именно принц собирается меня заставить.

— А если я скажу, что от твоего согласия зависит благополучие твоей семьи? — ухмыляется он.

— Ваше высочество? — вскидывается мама.

Кей растерянно переводит взгляд с меня на принца и обратно.

Папа поворачивается ко мне:

— Иси, его высочество оказывает тебе честь…

Чушь собачья.

— Драгоценная невеста, наш брак устроен именем Великого князя. Вы… бунтуете? — Джерден откровенно насмехается.

— Бунтую, — легко соглашаюсь я.

Сколько человек в храме? Я смогу сбежать? Силы ещё не восстановились, рассчитывать на магию я не могу.

Джерден с намёком похлопывает по фляжке.

— Уходим, — решает мама, с неожиданной

силой сжимая папину руку.

Папа вздрагивает, ошеломлённо оглядывается. Мама уверенно тянет его обратно в коридор. Кей, надо отдать ему должное, подчиняется маминому решению.

Джерден, глядя на нас смеётся. Из коридора высыпают вооружённые гвардейцы, сходу наставляют на нас клинки.

— Княжна Исидара, — объявляет принц, — без давления и принуждения добровольно призналась в бунте против короны. Арестовать!

Глава 23

Гвардейцы… странные. Я часто бывала во дворце и знаю, как они тренируются. У гвардейцев Джердена нет ни выправки, ни ловкости в обращении с традиционными клинками, не держат строй.

— Кто они? — Кей тоже заметил.

На его ладонях вспыхивают огоньки, пока слабые мерцающие искорки, но это обманчивое впечатление. В одно мгновение огонь обрушится на врага всепожирающей лавиной.

— Алтарь… Он разрушен? — мама спрашивает то, что не стоило бы упоминать вслух.

Впрочем, уже не важно.

Жрица, стоявшая за спиной принца, делает

шаг вперёд, скидывает плащ, открывает лицо и оказывается жрецом Песчаного Кадора.

Я не успеваю понять, откуда взялся жёлто-бурый песок. Ветра в зале нет, но песок шуршит, течёт, будто сама пустыня наступает. Папа призывает пяток похожих на птиц теней, но какой от них толк? Песчинки сливаются в ленту и поднимаются над полом… многоголовой змеёй. Раздуваются песчаные капюшоны, открываются пасти, и в них сверкают белизной самые настоящие клыки. Может, из белого камня? Не знаю…

— В атаку, — повторяет принц, и змея устремляется к нам.

Птицы-тени бросаются наперерез, но… их призрачные когти проходят сквозь песок. Разделённые песчинки тотчас слипаются.

Магия хороша против обычных людей, но магия против магии…

Кей ударяет пламенем. Будь змея деревянной, это бы сработало, но песок проходит сквозь стену огня.

Я тщетно пытаюсь вернуться в прошлое.

Гвардейцы сгрудились у входа и просто блокируют коридор.

Змея атакует.

Если мы с Кеем уворачиваемся, то мама не

успевает — на неё змеиные головы нападают сразу с двух сторон. Папа пытается её оттолкнуть, прикрывается тенями. Клыки легко проходят сквозь мираж защиты, вонзаются в плечо. Мама кричит и тотчас получает укус.

Всё не может кончиться так!

Тени тают, папа с тихим стоном, прорывающимся сквозь стиснутые зубы, опускается на пол. Мама тоже не может удержаться на ногах. Ни крови, ни видимых повреждений… Всё хуже, родители отравлены силой Кадора. И яд… сам по себе, насколько я знаю, яд не смертелен, он вызывает слабость, помутнение сознания, лишает возможности использовать магию. В книгах я читала, что яд можно вывести. Но в тех же книгах я читала, что по приказу жреца Кадора яд легко убьёт.

— Кей, жрец, а не змея.

Она исчезнет сама по себе.

Если бы я могла… Хах, я могу! Не обязательно быть магом, чтобы сражаться. Мне удаётся проскочить между двух голов. Я хочу с разбега просто врезаться в жреца и опрокинуть на пол, в идеале — головой об угол алтаря. И тогда Кей точно сможет что-то сделать, защитить нас всех.

Джерден оказывается быстрее, встаёт у меня

на пути. Выпад, и всё происходит слишком быстро. Я оказываюсь спиной к нему, беспомощно стою с заведёнными за спину руками. Попытка вырваться отзывается вспышкой острой боли. Я вскрикиваю.

— Иси! — зовёт брат.

Огонь стремится к жрецу, но песок встаёт непреодолимой стеной. Пламя течёт вверх в тщетной попытке перехлестнуть стену, расплёскивается по всей поверхности — жрец закрылся наглухо.

Я больше не пытаюсь вырваться — сквозь стену я до жреца, увы, не доберусь.

Змея атакует.

И если жрец может закрываться песком, то Кей нематериальным пламенем — нет. Брат уворачивается, но у песчаной змеи слишком много голов, белоснежные клыки впиваются в руку. Кей сопротивляется, пламя вспыхивает.

И гаснет.

Жрец невредим, принц удерживает меня. Гвардейцы легко заковывают в кандалы беспомощных родителей, Кея. И утаскивают в неизвестность.

— Моя драгоценная невеста, ты всё ещё хочешь бунтовать? Господин Лой, пожалуйста, начи-

найте.

Мне просто нужно вернуться в прошлое, но у меня никак не получается, ни ярость, ни отчаяние не срабатывают.

— Я не прощу, даже если мне придётся стать призраком, — я выкрикиваю своё заклинание, но ничего не происходит, и я умолкаю, зажмуриваюсь.

Джерден и жрец хохочут, однако Джерден не теряет контроль, стискивает мои запястья с куда большей силой. Синяки будут…

— Иси, ты даже забавная, — отсмеявшись, Джерден подталкивает меня к алтарю.

Я послушно переставляю ноги. Лучше идти самой, чем он меня потащит. Хоть какая-то иллюзия свободы манёвра. К счастью, думать Джерден мне не мешает, и есть кое-что, чего я не понимаю. Разве не логичнее запереть меня вместе с семьёй? Изначально Великий князь хотел контролировать через меня отца и брата. Но теперь-то?

— В чём теперь смысл? — горько спрашиваю я, не особенно рассчитывая на ответ.

Но Джерден отвечает с готовностью, едва ли не радостно:

— Иси, почему бы тебе не убить для меня своего имперского жениха, а?

Как?!

Я смотрю на Джердена с искренним ужасом.

И ведь додумался… Если забыть о наших тайных отношениях, Ксан просто не сможет проигнорировать невесту, прибывшую требовать встречи, позволит мне приблизиться. Из-за вина я буду вести себя естественно, Ксан до последнего не заподозрит подвоха.

На самом деле я не думаю, что Ксан позволит мне себя убить. С ним виверны не справились. Мне-то куда? Но для Великого князя разыграть мою карту просто дополнительный шанс. В случае провала он обвинит меня. И поспешно казнит.

Смогу ли я вернуться в прошлое после ритуала? Останется ли лазейка после приказов новообретённого хозяина или я сама выболтаю ему о своём даре?

На самом деле я всё ещё думаю о том, что нужно вывести из игры жреца.

Или попытаться избавиться от ритуального вина?

Ошибка может дорого обойтись моим родителям… Я не могу рисковать и наблюдаю, как песок струится по полу, он словно съедает храм Белой богини. По своему красивый, разноцветный, он

смертелен. Я легко могу представить, как тону в нём, как песчинки забивают рот, нос, становится невозможным дышать и невозможно выбраться на поверхность, и бархан становится могилой.

Белая богиня, помоги…

Жрец протягивает руку, и Джерден почтительно передаёт фляжку.

— Должен ли я рассказать о последствиях? — уточняет жрец.

— Нет, мой господин.

Обращение Джердена к жрецу режет слух.

— Зачем ты, Джерден, пришёл к алтарю Песчаного Кадора, величайшего из богов?

— Я пришёл заявить и засвидетельствовать своё право на эту девушку, — Джерден рывком заставляет меня сделать ещё один шаг к алтарю.

— Песчаный Кадор, величайший из богов, даровал своим последователям Закон Пустыни. Нарушителя ждёт кара. Джерден, ты привёл девушку и заявляешь на неё права. Уверен ли ты, что не крадёшь?

— Девушки бесхозна.

Ответ Джердена будет во мне злость и, не удержавшись, я встреваю:

— А её высочество принцесса Габриэль тоже бесхозна? — неужели Джерден желает подобного

отношения к своей сестре? Мне всегда казалось, что Джерден и Габриэль близнки и искренне поддерживают друг друга. Вероятно, я обманывалась.

Рывок, острая боль в руках, я вскрикиваю.

— Молчать. За сестрёнку можешь не волноваться, она защищена.

Значит ли это, что Габриэль тоже стала его собственностью? Возможно, она тоже жертва. Но… прежде всего это её проблема. Мне бы себя спасти. И семью.

Жрец продолжает:

— Песчаный Кадор, величайший из богов, дарует только чистоту.

Что?

— Девушка невинна.

Что-о-о?!

Я с трудом сдерживаю эмоции, не позволяю им отразиться на лице. Если бы я знала… Если бы я не вернулась в прошлое, то прямо сейчас Джерден был бы пойман на лжи своему богу.

Шутка судьбы…

— Властью, данной мне Песчаным Кадором, Джерден, я утверждаю твоё право на эту девушку, — из рукавов жреца вновь течёт песок.

Лежащая на алтаре фляжка при касании пес-

чинок начинает светиться золотым сиянием, а ленты золотого песка устремляются ко мне.

— Ваше высочество, неужели вы решили украсть у меня невесту? — раздаётся за спиной знакомый голос, и в следующее мгновение Ксан оказывается на пути шуршащих лент.

Жрец взмахивает рукой, ленты расходятся в стороны, то ли чтобы спеленать Ксана, то ли, наоборот, чтобы избежать соприкосновения. Ксан шагает на жреца прямиком под песок, и ленты рассыпаются, опадают безвредными песчинками на пол.

Ещё мгновение, и жрец падает без сознания, а фляжка на алтаре перестаёт светиться.

— Ох, вы действительно предали ту, кто даровала вам корону и беззаботную жизнь, — Ксан поворачивается к нам деревянной маской, похожей на грубую поделку ребёнка.

— Стража! — кричит Джерден. Он всё ещё держит меня за руку.

— М-м-м? Занятно.

Я чувствую, что Ксан больше не смотрит на Джердена, а смотрит на меня. Взгляд смещается куда-то вниз. Что он пытается мне передать? Ах, точно! Зачарованный браслет до сих пор на мне, ношу, не снимая. Поскольку прямой угрозы жиз-

ни нет, артефакт не работает. Но это не значит, что я не могу им воспользоваться сознательно.

Магия отбрасывает Джердена до самой стены и, ударившись, он сползает на пол, ворочается, пытаясь, встать.

— Стража! — новый крик не такой громкий.

— Иси, ты в порядке, — Ксан бережно подхватывает меня под локоть.

— Он отравил родителей и Кея.

Ксан легко понимает, что я имею в виду не принца.

— Я не позволю жрецу им навредить, не бойся.

Стражи врываются на зов. Ни малейшего впечатления на Ксана они не производят.

— Убейте его, — приказывает Джерден, шаря по стене ладонями будто в поисках опоры, его заметно ведёт, он почти заваливается вбок, но всё же удерживает голову ровно.

Ксан, мне кажется, под маской улыбается.

— О? Вы тоже за Песчаного Кадора? — хмыкает он с насмешкой.

Гвардейцы никак не реагируют на замечание, и рассыпанный по алтарю и полу песок их не смущает. Окажись они последователями Белой богини, было бы странно. Ксан отталкивает меня в сторону и выхватывает из-под полы камзола

короткий, хищно сверкнувший клинок.

Выпад настолько стремительный, что я не успеваю увидеть движение. Сразу двое гвардейцев падают. Остальные пытаются напасть все вместе.

Джерден поднимает руку с зажатым в пальцах артефактом, вспышка бьёт по глазам. Я тихо вскрикиваю, не успеваю предупредить. К счастью, магия не причиняет Ксану ни малейшего вреда, а отряд между тем сокращается в половину. И не из-за магии Джердена. Ксан с мечом обращается виртуозно.

Бой не длится и пары минут. Хотя можно ли назвать боем выкашивание врага?

Джерден, пошатываясь, кое-как добирается до алтаря, склоняется над распростёртым на полу жрецом.

— Мой господин, пожалуйста.

— Ваше высочество, вам нужно вниз..., — вбегает Манс. — Мы не...

При виде меня он запинается, замолкает.

— Нет! — Джерден бросается вперёд, схватив клинок ближайшего к нему гвардейца.

Ксан блокирует удар, небрежно отбивает клинок и издевательски уточняет:

— Вы решили показать мне ваши жалкие на-

выки, Джерден Вадор?

— Навыки? Я покажу тебе истинную мощь! Кадор, величайший из богов, во имя нового мира, взываю! — Джерден щрахается назад, со смехом раскидывает руки,

С его тела начинает осыпаться песок.

— Иси, уходим, — Ксан протягивает мне руку.

Джерден захлёбывается смехом, замолкает. Его глаза широко распахивается, он с каким-то наивно-детским изумлением смотрит на свою ладонь.

— К-кадор?! — удивление сменяется ужасом.

Джерден в самом буквальном смысле слова заживо разваливается в прах. В песок же обращаются тела гвардейцев, жреца, и ярко-жёлтый песок вздымается, перекрывает выход. Джерден истошно кричит, пока его крик не переходит в животный вой и в конце-концов стихающий хрип.

Принц Джерден… всё.

— Иси, вернись назад, как во дворце.

Песок напирает со всех сторон, и скоро зал будет погребён. Песок самый настоящий, невосприимчивость к магии его никак не остановит.

— Ксан, я… не могу. Я уже пыталась.

— Ха…

Песок завалил половину зала от входа до алтаря и продолжает неотвратимо надвигаться.

Глава 24

— Я не могу пользоваться даром слишком часто, — объясняю я. — Вероятно, магия вернётся к вечеру или даже завтра.

Завтра, до которого мы не доживём.

Проклятье!

Ксан ловит мою руку:

— Не бойся…

Однако прежней уверенности я в его голосе не слышу. Ксан сбрасывает деревянную маску, замирает, глядя мне в глаза. В его взгляде мне мерещится обречённость. Я изо всех сил пытаюсь отмотать время вспять. Без толку.

Если бы я была чуть более предусмотрительной… Ночью я не думала, что совершаю ошибку. Никогда не узнаешь заранее…

— Ксан.

— Постарайся не испугаться, пожалуйста, — повторяет Ксан.

Его лицо стремительно чернеет. В первое мгновение мне кажется, что его кожа покрывается тонким угольным слоем, но я быстро понимаю, что первое впечатление ложно. Появляются то ли жёсткие чешуйки, то ли разрастаются костяные

пластинки, сливающиеся в природную броню. Демоническая ипостась крупнее, на голове, будто корона, изогнутые рога.

Мундир, не выдержав, лопается по швам, сползает, но из-за костяной брони, сплошь покрывшей тело, Ксан совершенно не выглядит обнажённым. За спиной распахиваются два огромных кожистых крыла, каждое оканчивается раздвоенным когтем. Когти на руках Ксан втягивает, будто кот.

Засмотревшись, я даже забываю про наступающий песок, потому что ко мне возвращается чувство защищённости, и я никак не могу сообразить, чего именно Ксан просил не пугаться. Всё же хорошо? По крайней мере жрец больше не угрожает ни родителям, ни Кею.

Склонив голову, Ксан шагает ко мне вплотную, и я касаюсь его плеча. Костяные пластинки шероховатые, тёплые, немного царапучие. Ксан обнимает меня со спины, прижимает к себе. Крылья выворачиваются под неестественным углом, и становится темно — крылья сворачиваются над нами плотным куполом. Мы задохнёмся не сразу…

— А где Манс? — я ведь его видела.

— Успел выскочить.

Надеюсь, он в порядке.

— Он приведёт помощь?

— Нет, сами выберемся.

Я слабо представляю, как именно, но Ксану доверяю, к тому же в его голос вернулась та самая придающая мне сил уверенность.

Кожаные крылья смыкаются ещё плотнее, Ксан наклоняется. Его движения ощущаются необычно. Должно быть, со стороны, спелёнутые вместе мы похожи на… очень толстого червяка. И именно это Ксан и делает — извивается и ползёт в толще песка.

Пфф! Мне становится смешно, хотя нет повода для веселья. Я сдерживаюсь и уточняю:

— Я могу чем-то помочь?

— Не нужно.

Неожиданно, но мы пробираемся довольно быстро. Постепенно я понимаю, что сила Кадора не так уж и велика. Иссушенный жарой пустыни песок рассыпчатый. Да, он опасен, и без Ксана я бы погибла. Но мокрый песок, пропитанный водой, был бы куда большей угрозой.

Крылья раскрываются, Ксан помогает мне подняться на ноги.

Его трудно узнать в демонической ипостаси.

— Тебе идёт, — улыбаюсь я и тянусь к его щеке.

— Иси, ты… не боишься?

— Чего? — по-прежнему не понимаю я.

Ксан полностью убирает крылья и лишь частично костяную броню. Тело остаётся закрытым, а лицу и кистям рук возвращается человеческий вид.

— Пойдём, тебя проводят в посольство, а я найду твоих родителей.

Разумно, ведь для Ксана я буду обузой.

Но последовать его плану мы не успеваем. Раздаётся полный ужаса и боли крик.

Я вздрагиваю, оборачиваюсь. Проём, который я раньше не видела, открыт. Видимо, это и есть пусть в третий алтарный зал. Вниз убегает лестница с крутыми ступеньками, грубовато вырубленными из каменных плит, стену украшают барельефы. Детали я отмечаю лишь мельком. Взгляд прилипает к Мансу. Парень пытался бежать, но гончая уже схватила его за ногу. Миг, и она порвёт ему горло.

Коротко выругавшись, Ксан бросает клинок будто копьё, сбивает гончую, но не убивает. Зато выигрывает время, чтобы сбежать вниз.

— Иси, уходи! Ориентир — на фонтан. Помаши, и к тебе подойдут мои люди.

Если бы…

— Ксан, здесь жрец.

Или младший ученик. Ритуальная одежда выдаёт принадлежность к культу, лицо вчерашнего ребёнка, а в руке короткий нож.

Жрец надвигается на меня. Попадаться плохая идея, и я не придумываю ничего лучше, кроме как рвануть вниз, тем более Ксан разобрался с гончей вторым ударом.

— Иси? Не…

Со стороны зала выскакивают ещё три гончии. Ксан срубает их. В это время жрец успевает добраться до меня. Манс, несмотря на тяжёлое ранение, отталкивается рукой от пола, достаёт жреца клинком.

Тварей вроде бы больше нет.

Я смотрю в зал и застываю, не веря своим глазам. Уже виденный мной песок, толстым слоем укрывающий пол. Алтарь Белой богини разбит, вместо него установлен алтарь Кадора, и от него тянутся чёрные цепи, сковывающие жриц, моих родителей, Кея, остальных князей и княжён, в ком дар пробудился.

Их тоже захватили?! Если их тоже отравили, то ничего удивительного.

Меня пугает не то, что их привезли сюда. Страшно то, что жертвоприношение приближается к

кульминации. Их всех убьют, а магия, дарованная Белой богиней, будет передана Кадору. Он… сможет поглотить не только полуостров, не только весь континент целиком, но и саму богиню.

Заметивший нас главный жрец не прерывает ритуал, но приказывает подчинённым разобраться.

Великий князь здесь же.

Как и Габриэль.

— Леди Кокберг легла под демона? — брезгливо кривится Великий князь. Вероятно, он сам не подозревает, насколько он угадал. — Мои соболезнования. Так низко пасть…

Я кошусь на Ксана. Его лицо снова скрыто антрацитовой чешуёй, не узнать.

Может, мне удастся сыграть?

— Ваша светлость знает, что Песчаный Кадор способен обратить тела своих последователей в песок? Особенно, если есть желание кого-то… закопать.

— Хм?

— Мои соболезнования, ваша светлость. Его высочество принц Джерден на мои глазах… рассыпался.

— Джер?! — вскрикивает Габриэль, но один из младших жрецов резко одёргивает её, и принцес-

са подавленно замолкает и не пытается скрыть текущих по щекам слёз.

В отличии от дочери Великий князь пожимает плечами:

— Такова цена. Превыше всего Кадор, величайший из богов, ценит тех, кто приносит ему в жертву наследников.

Не сработало…

Младшие жрецы слаженно пытаются атаковать, Ксан словно не замечает их потуг. Я не знаю, почему Кадор не превращает в песок и их. Могу лишь догадываться, что Джерден воззвал к Кадору, а жрецы — нет. Жить хотят даже последователи Кадора.

Главный жрец бьёт навершием своего жезла по узлу чёрных цепей на алтаре:

— Прими! — исступленно кричит он.

Цепи оживают, шевелятся, будто змеи. Зал наполняется стонами. Пожилая жрица выгибается. От неё по чёрной цепи к алтарю утекает самый настоящий молочно-призрачный свет. Что-то ещё неуловимое тоже уходит. Сама жизнь? Жрица падает замертво, и цепь осыпается чёрным песком, отпускает её.

Я ничем не могу помочь…

Манс, кое-как остановивший кровь зельем,

сжимает клинок и охраняет меня, насколько это возможно.

Я должна вернуться в прошлое. Белая богиня, помоги же! Кадор уже пьёт твою силу, помоги остановить…

Ксан добирается до моих родителей, отбрасывает меч, и голыми руками рвёт цепи одну за другой. Магия цепей развеивается в считанные мгновения. Я выдыхаю. Я отчётливо понимаю, что Кадор успел забрать часть подаренных богиней сил, но по крайней мере родители и Кей живы, всё остальное не имеет значения.

— Прими жертвы, Кадор, величайший из богов, — исступленно кричит главный жрец.

Не обращая на него внимания, Ксан продолжает рвать цепи, но белый свет уходит к алтарю и стремительно впитывается.

— Я больше не чувствую сил, — хватается за сердце князь Ярес, заходится сухим кашлем.

— Прими!

— Магии… её нет!

— Приди, Кадор, величайший из богов!

Песок, устилавший пол, устремляется к жрецу, закручивается вихрем и сливается в силуэт гиганта. Последним слоем ложится песок, оставшийся от рассыпавшихся цепей — гигант становится

таким же чёрным, как Ксан.

— Плохо, — выдыхает Манс. — Леди, бегите.

Бросить родителей, Кея, Ксана? Нет… К тому же какой смысл в побеге? Я не успею покинуть полуостров раньше, чем Кадор обратит его в пустыню. Всё решится здесь и сейчас. Уже решилось… Кадор забрал главное — подаренную богиней силу. То, что он не успел забрать жизни жертв, ничего не меняет. Всё равно что лишиться сладкой конфеты после плотного обеда.

Ксан выходит вперёд.

Противостоять богу абсурдно, но Ксан готов.

Ипостась, казавшаяся мне внушительной, по сравнению с размерами воплощения Песчаного Кадора карликовая.

— Демон, — в голосе бога шелест песка. — Ты хочешь сражаться? Может быть, ты хочешь сразиться в честном поединке?

Ксан склоняет голову к плечу:

— В честном? Ты и честность, Песчаный Кадор?

— Я позволю тебе стать господином оазиса, если ты хочешь сохранить хоть что-то-с-с-с…

Стремительный рывок вперёд, Ксан настолько быстр, что мои глаза отказываются видеть, но Кадор отбрасывает Ксана легко будто куклу.

Ударившись спиной о стену, Ксан вскакивает на ноги, снова бросается на Кадора, но тот с прежней небрежностью швыряет его в то же место, и Ксан поднимается уже не так уверенно.

Младшие жрецы по указу главного тянут к алтарю князя Яреса. Я только сейчас замечаю, что чёрные цепи от алтаря были не единственными, руки князя скованы самыми обыкновенными цепочками из металла. Яд всё ещё действует, князь вялый, и его попытки отстраниться от чужих рук выглядят откровенно жалко.

Двое направляются ко мне.

— Иси, прочь!

Я единственная, не считая Ксана, не ранена и свободна. Я послушно оборачиваюсь к выходу. Ксану не видно, что на лестнице замерли гвардейцы. Мне не пройти. Хах, мне просто нужно в прошлое…

Кадор запрокидывает голову, и воздух над ним начинает дрожать, как бывает в раскалённой пустыне. Возникает нечто большее, чем мираж.

Мы всё ещё в подземной части храма, над нами потолок, и я его отчётливо вижу. Но одновременно я вижу далёкое ночное небо в россыпи звёзд. А ведь на улице сейчас самый разгар дня. На чёрном небе светит полная луна необычайно

светлого оттенка. Её сияние капля за каплей дождём перетекает к Кадору, луна медленно покрывается сетью тонких трещин, и очевидно, что вскоре они станут глубже больше, превратятся в рзломы, и луна рассыплется.

— Он действительно убивает Белую богиню, — потрясённо выдыхает Манс.

Впрочем, потрясение никак не мешает ему справиться с приблизившимися ко мне младшими жрецами.

Кадор отмахивается от Ксана, но в этот раз не отбрасывает, с поднимает за крыло, рвёт кожаную перепонку.

— Не-е-ет!

Это мой крик?

Кадор бросает Ксана на пол, обрушивается песчаной бесформенной массой. Он даже не душит, он… давит.

Смеётся Великий князь:

— Имперский принц прихлопнут как букашка.

На миг Ксану удаётся вынырнуть из песчаной круговерти, схватить воздуха и крикнуть непонятно:

— Сейчас!

Кадор погребает его под собой полностью.

Одна из жриц хлопает ладонью по полу. Я не

могу понять, что именно она произносит, но пол откликается и наливается тусклым светом. Похоже, только гораздо ярче, светился алтарь на церемонии открытия нового храма.

— Белая богиня, прими жертву! — мама одну руку воздевает к луне, а второй бросает в песчаный вихрь невесть откуда взявшийся у неё жезл. Я не сразу понимаю, что жезл нематериален, а соткан из чистого света.

Навершие зарывается в песок.

Кадор содрогается всем великанским телом, трещины на луне не только исчезают, но и сила, которая только что утекала, возвращается. Белая богиня восстанавливает собственные силы и… начинает поглощать силы Кадора.

Жертва превратилась в охотника.

С воем, почти неотличимым от воя гончих, Кадор вытягивается в песчаный столб. Он пытается не соприкасаться с полом? Изогнувшись, он тянется к лестнице. Ксан приподнимается и уцелевшим крылом смахивает песок, обрушивает столб на пол, на себя. Теперь песок полностью его скрывает.

— Ксан…

Луна сияет ярче, нежный свет оборачивается слепящей белизной, мир исчезает, я вижу только

призрачную бесконечность и тёмный силуэт Песчаного Кадора. Бог испаряется, растворяется в белом свете, как кусок сахара, попавший в обжигающе-горячий чай. Я вижу его попытки сорваться с пронизавшего его насквозь луча света, но…

Его силуэт всё меньше, тоньше, вой стихает, и, наконец, не остаётся ничего, кроме слепящего света.

Постепенно ко мне возвращается зрение.

Алтарь Кадора разрушен. От жрецов остались горки серого праха, и я подозреваю, что убила их не богиня, а сам Кадор в последней попытке собрать силы для борьбы.

Великий князь тоже убит.

Габриэль жива.

Папа удерживает обессилившую маму, Кей рядом с ними. Я ищу взглядом Ксана. Он был в эпицентре… Поднявшись, я, прихрамывая — когда я успела подвернуть ногу? — добираюсь до места, где я видела Ксана в последний раз, опускаюсь на колени, ворошу горячий не то пепел, не то серый песок. Пальцы жжёт, но я не останавливаюсь.

— Иси, — окликает меня Кей.

Я отмахиваюсь, продолжаю искать. Костяную

броню я узнаю на ощупь.

— Ксан!

Нашла!

Хочется приподнять его голову, но я себя останавливаю — а вдруг переломы, вдруг наврежу? Поэтому я просто стряхиваю колючие серые хлопья, зову.

Его глаза закрыты, дыхание не чувствуется, прощупать под чешуёй пульс невозможно.

— Что с его высочеством? — оборачиваюсь я к Мансу.

Я понимаю, что парень не врач и не целитель, но он явно знает о демонах больше меня.

— Княжна, его высочество сразился с богом. Чего вы хотите? — горько спрашивает он.

Он намекает, что Ксан… Нет, только не это! Один раз я уже попрощалась, больше не хочу.

— Ксан…

— Княжна, возьмите себя в руки, — одёргивает Манс. — Вы единственная, кто может вызвать помощь из посольства.

— Да…

— Иси, — зовёт брат.

Кей явно недоволен моим поведением, но я быстро нахожу ему дело:

— Освободи князя Яреса и остальных.

Яд Кадора прекратил существование вместе с Кадором, княжеские семьи выжили, однако… магия, как я понимаю, их покинула — Кадор ведь успел её забрать.

Габриэль поднимается. Кажется, принцесса намерена навязаться мне в помощницы.

А ведь после гибели Великого князя формально именно она первая претендентка на трон…

— Ваше высочество принцесса Габриэль, — князю Яресу ни скованные руки, ни положение снизу вверх не мешают говорить внушительно, — по обвинению в государственной измене, пожалуйста, оставайтесь на месте.

— Что? — Габриэль практически взвизгивает. — Вы думаете я добровольно согласилась стать хуже рабыни?!

— Нет, — соглашается князь, — но вам придётся предстать перед судом, который не только определит степень вашей виновности, ваше высочество, но и решит будущее Вадора.

Я ступаю не лестницу.

Лже-гвардейцы тоже обратились в прах, я выхожу беспрепятственно.

К счастью, мне не нужно далеко идти. Ксан говорил, что ориентир — фонтан. Я поворачиваюсь к бьющим в небо прозрачным струям и

призывно машу рукой. Из-за угла здания тотчас выглядывает коренастый мальчишка лет двенадцати-тринадцати. Я ещё раз взмахиваю, и мальчик трусцой направляется ко мне.

Дождавшись, когда он подойдёт, я коротко обрисовываю ситуацию и отправляю парня в посольство, а сама поворачиваюсь к храму. Гори всё огнём, я просто не могу уйти, мои нервы не настолько крепкие.

Я тяжело вздыхаю:

— Белая богиня…

Почему она не стала исцелять Ксана? Или даже её сила на него не действует?

— Вот и оставляй вас, госпожа.

— А?! Мооpаца?

Она кланяется, будто настоящая горничная.

Отвернувшись, я возвращаюсь в храм. Мооpаца следует за мной, но я больше не обращаю на неё внимания.

Пока не слышу её полный изумления голос:

— Манс? Как ты умудрился потерять ногу?

Меня коробит от её беспардонности, если не сказать грубее. Манс корчит рожу и поджимает ногу. Ладно, в любом случае они разберутся без меня.

— Мама, как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем ожидала. На самом деле со мной всё в порядке.

— Я рада, — надеюсь, она не врёт.

Я присаживаюсь рядом с Ксаном. Он по-прежнему без сознания. О том, что он может быть мёртв, я думать не хочу. На глаза наворачиваются слёзы, но я сдерживаюсь и твержу про себя, что живых не оплакивают.

Богиня, я уверена, не позволит мне вернуться в прошлое — не обменяет победу над Кадором на жизнь демона. Пустыня вскоре станет страной Лунных озёр… Я не знаю, какое название будет на самом деле, но это и не важно, важно, что Белая богиня очень много приобрела.

Не знаю, сколько времени проходит…

Появляются служащие посольства, забирают Ксана, Манса. Я хочу последовать за ними, но для меня нет экипажа.

— Княжна Исидара, не торопитесь, пожалуйста, — обращается ко мне князь Ярес. Он провожает имперцев подозрительным прищуром.

Я кожей ощущаю, что что-то намечается.

— Простите?

— Вадор обезглавлен. Как защитники княжества, мы обязаны принять меры немедленно. Мы обязаны собрать Совет, назначить регента и

прояснить волю нашей благодетельницы Белой богини.

Что у него в голове? Объяснение звучит красиво, не спорю. Но почему мне чудится, что князь Ярес нацелился на трон? Хах! Вероятно, он уверен, что все без исключения княжеские семьи лишились магии. Если он узнает, что наша семья отличается… Опасный расклад.

Кивнув, я притворяюсь безразлично-послушной — пусть моя готовность возражать станет неприятным сюрпризом.

В соседний экипаж садится Габриэль. Он бросает на меня полный мольбы взгляд, однако мне нечего ей сказать.

Наш экипаж трогается — сидим мы с братом и родители, Мооpаца растворилась в толпе, будто её и не было.

Беспокойство за Ксана съедает…

— Па-а? — напрягается Кей.

— Что случилось?! — я выныриваю из размышлений о предстоящем Совете.

Папа с усилием трёт виски, морщится.

— Мы… должны поддержать её высочество принцессу Габриэль, принцесса Вадор наш сюзерен.

Кей морщится и не пытается возразить, наобо-

рот, на лице появляется растерянность.

Я окончательно убеждаюсь, что ментальный контроль есть.

— Конечно, мы поддержим, — хмыкаю я. — Её высочество подозревают в государственной измене, ей грозит казнь, и мы обязательно добъёмся, чтобы её жизнь была вне опасности. Я полагаю, можно обратиться к Белой богини. Месячное пребывание в храме будет для её высочества полезно во всех смыслах. О коронации её высочества можно подумать позже.

Уверена, Габриэль со мной не согласится, но это её трудности. Я просто собираюсь под видом заботы сделать то, что выгодно мне.

Вадор…

Без магии мы добыча. Не только для имперцев. Аристократы, осознав, что княжеские семьи потеряли преимущество, начнут борьбу за власть, а это гораздо страшнее имперского вторжения.

Стереть границу и присоединить Вадор к империи означает дать дорогу торговым гильдиям. Исчезновение ввозных пошлин вдвое, если не втрое, сократит цены, княжество получит доступ к материку. Аристократия понесёт убытки, но горожане и крестьяне выиграют.

У нас не любят империю, но даже у нас призна-

ют, что простые люди в Таэле живут зажиточно. А ещё таэльских крестьян защищает закон. В Вадоре нашли убежище не меньше трёх лордов, осуждённых в империи за жестокое обращение со слугами.

Словом, я выбираю империю и не вижу беды в том, что мы из приближенных к власти станем ничем не примечательными провинциальными аристократами. Даже в лишении титула я не вижу большой беды — деньги-то у нас есть.

Папа неуверенно кивает, его мой вариант “защиты” принцессы устроил.

Вереница экипажей втягивается в ворота дворца.

Когда мы выходим на мостовую перед парадной лестницей, князь Ярес, как будто он самый главный, уже принимает доклад мелкого придворного — секретарь Великого князя и ещё шесть человек, считая старшую фрейлину принцессы леди Аль, внезапно обратились в пепел, во дворце паника.

Князь Шерс пристроился за правым плечом князя Яреса. Быстро они объединились…

Немного в стороне держится князь Арден.

— Почему бы нам не пройти в тронный зал? — предлагает князь Шерс. — Князь Ярес, вас не

затруднит на время взять общее руководство?

— Совет будет закрытым, — кивает князь Ярес и первым устремляется вверх по парадной лестнице.

Габриэль не пытается его одёрнуть. Она всё ещё принцесса и имеет право на соответствующее обращение. Она игнорирует открытое оскорбление и подходит к нам:

— Князь Кокберг.

Глава 25

— Нам лучше поторопиться, — вмешиваюсь я.

Габриэль игнорирует.

— Князь Кокберг, я могу положиться только на вас! — восклицает она и пускает по щеке бриллиантовую слезу.

Старая как мир уловка действует, папа “плывёт”. Кей тоже под впечатлением. Впрочем, я думаю влияет не игра Габриэль, а продолжающий действовать ментальный поводок.

Отступив, я не препятствую пустому разговору и встречаюсь взглядом с князем Арденом. Он, глядя на меня, чуть усмехается.

— Княжна, вы выбрали сторону, — он говорит достаточно тихо, чтобы его слышала только я. Даже не столько услышала, сколько по губам прочитала. И уловила упрёк то ли в ошибочном

выборе, то ли в незрелости суждений.

Кивнув, я уступаю дорогу Габриэль. Князь Арден и члены его семьи не возражают быть последними. Я нарочно замедляюсь, чтобы спросить:

— А вы, князь?

— Я на стороне будущего, княжна Исидара, — уверенно отвечает он, но мне в его ответе чудится игра словами. — Я понимаю вашу обиду на правящую семью. Но… вы уверены, что принц Шенайский не нанесёт вам ещё более глубокую обиду? Стать супругой имперского принца, безусловно, заманчиво, однако с падением Вадора слова принца станут не более, чем шуткой. Я слышал, что его высочество женится на принцессе Фиотской, переговоры уже ведутся. Княжна, я не лгу.

— В чём вы пытаетесь убедить меня, князь Арден?

Мы поднимаемся по парадной лестнице, ступаем на ковровую дорожку, устилающую ведущий к тронному залу коридор.

— Убедить? Не-ет. Я лишь обращаю ваше внимание на очевидные факты и прошу их обдумать. Империя лишит вас статуса и титула, из княжны вы опуститесь до положения дочери низшего

провинциального аристократа. Я убеждён, что все мы должны сплотиться перед угрозой вторжения и защитит нашу страну.

— И кого назначим регентом? — в лоб спрашиваю я.

Князь Арден пожимает плечами. Видимо, ему не понравился мой враждебный тон.

Его слова заставляют меня задуматься — правильно ли я поступаю?

Заниматься политикой — последнее, что я хочу. Особенно сейчас, когда сердце рвётся от беспокойства за Ксана, и я держусь только потому что Манс меня заверил — броня исчезает сразу после гибели демона, Ксан жив. Но… Не в моих силах исцелить или ускорить выздоровление. Зато в моих силах взять грядущий хаос под контроль. Или хотя бы свести ущерб к минимуму. Разве не так должна поступать претендентка на роль супруги принца?

В любом случае, пока ментальный поводок не снят, я не могу бросить свою семью.

Гвардейцы, настоящие, не ряженые, распахивают двери тронного зала.

Князь Ярес взирает на нас с высоты возвышения. Примечательно, что князь Шерс с семьёй занял место подле возвышения.

Я успеваю заметить, как Габриэль стискивает пальцы. Однако принцесса не возражает.

— Вадор обезглавлен, империя готовит вторжение, — начинает князь Ярес. — Мы должны защитить нашу страну, наши границы. Я уверен, союз с Элией будет наилучшим решением.

Что?!

Я рвано выдыхаю…

Элия действительно может дать войска и сохранить привилегированное положение некоторых аристократов. И назначит цену.

На юге Элии тянется Мёртвый каньон, в котором добывают лучшие в мире кристаллы, используемые в артефакторике. Название каньона говорящее. Рабочие травятся вредными испарениями и гибнут, редко, кто выдерживает больше года. Поэтому элийцы закупают… рабов. Они будут очень рады предложению князя Яреса, ведь он будет поставлять им крестьян тысячами.

— Поддерживаю, — кивает князь Шерс.

— Князь Арден тоже поддерживает? — резко спрашиваю я.

— Княжна, — морщится князь Ярес, возомнивший себя правителем.

Неожиданно, но Габриэль встаёт на мою сторону:

— У княжны Кокберг права высказаться не меньше, чем у вас, князь. Есть предел допустимому. Отдать Вадор на разграбление только потому что элийцы позволят сохранить видимость независимости также преступно, как приносить Вадор в жертву во имя личного бессмертия.

Габриэль поднимается на возвышение и, спокойно обойдя князя, совершает вопиющее — опускается на трон.

Князь Арден наблюдает молча. Он напоминает мне змея, выжидающего среди камней и готовящегося к броску.

— Я предлагаю вступить в Алый союз. Таэль доминирует на материке, и не всем такое положение вещей нравится. Получив возможность ударить с двух сторон и вынудить империю вести войну на два фронта, Алый союз непременно ею воспользуется. Мы получим временные трудности, но главное, что интереса к полуострову в долгосрочной перспективе у Алого союза нет.

Папа согласно кивает. Ни желания захватить власть, ни своих идей у него нет.

— Решено, — Габриэль хлопает ладонью по подлокотнику. — Регентом назначается князь Кокберг.

— Ваше высочество! — негодующе вскрикивает

потрясённый до глубины души князь Ярес. Я про себя усмехаюсь.

— Поддерживаю, — князь Арден щурится. — Если князь Ярес возражает, мы утвердим регента на Совете лордов. Уверен, союз с Элией не найдёт поддержки.

— Князь Ярес, — продолжает Габриэль, — вы были лишены благословенного дара Белой богини. Когда Вадор нуждался в защите, вы не только не сделали ничего, чтобы защитить страну и храмы, но и сами ждали спасения.

— Все были лишены.

— Отнюдь. Князь Кокберг, пожалуйста, покажите нам.

Папа послушно поднимает руку, и с его пальцев вьются похожие на дым тени. Серые клубы темнеют, сворачиваются в силуэты, и в одном из них я опознаю гончую.

Мне хочется ругаться — я надеялась, что наша семья будет считаться такой же лишившейся магии, как и остальные. Но нет. Габриэль оказалась не менее внимательна, чем я.

Князь Ярес вскидывается. Князь Шерс реагирует ярче — отступает от теней на шаг, едва не падает, запнувшись о ведущие к трону ступеньки. Князь Арден держится лучше всех, но счастливым тоже

не выглядит.

У нас проблемы…

— Что же, убедительно.

Габриэль улыбается:

— Регентом единогласно назначен князь Кокберг. Благодарю. Прежде, чем мы обратимся к Алому союзу и проинформируем Совет Лордов об изменениях, нам следует решить ещё один вопрос. Поскольку наша династия утратила доверие, я не могу принять наследие Дарена Вадора без благословения нашей благодетельной покровительницы Белой богини. Я считаю, что церемонию коронации следует соединить с брачной церемонией. Молодой князь Кокберг, только вы можете принести Вадору благословение богини и спасти нашу страну от захвата империей.

Я теряю дар речи.

Я совершенно не ожидала, что Габриэль нацелится на Кея.

Брат осчастливленным не выглядит, скорее испуганным. Он оглядывается на меня.

Ни открыто возразить, ни помешать Габриэль связаться с Алым союзом я не могу, зато я могу передать информацию Таэлю, чтобы империя успела отреагировать.

— Я…, — запинается Кей.

Габриэль решительна:

— Молодой князь Кокберг, только вы можете вернуть Вадору свет луны.

Внезапно двери с грохотом распахиваются.

— Что за чушь я только что услышал?!

Жив!

И даже в порядке. По крайней мере, так кажется. Вид цветущий, в голосе смесь брезгливого недоумения и лени.

Маска новая, не менее уродливая, чем предыдущая, мундир сидит идеально.

— В-ваше высочество? — князья Арден и Ярес встают плечом к плечу, будто готовы оборонять-ся. — Простите, но мы не можем быть уверены, что видим именно вас, учитывая состояние, в котором вас забрали…

— И по какому праву вы врываетесь на Совет государственной безопасности?

Ксан оборачивается. Через распахнутые двери мне видно, что гвардейцы, пытавшиеся помешать, стоят обезоруженные, а рядом имперцы. Ксан захлопывает створки, оборачивается.

— Господа, вы настолько забавные, что я дарую вам должности младших придворных шутов при дворе Таэля. Вадор существовал милостью Белой богини. Милости нет, армии нет, власти нет. Сло-

вом, государства нет, а безопасность обсуждаете? Собственно… А есть хоть одна причина, по которой я не могу прямо сейчас вас всех обезглавить? Вам лучше поторопиться и назвать хотя бы одну, потому что я не знаю, а меч я недавно точил и хочу проверить остроту.

— Князь Кокберг! — восклицает Габриэль.

— О? Леди Габриэль, вы шутите ещё забавнее. Князь Кокберг, если я правильно понял, вас призывают убить меня. Пожалуй, я не возражаю, если вы попробуете. Пожалуйста.

Что он творит?

То, что магия не должна действовать, это одно, а как получится — другое. Вдруг невосприимчивость “сгорела” в храме?!

Папа медлит.

Убийство имперского принца только ухудшит положение. Для Таэля станет вопросом принципа уничтожение нашей страны, никакой Алый союз не поможет.

Но не убить означает подчиниться. Ксан ведь не поболтать пришёл.

— Да гори ты!

Кей срывается.

Поднимается жаркая волна, огонь вздымается высоко к потолку, а ведь это тронный зал… На

белой поверхности остаётся чёрный след копоти. Пламя обрушивается вниз, накрывает Ксана оранжево-красной пеленой. Рёв огня бьёт по ушам.

Я на миг зажмуриваюсь. Одним ментальным поводком действия Кея не объяснить.

Почему он так со мной поступает?!

Стихия бушует. Со стороны кажется, что выжить в огне невозможно.

Но Ксан выходит, не пострадав. Не сгорела ни одежда, ни маска. А вот меч почему-то раскалился.

— Что?! — Кей опускает руки, и пламя стихает.

— Молодой князь, вы забыли, что я демон? — Ксан, не скрываясь, издевается.

— Я… Я вызываю тебя на поединок, демон!

Кей… Братик, ты жалок.

Ксан отвечает не сразу.

— Молодой князь, вы можете не уважать меня, но я всё ещё принц империи Таэль, и, обращаясь ко мне неподобающим образом, вы прежде всего, показываете собственный недостаток образования и выдержки. Много чести тратить на вас время.

Кей краснеет, но возразить ему нечего. Он действительно повёл себя некрасиво. К тому же всем

очевидно, что поединок закончится безоговорочной победой Ксана.

Все молча расступаются, позволяя Ксану пройти к трону.

Он медленно поднимается на возвышение и останавливается перед Габриэль.

Внешне она сохраняет спокойствие. Габриэль поднимает голову, словно её ни капли не тревожит, что имперец смотрит на неё сверху вниз, буквально нависает над ней.

— Ваше высочество, если вы меня обезглавите, — Габриэль беспечно улыбается, — Таэлю придётся взять на себя ответственность, Алый союз получит поддержку стран, обеспокоенных агрессией империи. Захват Таэля также вызовет проблемы, которых можно избежать очевидным способом, а именно подтвердить воссоединение Вадора и Таэля через единство династий.

— Леди, я не ослышался? Вы предлагаете мне себя в качестве невесты?

— Да.

Только пальцы, впившиеся в подлокотник, выдают. что Габриэль не так расслаблена, как показывает. Если в браке с Кеем для неё смысл был — за счёт магии получить контроль над аристократией — то брак с Ксаном… кажется

невозможным. И Габриэль, думаю, это отчёливо понимает. Однако не может не цепляться за малейший шанс.

— А пожалуй, вы правы, — усмехается Ксан. — Моей супругой станет Великая княгиня Вадора.

Габриэль растерянно улыбается.

Отец хмурится, а вот Кей доволен, но не знаю, чем именно — что Габриэль нашла себе нового жениха или что Ксан больше не претендует на мою руку.

— Ваше высочество…

— Поскольку династия Вадор утратила права на трон, будет коронована дочь единственной семьи, сохранившей дар Белой богини. Сегодня это решение должен озвучить Совет лордов. Единогласно. Также Совет лордов будет просить Таэль принять княжество обратно в состав империи. Князь Ярес, если вы рассчитываете сохранить хоть каплю влияния, вам стоит сосредоточиться на деле. Вас, князь Арден, это также касается, а вы, леди Габриэль, на сегодняшнем Совете выступите перед лордами с правдивым докладом о преступлении Великого князя и отречётесь от притязаний на корону в пользу моей невесты. В противном случае вы, принцесса Габриэль, предстанете перед судом. Вы готовы отвечать за

преступление вашего отца? Как претендентке на наследство, вам придётся разделить ответственность.

— Князь Ярес станет прекрасным губернатором, а князь Арден — градоправителем, — вклинивается князь Шерс.

— Ваши способности делить места поражают, но прежде, чем что бы то ни было требовать, докажите свою полезность. Я ясно выразился?

— Да, ваше высочество.

Папа, пожалуй, единственный промолчавший. Но и он не возражает, а Габриэль медленно поднимается. Былая царственность куда-то пропала, Габриэль бросает на Ксана взгляд из-под ресниц, точь-в-точь как делала продержавшаяся дольше всех остальных фаворитка её отца. Ксан игнорирует призыв и насмешливо приказывает позвать Манса.

В одночасье Габриэль с вершины власти низвергнута до положения девочки на побегушках.

Но Габриэль не выглядит опечаленной. Спускаясь с возвышения в зал, она бросает оценивающий взгляд на Кея, словно решает попытать удачу с доверенным помощником принца или сразу предпочесть надёжного лопуха. Я совершенно не удивляюсь, что выбор падает на Кея — пригласив

Манса, Габриэль возвращается к Кею, берёт его под руку нежно, но цепко, не стряхнуть. И если в первое мгновение брат напрягается, то, услышав тихие жалобы на невиданное унижение, Кей не только расслабляется, но и шёпотом принимается утешать бывшую принцессу, а она льнёт к нему и, не удивлюсь, если в ближайшие пару часов утащит в постель, чтобы Кей, как порядочный, на ней женился.

Раздражает…

— Манс, князья Ярес, Арден, Кокберг и Шерс готовы действовать во имя блага Вадора, помоги им, пожалуйста.

— Да, ваше высочество.

Кей прожигает Ксана злобным взглядом. Только что Ксан в очередной раз всех унизил — по правилам этикета нижестоящего представляют вышестоящему, а Ксан представил князей помощнику.

— Приступим, — приказывает Манс и потирает ладони. Можно быть уверенной, что господа интриганы в надёжных руках.

Ещё бы Габриэль приструнить…Или позволить Кею самому ошибаться и прозревать? Как я с Реем… Было больно, но отрезвляюще полезно. Чужие советы мне бы точно в то время не по-

могли, увы.

Ксан спускается с тронного возвышения, приближается ко мне:

— Моя драгоценная невеста княжна Исидара Кокберг, почему вы здесь?

— Хм?

Подхватив мои пальцы, Ксан замирает. Кажется, он хотел поцеловать, но забыл про маску.

До меня доносится сердитое пыхтение Кея.

— Княжна Исидара, почему вы не отдыхаете после утреннего происшествия? Вам следует больше себя беречь. Позвольте угостить вас чашечкой кофе?

Неужели я наконец-то узнаю, что случилось с нашей семьёй в далеком “довадорском” прошлом?!

Серебряная гостиная, приглашение в которую ещё недавно считалось высочайшей честью, встречает нас тишиной и одуряющим ароматом кофе. Я с первого вдоха определяю, что заваривал Манс. Разве может быть иначе?

Ксан лично закрывает створки.

Одна из младших фрейлин, успевших сориентироваться и пристроиться к нам в качестве свиты, пытается намекнуть, что уединяться с леди до брака неприлично. Ксан игнорирует.

— Как грубо, — хмыкаю я.

— Зато честно. Пусть не рассчитывают отправиться с тобой и ищут другие варианты.

Ксан сбрасывает маску.

И только сейчас я понимаю, что цветущий вид был… показушный. Нет, не похоже, что Ксану плохо, но наглухо застёгнутый мундир и перчатки надёжно скрывали кожу. Когда маска снята и лицо открыто, видны борозды костяных чешуек.

— Если кто-то из нас и должен отдыхать, то это ты, Ксан.

— Не получится. Не хочу разгребать последствия излишней княжеской активности. Напоминаю, Иси, я злодей, пришедший захватить Вадор. Но пока я буду отдыхать, Ярес и Арден распродадут всё, что можно и нельзя. Не переживай, я в порядке. Но… Возможно, вернуть человеческий облик не получится.

Я протягиваю руку, касаюсь шероховатых чешуек. Внешне, конечно, непривычно, но не вижу ничего ужасного. Однако оцарапаться о костяные бляшки легче лёгкого. Как-нибудь разберёмся. Я встаю на цыпочки и целую.

Ксан отвечает с жаром, пылом и… осторожностью, словно даже подсознательно меня оберегает от царапин.

— М-м-м…, — я готова забыть все свои вопросы.

— Кофе остывает, — Ксан отстраняется.

— Это месть за ночь? — прищуриваюсь я и отхожу к столу. — Кстати, а если я хочу назначить ту милую девочку своей фрейлиной?

Ксан подвигает мне стул:

— Иси, хоть Габриэль своей фрейлиной назначай. Я верю в твой вкус.

Хм… Приятно, конечно, но я бы предпочла выбрать фрейлин из списка рекомендованных. Важно окружить себя девушками, с которыми мне приятно проводить время, но гораздо важнее, чтобы они были надёжными.

— Габриэль нацелилась на Кея.

— Ты хочешь помешать? Я помогу, хотя не считаю вмешательство правильным. Мальчику пора взрослеть.

— Ты прав, пора. Ты расскажешь мне…?

— Да, — Ксан понимает меня с полуслова. — Иси, ты знаешь, как возникла империя?

Упс…

На уроках истории учитель говорил об этом в самых общих чертах.

— Таэль был небольшим баронством, начавшим завоевательную войну, в результате которой

объединил под собой одну пятую материка, поэтому съедать соседей в природе империи.

— И кого мы, кроме Чустинии, съели на протяжении веков? Сегодня к списку добавится Вадор.

Я пожимаю плечами.

Не оправдываться же, что я не знаю. В ближайшее время выпишу себе из империи учителя…

— Согласись, аппетитов империи Великие князья боялись не зря.

— Ну… да, — Ксан обезоруживающе улыбается. — Начну с того, что мы выходцы из Хаоса. На домен, которым владели наши предки, напал Пожиратель. Обычно боги поглощают излишки энергии и следят за благополучием кормящего их мира. Пожиратель пошёл по иному пути. Он выпивал миры досуха. У моих предков не было сил ему противостоять. И не только у моих предков. К счастью, Пожиратель назначил первым блюдом Песчаного Кадора, а не клан демонов. Кадору удалось сбежать, он пробил путь в этот мир, а мои предки… смешались со свитой Кадора. Хотя я не уверен, что “свита” подходящее слово. С Кадором шла свора низших демонов. Те же гончии, например. Местные боги вторжению не обрадовались и наделили некоторых людей способностью сражаться с демонами на равных. Абсолютно верно

— лавину тварей следовало остановить. Кокберги оказались среди избранных.

У нас настолько древняя история?

Ксан рассказывает не про “довадорский” период, нет. Он рассказывает про “доимперский”!

— Папа ненавидит вас из-за дара? — хмурюсь я.

— Нет. Насколько я знаю, дар не вызывает ненависти, но он позволяет ощущать присутствие демонов. Возможно, князь Кокберг чувствует в моём присутствии холод или зуд, таких деталей я не знаю.

— Тогда почему?

Ксан отодвигает пустую чашку и пожимает плечами:

— Земли были разорены, но совместными усилиями людям удалось очистить континент от низших демонов и выдавить Кадора на юг. К сожалению, божок сумел зацепиться в пустыне и не придумал ничего лучше, чем взять пример с Пожирателя. Что касается моих предков, то они обосновались в Таэле. Баронство было настолько крошечное, что его не на каждой карте найдёшь. Старый барон и его наследник погибли, сражаясь с низшими демонами в первых рядах. Младший отпрыск оказался круглым дураком, вместо того,

чтобы заботиться о своей земле, о своих людях, он кутил, тянул из разорённого баронства последние жилы, низвергая крепких бедняков в пучину абсолютной нищеты. Люди восстали, и барончик побежал за помощью к герцогу, привёл армию. Мои предки вмешались и навели порядок.

— Захватили герцогство? — хмыкаю я.

Уверена, одного Таэля им показалось мало.

— Да. И мы не только открыли зернохранилища, опустошили казну на нужды простых людей, но и на пять лет отменили все без исключения налоги. К нам хлынули люди с соседних земель. И как ты понимаешь, правителям это не понравилось. Началась Вторая война. С точки зрения аристократии мы были захватчиками, и формально они правы. Кокберги сражались против нас… Знаешь, кто такие рыцари чести?

Серьёзно?!

— Это рыцари, не просто поступившие на службу за жалованье, а жизнью поклявшиеся сюзерену в верности.

Почему я сама не сообразила?! Все признаки, как говорится, на лицо.

Обычно рыцарями чести становятся либо разорившиеся аристократы, попавшие в настолько тяжёлое положение, что готовы поставить на кон

не только свою судьбу, но и будущее потомков, либо простолюдины, для которых клятва становится билетом в высшее сословие.

— Кокберги не сумели защитить своего господина, и клятва должна была убить их на закате. У них было всего несколько часов, чтобы спастись, — продолжает Ксан. — Глава рода умолял моего предка принять Кокбергов под свою руку, но мой предок категорически отказал, тем самым обрекая на смерть всех членов семьи, включая маленьких детей. Кокбергов спас глава рода Вадор, согласившийся принять клятву, и таким образом семья была спасена.

Хм…

— Почему твой предок отказался принять клятву? — все наоборот стремятся получить безусловно преданных вассалов.

— В архивных записях точных объяснений нет. Можно я не буду придумывать пустых оправданий? Если честно. я уверен, что он считал рыцарей, наделённых богами способностью на равных сражаться с демонами, смертельно опасными и хотел, чтобы они исчезли. Не исключено, что он нацелился на их господина именно чтобы в конечном счёте избавиться от самих Кокбергов.

— Временами папа ведёт себя так, как будто он под внушением. Да и Кей тоже.

Ксан кивает:

— Так и есть. Иси, твои предки обманули клятву. Естественно, по ним ударила отдача. К счастью, страдает только глава рода и его сыновья.

— А дочери?

Мне страшно от одной мысли, что я тоже окажусь на поводке.

Ксан успокаивающе улыбается:

— Дочери переходят в род мужа, их долги родительской семьи не касаются. И это просто прекрасно, потому что достаточно выдать Габриэль замуж, чтобы клятва естественным образом прекратила действовать.

— О?!

— Именно. Габриэль последняя из рода Вадор. Благодаря ей смерть Великого князя и принца не стала для твоей семьи фатальной. И сейчас можно спокойной избавиться от привязки. Только я не представляю, кого наказать такой женой.

Эпилог

Солнечный свет заливает комнату, отражается в хрустале и зеркалах, рассыпается мириадами золотых искр, и кажется, что комната дышит волшебством.

Или волшебством дышу я?

Наступил день, который изменит мою жизнь. Через два часа в открытой коляске, увитой гирляндами серебряных колокольчиков, я отправлюсь из родного дома в главный столичный храм Белой богини. Пока ещё главный, пока ещё столичный… Меня не будут короновать как Великую княгиню, но на мою голову всё равно возложат венец Вадора. Лорды специально для меня утвердили новый титул — Благословлённая Белой богиней Хранительница благоденствия… Хах, как будто многословность может придать веса. Кстати, Кокберги единственные сохранили княжеское достоинство, остальные рода, лишившиеся магии, отныне лорды-рыцари.

Сегодня же состоится свадьба, наша с Ксаном свадьба… Впервые в истории член таэльской императорской семьи женится не только вне столицы, но и формально за рубежом. Вадор войдёт в состав империи в статусе моего приданого.

Через три дня мы отправимся в большое путешествие по землям империи, и я наконец-то увижу мир за пределами полуострова. Хотя мне немного грустно расставаться родными местами, я предвкушаю счастливое приключение и стараюсь не думать о том, что завершится оно

знакомством с венценосным свёкром, который, как поделились со мной и Габриэль, и Манс, совсем не рад выбору сына.

Манс удивил — сделал предложение Мооряце. Леди раскрыла своё положение в империи, официально стала моей фрейлиной и обещала Мансу подумать.

Габриэль уже замужем. Ксан не стал тянуть и тихо пристроил её за достопочтенного имперского лорда, весьма импозантного вдовца, запомнившегося мне хитрым прищуром и копной седых волос. Не знаю, довольна ли Габриэль, она не возражала и на жениха поглядывала с интересом. Строила планы? В любом случае брак лучше казни или пожизненного заточения в храме.

В дверь раздаётся стук:

— Дочка? — створка приоткрывается.

— Па-а-а? Заходи!

Папа выглядит слегка помятым, он явно… стесняется?! Вчера Ксан разговаривал с ним наедине около двух часов. Деталий я не знаю, но подозреваю, что Ксан, не щадя, высказал всё, что думает. Вероятно, рассказал правду о моём даре, о том, что мне пришлось пережить гибель всей семьи и собственную смерть.

— Чудесно выглядишь, Иси.

— Спасибо, пап.

— Ты сейчас очень похожа на маму в день нашей свадьбы. Выглядишь… счастливой. Ты действительно хочешь стать принцессой Шенайской?

Я улыбаюсь и качаю головой:

— Нет, пап.

— Хм?

Папа не успевает нахмуриться, я с тихим смешком поясняю:

— Я хочу стать женой Ксана, а принц он или простой посол мне совершенно не важно. Даже будь он вовсе мелким торговцем, — я вспоминаю “Вегу”, — моё сердце выбрало бы его.

— Меня всё ещё беспокоит, что он демон, — папа неловко пожимает плечами. — Однако… пока ты счастлива, ничто другое не имеет значения. Дочка, хотел бы я попросить прощения за то, что подвёл тебя, но “прости” за всю ту боль, что тебе пришлось испытать звучит издевательски. Не получилось у меня стать хорошим отцом.

— Па-а…

Я крепко обнимаю его, не заботясь о платье, которое наверняка помнётся.

Он опускает голову мне на плечо, замирает. Я

не отстраняюсь, терпеливо жду и вдруг понимаю, что ткань на плече становится влажной.

Папа… расплакался?! Не верю! Но влага на платье красноречивее любых слов.

Я глажу его по спине.

— Прости, Иси.

— Я люблю тебя. Помнишь, когда я была маленькой, я рассердилась, что мы не идём на ярмарку из-за того, что у тебя много работы, забралась к тебе в кабинет и случайно опрокинула чернильницу?

— Увидев фиолетово-синюю красоту, я сказал, что замуж тебя возьмёт демон.

— Может, ты тоже умеешь предсказывать будущее? — улыбаюсь я.

— Больше похоже не проклятье, — хмыкает папа. — Если серьёзно… Нашему роду всегда благоволила Белая богиня и не оставляла нас в самые трудные времена. Принести клятву Вадорам именно её совет. Цена оказалась высокой, но, знаешь, Иси, оно того стоило. Мы выжили и будем жить дальше. Боги не любят демонов. Мы получили дар сражаться с ними на равных, чтобы остановить выплеснувшуюся из Хаоса волну тварей, но истина отличается. Предполагалось, что мы уничтожим всех демонов после того, как

будет убит Кадор. Кадор убит.

— Па-па…

Качнув головой, он легко хлопает меня по ладони:

— Иси, разумеется, я не собираюсь рушить твоё счастье! Мне показалось, что ты должна знать всё предысторию наших… непростых отношение. Я ошибся?

— Ты прав.

— Будь счастлива, Иси.

— Не говори так, будто мы расстаёмся. Разве вы не приедете в столицу?

— Обязательно.

— Можно? — дождавшись разрешения, в комнату входит Кей.

Брату невероятно идёт парадный костюм, Кей выглядит взрослее, серьёзнее. Прозрение после снятия поводка очень повлияло на него. Кей до сих пор не понимает, как он был готов не только жениться на Габриэль, но и слепо следовать за ней всю жизнь — она планировала брак без перехода в род мужа, чтобы остаться последней Вадор и сохранить над нашей семьёй контроль.

Улыбнувшись, брат протягивает мне крошечную коробочку. Внутри серебристая кулон из лунного камня на серебряной цепочке. На вид

украшение простенькое, но я не сомневаюсь, что Кей привёз украшение из первохрама Белой богини.

— Надеюсь, его защита тебе никогда не пригодится, сестрёнка. Я хотел попросить прощения…

— Вы сговорились? — перебиваю я.

Папа с Кее переглядываются и дружно фыркают.

Мама входит последней. Она осталась прежней, но в то же время изменилась. Похорошела? Исчезли проблемы со здоровьем, а вместе с ними и первые морщинки. Кто нас не знает, теперь принимает за сестёр. Мама наконец-то почувствовала себя полноправной княгиней и взяла управление домом в свои руки.

Поцеловав меня в лоб, мама бросает на папу суровый взгляд и принимается поправлять на мне платье, причёску.

Времени всё меньше…

Я действительно хочу спуститься по парадной лестнице, выйти на крыльцо, сесть в открытую коляску, которая отвезёт меня по запруженным горожанами улицам в храм? Прямо сейчас я ещё могу отказаться, спрятаться, сорваться свадьбу…

Что за глупости?!

Будь Ксан рядом, мне было бы спокойнее, но его

я увижу только после того, как жрица возложит на мою голову венец Вадора.

— Волноваться перед свадьбой нормально, — улыбается мама. — Помню, я спряталась в кладовой за стеллажами, и храмовым сёстрам пришлось изрядно попотеть, чтобы меня отыскать.

— Я готова.

Мама смеётся, но кивает и серьёзно говорит, наверное, самое главное напутствие:

— Дочка, будь счастлива.

— Обязательно, мам. Как ты.

Время выходит.

— Коляска подана, — сообщает Мооpаца, успевшая незаметно войти в комнату.

Переступив с ноги на ногу, я оглядываюсь в поисках поддержки. В голове воцаряется сумбур, а сердце начинает биться с пугающей быстротой. Я сомневаюсь, хотя сама не понимаю, в чём именно. В свадьбе? Нет. В Ксане? Тем более — нет. Но мне всё равно боязно, и даже мысль, что я по-прежнему могу повернуть время вспять, исправить любую ошибку не успокаивает.

Брат делает шаг ко мне, подхватывает под руку, и я с благодарностью сжимаю его пальцы. Кей ничего не говорит, но уверенно направляет меня

к двери, и эта уверенность будто перетекает от него ко мне через наши сцепленные руки. Ко мне возвращается моя улыбка, и я снова способна ощущать то безграничное счастье, которое я испытывала после того, как дала согласие стать женой Ксана.

Мы спускаемся по лестнице.

Почти.

Последний штрих — горничный цепляют к моему наряду кружевной хвост. То есть шлейф. И чтобы я могла пройти и не запачкать его, сегодня рано утром храмовую площадь сто двадцать человек отмывали с ароматной пеной. Безумие…

Если честно, мне кажется, вадорцы радуются моей свадьбе больше меня самой и изо всех сил пытаются показать, что я достойная невеста имперскому принцу.

Кей помогает мне забраться в коляску, мама, отогнав горничных, сама укладывает на сиденье шлейф. И кучер понукает лошадей, коляска почти сразу трогается, до меня долетает его бормотание, что-то про толпу. Папа и Кей поедут рядом со мной — верхом. А вот мама… Обернувшись, я не могу поверить своим глазам. Мама, отказавшись от кареты, тоже садится на лошадь, причём в неудобное дамское седло. Мне и тревожно за

маму, хочется отправить её в экипаж, и одновременно я тронута до глубины души.

Родители быстро догоняют мою коляску, держась правой стороны, а Кей едет слева, и постепенно ко мне возвращается чувство защищённости в кругу семьи.

Впереди раздаётся трубный глас фанфар, военный оркестр возглавляет процессию. Очень быстро мы достигаем живого ограждения — гвардейцы оцепили квартал, чтобы толпа не взяла наш дом штурмом, не иначе.

Горожане машут, выкрикивают моё имя. Из напирающей с боковых улочек толпы в меня летят цветы, ленты.

— Княжна!

— Исидара! Наша хранительница!

Я начинаю подозревать, что Манс очень умело запустил выгодные империи слухи и выставил меня чуть ли не спасительницей Вадора.

Не мне возражать.

Коляска продвигается очень медленно, ползком. Наверное, мы могли бы ехать быстрее, но смысл в том, чтобы люди могли увидеть свою княжну. И я улыбаюсь, киваю, машу. Можно сказать, готовлюсь к роли жены принца — улыбаться и махать в будущем мне предстоит очень много.

— Дочка, я горжусь тобой, — папа быстро-быстро касается уголка глаз.

Я улыбаюсь шире.

Но вскоре улыбка превращается в оскал, лицо начинает болеть. Хорошо, что издали люди не видят мою гримасу и верят, что я добрая и приветливая.

Процессия достигает храмовой площади через два или даже три часа. Здесь тоже толпа, но теперь меня приветствуют не простые горожане, а мелкие аристократы. Самые влиятельные, включая бывших князей новоявленных лордов-рыцарей ждут меня в храме.

Вечность спустя коляска останавливается у подножия лестницы.

Я всего лишь встаю, а у зрителей это почему-то вызывает бурный восторг, приветственные крики становятся оглушительными.

Кей помогает мне спуститься на мостовую, а вот наверх ведёт уже папа. Меня приветствуют жрицы. Жрецы поднимают семь больших зеркал в круглых серебряных оправах, и я оказываюсь охвачена сиянием отражённого света. Мне начинает казаться, что я иду не по центральному проходу храмового зала, а по аллее Чертогов Белой богини. Будто капель переливается мелодия,

звучат напевные благодарственные молитвы. Я вижу знакомые лица, но лишь отмечаю присутствие лордов и леди, Габриэль с супругом-имперцем, бывшие княжны…

Длинная речь старшего жреца проходит мимо меня — я лишь притворяюсь, что внимательно слушаю, тем более речь я читала накануне. Насколько я знаю, составлять текст помогал Манс, а конечный результат Ксан утверждал лично…

К окончанию речи жрецы убирают зеркала, а жрицы выносят серебряный, накрытый шёлком поднос. В чаше из лунного камня плавает… ледышка размером с грецкий орех. Считается, что таким образом подают застывшую воду из небесного озера Белой богини. Ну… Я принимаю чашу обеими руками. Саму воду, в которой плавает ледышка, пить до дна не обязательно, нужно проглотить лёд, причём ни в коем случае не разгрызая.

Язык ощущает холод и едва уловимую сладость, с которой приходят свежесть и лёгкость. Жрица подмигивает, будто подтверждает догадку — ледышка заключала в себе капли силы Белой богини.

Ритуал приближается к завершению.

Я обхожу алтарь и склоняю голову перед стату-

ей богини. В зале воцаряется тишина. Я обращаюсь с молитвой, и зрители слушают каждое моё слово. Считается, что на коронации будущий правитель говорит с искренностью, идущей из самой глубины души, но правда в том, что текст написал… Манс, я лишь поправила под свой стиль и заучила наизусть, потому что звучащая сейчас молитва — это не столько обращение к богине, сколько обращение к подданным, причём это не столько моё послание, сколько послание Таэля.

Жрицы подступают с боков и возлагают на мои волосы венец Вадора.

— Да здравствует Благословлённая Белой богиней Хранительница благоденствия!

— Да здравствует хранительница!

Приветствие аристократов подхватывают люди на площади.

Я улыбаюсь, но, пожалуй, впервые с момента выхода из дома, не натянуто. Сердце начинает биться чаще. Сейчас появится тот единственный человек, которого я жду.

По проходу в сопровождении жриц я возвращаюсь ко входу в храм. Я на только машу зрителям, желающим увидеть венец Вадора на моей голове. Я встречаю Ксана.

Его высочество в ослепительно белом мундире,

но с покрытой чёрной чешуёй кожей выглядит очень странно, но для меня его вид не имеет никакого значения.

Спасибо, что не в маске. Как бы я целовала деревяшку?

Ксан, прибывший верхом, спешивается, уверенно ступает на нижнюю ступеньку лестницы, и мы встречаемся взглядами. Я наверху, он внизу. Я удивляюсь, как Ксан согласился, ведь он сейчас не сам по себе, он представляет империю.

Он поднимается, и все посторонние мысли выветриваются.

— Ваше высочество принц Шенайский, — я здороваюсь первой, как в иерархии нижестоящая, и приседаю в глубоком реверансе.

— Благословлённая Белой богиней Хранительница благоденствия, — без запинки отвечает Ксан и подаёт руку.

Я поднимаюсь, одновременно опираясь на его затянутую перчаткой ладонь.

Ксан предлагает мне локоть и ведёт обратно к алтарю.

Я ловлю себя на мысли, что наша свадьба отличается от традиционной — обычно невесту жениху передаёт отец или родственник-мужчина, в редчайших случаях титулованный аристократ.

Но я встретила жениха сама.

— Согласен ли ты, носящий под Небесами имя Ксанден, связать свою судьбу и разделить лунную дорогу с держащей твою руку носящей под Небесами имя Исидара? — жрица Белой богини задаёт вопрос, отличающийся от принятого в Таэле.

— Согласен, — твёрдо произносит Ксан.

— Согласна ли ты, носящая под Небесами имя Исидара, связать свою судьбу и разделить лунную дорогу с держащим твою руку носящим под Небесами имя Ксанден?

— Да, я согласна.

— Перед лицом Белой богини отныне и навсегда, вы Ксанден и Исидара, идёте общей дорогой судьбы. От имени Белой богини признаю вас супругами.

Вспыхивает и гаснет призрачный молочный свет. Мне мерещится, что на миг нас заключили в тёплый кокон, будто богиня взглянула на нас с Небес и улыбнулась.

Церемония в храме завершена. Сейчас мы повторно поприветствуем зрителей, но теперь как венценосные новобрачные, и на сменившейся открытой коляске поползём по улицам на продолжение празднования во дворец.

Мы замираем на вершине лестницы. Толпа

ликует. Ксан поднимает руку, отвечая на крики. Я повторяю за ним. Не знаю, сколько это длится. Под крики людей мы с Ксаном поворачиваемся друг к другу полубоком.

Открытое проявление чувств на публике не принято, но сегодня особенный день. Ксан, нежно придерживая меня за локоть, наклоняется. Я подаюсь навстречу.

Непроницаемый покров скрывающей его лицо костяной чешуи исчезает, открывается чистая кожа, но остаются знакомые полосы царапучих бляшек, так и не исчезнувших с того дня… Я остро как никогда ощущаю каждую сотую долю мгновения, меня завораживают его глаза. Его губы касаются моих, и больше всего на свете мне хочется раствориться в поцелуе, забыть о тех сотнях тысяч наблюдающих за нами людей.

— Иси, я люблю тебя, — шёпот для меня одной.

Ксан отстраняется, и я вдруг понимаю, что не поцарапалась.

— Чешуйки исчезли.

Забывшись, в нарушение всех мыслимых и немыслимых правил этикета я касаюсь пальцами его щеки.

Ксан улыбается. Его совсем не беспокоит, что только что лорды его узнали. Впрочем, он прав.

Что они теперь сделают? И я отвечаю улыбкой на улыбку.

Я счастлива.

— Идём? — спрашивает Ксан.

— Я люблю тебя, — отвечаю я невпопад.

И взявшись за руки, мы делаем шаг в наше будущее, непременно прекрасное и счастливое, ведь мы вместе и нам открыт целый мир.

Конец